

КАРАТ ТАТЬЯНА

ЕГО

собственность



А стоит ли радоваться, когда привлекла внимание красивого богатого мужчины? Все хотят быть Золушками, а готовы ли вы платить за это любую цену? Внимание подобного мужчины не всегда влечет за собой безумную любовь и роскошь. Иногда это боль, потери и унижение.

Как быть, когда адекватный и милый шеф превращается в безумца? Спасти бегством? А позволит?

РИТА

Моя первая работа, первая ступень во взрослую жизнь. Я так долго этого ждала, так много надежд и ожиданий. Мне почему-то это представлялось сказкой — дружный коллектив, всеобщая поддержка, даже отдых совместный на корпоративах. То ли я много ожидала, то ли жизнь в реальности как-то по суровой оказалась, но все вышло с точностью до наоборот. Сотрудники грубые, ничего толком не объясняют, а вот требований полно. Я проработала уже неделю, бегала, выполняя все требования, но не услышала в свой адрес ни одного доброго слова. Я конечно не маленькая девочка, жаждущая похвалы, но и пренебрежения я не заслуживала. Работа хорошая, высокооплачиваемая, но отношение сотрудников хуже некуда. Я знала причину этой холодности, но ничего с этим поделать не могла. На мое место зам директора хотела всунуть свою подругу, но указанием из центрального офиса утвердили меня. Там бухгалтером была уже моя подруга, и она постаралась. Этот факт как-то вышел наружу, и жизни в офисе мне не давали. Но и отступать не собиралась, не каждый день такую работу предлагают, а сотрудники... как-то справлюсь.

Через полтора месяца работы все нормализовалось. Я проявила себя как толкового сотрудника и все недоверие и настороженность пропали. Разве что только Нина Алексеевна — зам директора поглядывала на меня с неодобрением.

С начальством из главного офиса я была знакома только заочно. Документы передавала с курьером, собеседование проходила по телефону, благо подружка словечко замолвила. Я в принципе все о них знала. Кто директор, кто зам, кто чем дышит, у кого какие увлечения. Катька сообщала все в подробностях, некоторых я конечно, и знать не хотела бы. К примеру, то, как она оказалась свидетельницей интимного свидания немолодого женатого водителя фирмы и молоденькой кассирши.

Она задержалась на работе допоздна, и уже готова была уходить, даже пальто из гардеробной забрала. Но забыв телефон в рабочем столе, вернулась обратно. И пока доставала телефон из открытой сумочки весь хлам повалился на пол. И она так в пальто и полезла под стол собирать рассыпавшиеся вещи. И уже закончив, но не успев подняться из-под стола, Катька услышала что кто-то вошел. Неловко было выползть на четвереньках, и предстать перед вошедшими в неподходящем виде, поэтому она решила отсидеться под тем же столом. Из своего укрытия она видела только две пары ног — одни в женских красных туфельках, одетых явно не по сезону, другие в мужских ботинках. И чего у нее нет привычки, разглядывать обувь собеседников, так бы знала, кто здесь находится. Вот Оляка, молоденькая кассирша, замечала все: как одеты, во что обуты, и сколько это все примерно может стоить. Сейчас бы ее совет был кстати. Но томиться долго в неведении ей не пришлось.

— А вдруг кто-то зайдет?-

— Не бойся, я дверь закрыл. Да и все давно уже разбежались по домам. — Мужского голоса она не узнала. Он казался хриловатым, даже прокуренным и явно принадлежал человеку под пятьдесят. А вот женский принадлежал той же самой кассирше Оленьке. Они начали активно шуршать одеждой. Оленька ойкнула, и явно не от боли, а от наслаждения.

Носки ее туфель уже торчали в противоположную сторону от мужчины. Бумаги на рабочем столе около них зашуршали, скорее всего Оленька оперлась о стол. Штаны мужчины съехали на пол, пряжка ремня со стуком ударилась о звонкую плитку. Мужчина не был расположен на долгую прелюдию. Катя услышала, как он сплюнул, толи себе на руку, толи прямо Оленьке на зад, пошлепал немножко. Явно сейчас ей засадит. Кате стало не по себе. Точнее не по себе ей было когда кто-то вошел, а она под столом роется, а вот сейчас она чувствовала себя хуже не куда. И стыдно и неловко, а вот на сколько противно было это даже словами нельзя передать. Она услышала шлепок голых тел, рабочий стол около них со скрипом сдвинулся, а Оленька с наслаждением застонала. Катя видела только их голые ноги, и слышала звуки шлепающих ударов, но фантазия дорисовывала все подробности. Оля так стонала, что можно было кончить от одного этого звука. Сидя под столом, Катя слышала секс, ощущала его запах, и просто не могла не посмотреть на него глазами. Любопытство знаете ли! Она стала на колени, опустила голову, чуть ли не до самой земли, задрав при этом задницу вертикально вверх, и выглянула из-под перекладки. Открывшийся вид стоил потраченных усилий.

Мужчину она видела только до пояса, да и зачем ей была его голова, все интересующие ее части его тела были на виду. Оля с задранной до половины спины юбкой лежала грудью на столе, а ее симпатичный упругий задок был заманчиво оттопыренный вверх. Мужчина в свою очередь со всей силы врезался в этот самый задок. Он с такой силой врезался в нее, что она то и дело ездилась грудью по столу — взад-вперед. Его руки сжимали ее бедра помогая насаживать ее. Оля закатила глаза и вздрагивала в экстазе. Катя почувствовала как кровь быстрее побежала по венам и что было причиной этому толи возбуждение, то ли стыд, как-то не хотелось выяснять. Она еще никогда не была свидетельницей столь пикантной сцены. Стыд поборол любопытство, и она приподнялась с пола и надежней спряталась за столом, в ожидании окончания этого безобразия.

Так прошло, толи пять минут, толи полчаса, она даже не поняла. И все это время молча глядела на уже собранную с пола сумочку, гипнотизируя ее взглядом, чтобы не позвонил телефон. Спустя какое-то время после множества бурных охов и ахов они быстро оделись и вышли, а Катя еще какое-то время приходила в себя, прежде чем покинуть офис.

Она конечно подруге все рассказала. А на второй день, поехав с водителем в банк по поручению главбуха, она услышала знакомый голос. Игорь Александрович, пятидесятилетний водитель, поздоровался с ней, и всю дорогу, везя ее к банку, говорил о каких-то мелочах, о детях, жене. Катя, краснея, опустила взгляд на его ботинки, да действительно это они. Она их не забудет никогда, и всего того чему стала случайным свидетелем.

Я была в шоке от услышанного, и поэтому не расстраивалась от факта пренебрежения мною начальством. Деньги платят вовремя и не плохие, мозги каждый день не долбят, везде нос не суют, чего еще нужно? Я же старалась исправно выполнять все указания и требования.

Где-то под обед пришло сообщение по внутренней связи всем сотрудникам, с просьбой быстрее закончить сверку и отправить отчет, так как от этого зависит скорость начисления зарплаты. Сообщение было от бухгалтера. Я догадалась, что это Катька, она там заведовала начислением зарплат, и решила сбросить сообщение на ее компьютер.

— Смотри правильно начисляй. Не досчитаюсь — накажу.

— И в чем это будет выражаться? — Катька сразу же ответила, видно не такая уж и занятая.

— Пару шлепков по мягкому месту. — Тут же пишу я. Мы как-то в детстве играли, и я чем-то недовольная, шлепнула ее по попе так, что у нее потом неделю не сходил синяк. Мы тогда здорово поругались. А со временем это стало нашей шуткой — удар по попе сильнейшее мое оружие.

— Я стоически их выдержу, если потом разрешишь тебя пошлепать. — Я удивилась такому ответу. Это было не совсем в духе Катьки. Что за лесбийские наклонности? Но подумав, решила, что она в ударе и продолжила подколку.

— Вся в твоём распоряжении. — Всунула смайлик с язычком и отправила. Сижу и ржу сама с себя. Катька то меня поймет, а вот если кто увидит, подумают вообще девки того... Вижу, пришло еще одно сообщение. Открываю.

— Ловлю на слове! — И смайлик подмигивающий. Вот Катька совсем сума сошла. Пусть я — одинокая, свободная — ветер в голове, а она то — замужняя дама! Я улыбнулась про себя своей логике, а через минуту уже забыв обо всем, включилась в работу.

Три дня спустя нам объявили о корпоративе. День основания фирмы. Я не горела желанием ехать. Все конечно упиралось в финансовую сторону. Сейчас только пол зарплаты выбросишь на наряды, макияж прическу. Но Катька была непреклонна — тебе нужно познакомиться с руководством. Я, конечно, знала, что за этим стоит. Мы давно не виделись, живем в разных городах, а тут такой повод. Грех пропустить. Катька уже устала перетягивать меня в Одессу, а я все отнекивалась.

В свои двадцать четыре я живу с мамой и вполне счастлива. Она у меня просто замечательная, с ней так легко и спокойно. Но последнее время она вбила себе в голову идею фикс — выдать меня замуж. Скорее всего, это ее резкое желание вызвано тем, что я недавно рассталась с Владом, а она на него, судя по всему, строила планы грандиознее моих. Мама переживала наш с ним разрыв, как брошенная у алтаря невеста — со слезами и оханьями. Мы же расстались мирно, наши отношения выжили себя. Познакомились еще в институте, дружба переросла во что-то большее, но что, я так и не поняла. Хотела верить, что это любовь, старалась ощутить трепет внутри, бабочки в животе, или как там еще это называют? И даже секс, о котором в этом возрасте столько разговоров, ни принес мне ничего кроме неловкости. Я терпела, в надежде, что все изменится, появится что-то большее, чем просто общие увлечения и возможность поговорить на любые темы. Но за три

года ничего не изменилось, мы просто стали отдаляться друг от друга. А зачем ходить на свидания как на работу? С меня достаточно и одной обязанности.

Собравшись все-таки — я поехала. Праздник планировали растянуть на два дня, на ночь оплачивалась гостиница, хотя она мне без надобности, я планировала остановиться у Катьки.

Вечером при полном марафете мы подъехали на такси к месту празднования. Это был большой двухэтажный ресторан. Вторым этажом служил балкон со столиками для гостей. А на первом располагалась большая площадь для танцев.

Среди множества сотрудников я просто терялась. Каждый спешил поздравить гендиректора (он же собственник) предприятия. Мне как-то не хотелось толпиться в этой очереди подлиз. Я никогда не любила выступать на публику. Да и что говорить — заезженные фразы с пожеланием успеха и творческого вдохновения. Льстить — противно, а расхваливать постороннего человека, которого я совершенно не знала, я просто не могла. И выходя из этих соображений, я просто не подошла к директору. Катька же справилась на ура. У нее как-то, лились эти слова. Она находила к каждому особый подход. Это была ни грубая лесть, даже не банальная похвала. Она превозносила лучшие качества человека, напрочь забывая худшие. Все что она говорила, было правдой, которая нравилась собеседнику. Хоть эта правда была недосказанная, но это ведь не важно. И правду сказала и приятно сделала — одним ударом двух зайцев. Я поражалась ее умению, зарыла дар психолога под скорлупой бухгалтера.

Сначала застолья в зале было тихо, все вслушивались в слова ведущего, хотя не спешили участвовать в конкурсах. Но с каждым тостом, а соответственно и выпитой рюмкой все становились более шумными и раскрепощенными. Под присмотром Катьки мне все же пришлось выпить две рюмки водочки. А поскольку, пьяница я никакая, меня быстро развезло. Я не переходила границ допустимого, но смелости были полные штаны, точнее платье, если можно так сказать. Я одела коротенькое черное платье со свободной клеш юбкой. «В черном платьице «Шанель», стала взрослою теперь» — это было про меня. Хоть платье и не было от «Шанель», но чувствовала я себя в нем как нельзя лучше. В начале вечера оно казалось мне слишком коротким, да и спина почти оголена. Хоть Катька и успокаивала, что все вполне прилично, я все же чувствовала себя неловко. Но после двух стопочек, и пожирающих взглядов мужской половины нашего общества, я была уверена в себе на все сто. Поэтому долго упрашивать меня выйти потанцевать, да и поучаствовать в конкурсах не приходилось. Я весело зажигала с подружкой под быструю музыку, платье приятно скользило по бедрам, слегка открывая чуть выше приличного мои стройные ножки.

Музыка заканчивалась под зажигательные аккорды, и я закружилась вокруг своей оси на одной ноге, а другую — то выставляя, то сгибая в коленке. Выходило, прям, как отрывок балетного па. И на последних аккордах одна моя рука оказалась в крепкой явно мужской руке, а талия была прижата к мужскому прессу. Меня перегнули в поясице, так что я стала почти на мостик, а потом резко подняли. Я оказалась носом к носу... точнее носом к торсу с мужчиной, незнакомым мне мужчиной. А чего удивляться, тут все незнакомые мне мужчины, кроме разве что Сергея, он вместе со мной приехал из нашего филиала. Незнакомый мужчина хитро улыбался, как будто мы были хорошими друзьями.

— Хорошо двигаешься! — Вместо приветствия услышала я. В другой бы ситуации, не приняв двести граммов смелости на душу, я бы возмутилась столь нахальным поведением незнакомца, но сейчас мне это было приятно.

— Знаю — Не скромно ответила я. Тут из динамиков зазвучали мотивы танго. Я никогда его не танцевала, только видела, как танцуют.

— И этот сможешь? — Мужчина имел в виду танец. Увидев вызов в его глазах, я просто не могла пойти на попятную. Хотя я никогда не танцевала танго, но чувство ритма у меня отличное. И я приняла вызов.

— А ты? — Не о каком разговоре на «вы» не было речи. Хотя мужчина и был старше меня — ему явно было около тридцати, но его поведение, да и мои двести граммов отодвинули мое воспитание в сторону. Да и он не блистал воспитанностью. Смотрел на меня с высоты своего роста, а на губах играла хитрая улыбка. Глаза ярко сверкали, толи от выпивки, толи от возбуждения я не поняла. Да и не было когда.

Его ответом мне было перегибание меня в поясице чуть ли не вдвое. Ну что ж, мы поехали... Музыка понемножку ускоряла ритм, его руки все теснее прижимали меня к себе, мне казалось даже слишком тесно как для танца. Я исправно перебирала ногами, умудрившись ни разу не наступить ему на ногу. Мы так кружились под музыку, что танцующие потихоньку расступаясь, образовали круг восторженных зрителей вокруг нас. Музыка так же неожиданно закончилась, как и началась. И я стояла, запыхавшись прижата к нему. Только розы в его зубах и не хватало, для классического завершения этого танца. Вокруг послышались аплодисменты, а я стояла с поднятой головой и как влюбленная дурочка, тарасилась ему в глаза. Наш зрительный контакт перервала Катька, которая подошла и поздоровалась:

— Здравствуйте Николай Петрович. Я вижу, вы уже познакомились с новой сотрудницей. — Я моргнула несколько раз, пытаюсь привести мысли в порядок. Елки — палки, это же был тот самый зам директора в главном офисе, который всегда настаивал на личном знакомстве со всеми сотрудниками. Только он один настаивал на моем приезде в главный офис. Я тогда как-то отморожилась. А вот сейчас, знакомство с начальством да еще подобным образом, не сулило мне в работе ничего хорошего.

— Познакомились. Даже очень хорошо. — Эта фраза была сказана как-то двусмысленно. — Всего хорошего Маргарита Юрьевна. — Он попрощался легким кивком головы и отошел.

Я стояла в растерянности. По Катькиным словам я знала его полную биографию, и даже больше чем хотела бы сейчас.

— Ну ты даешь, подруга! Нашла с кем выплясывать. — Она как-то нервно улыбалась, и по ней было видно, что она не одобряет моего поведения. Я и сама, честно говоря, не одобряла. И куда делись сейчас мои двести граммов смелости. Наверное, выветрились, от столь бурного танца, но добавлять я больше не хотела. Желание танцевать у меня пропало. И оставаться здесь я так же больше не хотела. Катька поддержала мое желание и мы направились к выходу. Уже в фойе, сзади подхватив под руку, меня остановил он. Сказать, что я была удивлена, это ничего не сказать.

— Катерина Васильевна, оставите нас на минутку. — Он не просил, не спрашивал, он приказывал. Тон был мягким, но решимость в голосе не давала даже надежды на отказ.

— Я буду здесь, недалеко — Катька смотрела на меня, и казалось, извинялась глазами. Отказать ему она не решалась.

— Не бойтесь я не съем вашу подругу. — Он ослепительно ей улыбнулся, а когда Катя достаточно отошла, уже на ухо мне прошептал — разве, что слегка понаядкусываю. — Меня дрожь пробрала от этих слов. И чем она была вызвана, даже не знаю, толи страхом, толи

предвкушением. Я молчала, ожидала его слов. Мое предвкушение было не на столько, велико, чтобы прыгать ему на шею со словами: «возьми меня, я вся твоя». А он этого, скорее всего, ожидал.

— Вы уже собираетесь уезжать? — Он, видимо имел в виду нас с Катькой, не на меня же вдруг с глубокого уважения начал выкаты.

— Да, нам пора.

— Задержись, я тебя отвезу попозже. — Его руки были на моей талии, и пупком я чувствовала бугор в его штанах, которым он об меня не двусмысленно терся. Мое предвкушение, если оно и было, сменилось на панику. Не такая я девушка, чтобы после нескольких часов знакомства, прыгать к мужчине в койку. С Владом переспала только после года нашего, так сказать, дружеского романа. И то, было уже как бы, пора. В двадцать два года целкой не похващаешься.

И что ему сейчас ответить? Я не сомневалась соглашаться ли? Вопрос был в другом: как бы отказать, мягко и безболезненно, для его мужской, и скорее всего не маленькой гордости?

— Я не могу, извини... те. — Как-то замялась, на этом «извини». Мне его величать или как? Начальство все же.

— Давай без формальностей, Рита. Мы взрослые люди. Начало было хорошее, предлагаю продолжить. У меня. — Вот это да! С таким напором меня еще никогда никто не клеил. Те, кто меня хоть чуть-чуть знали, конечно, себе не могли этого позволить, но вот даже чужие, совершенно бесшабашные ребята, и те хоть немножко да боялись идти напролом, а вдруг откажу. Этот же, был настолько самоуверенным, что вариант отказа с моей стороны даже не рассматривал. Я понимаю, внешность неотразима, ну все же? А посмотреть действительно было на что — высокий, черноволосый, черты лица правильные. Короче, мужеством и харизмой прет за версту, ну все же не единственный красавец на белом свете. А вдруг у меня уже кто-то есть, он этот вариант не рассматривал? А вот это идея!

— У меня есть парень. — Я это сказала чуть громче, чем намеревалась и с таким превознесением, как вроде угадала правильный ответ на сложную загадку. Когда сморозила, поняла, что переиграла. И в подтверждение этому его скептический взгляд. Но помощь пришла от туда, откуда я ее не ждала. Катька, услышав мой вариант отмазки, подыграла. Подошла, и подхватив меня под руку, чуть ли не силой вырывая мою талию с его цепких лапиц, потащила к выходу со словами:

— Извините, Николай Петрович! Рита, тут тебе Влад звонил, ждет, волнуется. — Кака смекалистая, однако, у меня подруга! Нападения сзади Николай не ожидал и слегка растерялся, а когда опомнился, мы уже хлопнули входной дверью.

Вот те на — думала я — поехала на рабочий корпоратив, а приеду без работы вовсе.

— Чего он хотел?

— А ты догадайся с трех раз! — Мой сарказм был ядовит, самой стало неприятно. — Кать, извини, злюсь на него, а рычу на тебя. Да и чего он то, сама виновата, черт меня дернул идти танцевать. Я остановилась и повернулась в ее сторону и подняла указательный палец, тыкая в нее. — А пошла я танцевать, потому что кто-то чуть ли не силой заставил меня расслабиться с помощью двух стопочек. И как не крути логическая, цепочка возвращается к тебе. — Я смотрела на нее взглядом Шерлока Холмса, раскрывшего очередное дело — прищутив один глаз и дельно тыкая указательным пальцем уже чуть ли не ей в нос. Мы постояли еще несколько секунд в этом положении, а потом заржали на всю

улицу, как две малолетние дурочки. Нужно было сбросить напряжение, и лучшего метода, чем хорошо посмеяться — не было. Приехавший таксист, видя двух смеющихся женщин, скорее всего, списал это на чрезмерное употребление хмельных напитков.

Уже зайдя в Катькину квартиру, когда смех схлынул, и пришло понимание всей ситуации, было как-то не до веселых разговоров.

— Ритуль, ты не переживай. Ну, мало ли, потанцевала с начальником танго, что в этом такого. Я тебе о нем наговорила всего, может это и не правда, а так сплетни обиженных покинутых любовниц.

Я промолчала, кивая головой, показывая, что с ней согласна, но Катьку не так просто обмануть. Она все же ушла, оставив меня одну подумать. Да у меня действительно были сомнения по поводу моей дальнейшей работы. О Николае Петровиче действительно ходили слухи. Что он менял женщин как перчатки, что клеил молоденьких сотрудниц, а после короткого романа или отказа, увольнял их с работы. Катькина знакомая клялась, что он ее в командировке изнасиловал, а по возвращению уволил с работы. Наверное, боялся, что поползут слухи, но это не помогло, слухи о нем все же пошли. Как то сейчас, после столь специфического знакомства с ним, я не сомневалась в правдивости той истории.

Катя говорила, что он злопамятный. Что мне делать я просто не знала. Он явно клеился — танец, салюты шампанским, а чего только стоит его предложение задержаться и продолжить. Тут уже не было никакой двусмысленности. Отказать ему — уволит из-за униженного чувства гордости, не отказывать — все равно уволит, только после интрижки. Да и думать даже об этом вообще противно, не то что бы переспать вот так как шлюха, в надежде на сохранение работы. Меня передернуло. Единственный выход, который я видела, это уехать утром домой, и ни о каком утреннем тренинге не может быть и речи. С этой мыслью я и уснула.

НИКОЛАЙ

Я пришел в убитом настроении на это сборище льстивых хамелеонов. Конечно не все здесь такие, но большинство. Кто-то засветиться перед начальством, кто-то пожрать на халяву, конкуренты, явно, чтобы снять узоры и узреть недостатки. Я, зам директора, занимался организацией праздника, точнее по моему указанию занимались, я одобрял или не одобрял определенные действия. Называется, помог другу в трудную минуту, подбросил денежку, полностью изменил базу данных и систему защиты. Мне не сложно ИТ системы — это моя стихия. И на тебе — уговорили с помощью просьб слез и даже шантажа дружбой я теперь зам директора. Ну, по поводу слез я, конечно, преувеличил, а остальное было. Мне и раньше все нравилось — за не большое количество времени выполняешь как по моим меркам простенькую работёнку, и получаешь приличное количество денег. Жизнь сказка! А вот эти ежедневные походы на работу — к ним сначала привыкать было труднее всего. Но спустя два года такой работы я понял, что мне хочется организовать свое детище. В сфере того что у меня лучше всего получается — компьютерные технологии. И уже полгода существует мое детище. Правда, еще без руководителя — нужно найти себе здесь достойного приемника. Степка на других условиях просто отказывается меня отпускать. Становиться в позу и потерять друга я не хочу. Притом, в моем офисе достаточно толковый зам, который вполне эффективно со всем справляется.

Я, стоя около Степана, выслушивал очередь из одних и тех же повторяющихся фраз. Только Катерина Васильевна смогла внести свежесть и искренность в эту череду грубой лести и зависти. Увидев ее, я улыбнулся. Вспомнилась недавняя переписка с ее компьютера. Катерина как раз отпросилась в этот день после обеда домой. Я ее отпустил, а потом сам как дурак, выполнял ее работу. Что греха таить она красивая женщина, и я был бы не прочь, с ней замутить, не на долго конечно, на ночь — две, но она была не из того сорта женщин.

Спустя пару часов скукоты, мое внимание привлекла танцующая девушка. Она была явно под градусом, или может в толпе скучных и пугающихся лишнего движения сотрудников, просто казалась таковой. Девушка соблазнительно виляла попой, а легкое платье свободно скользило по стройным бедрам, приоткрывая их гораздо выше допустимой приличиями нормы. Я и не заметил, как увлекся этим видом, и даже не вспомнил, что несколько минут назад планировал уходить. Стоял как какой-то зеленый юнец в надежде, что вот-вот мелькнут ее трусики, и я их увижу. Столько раз я видел женщин в трусиках и без них, чувствовал их снаружи и изнутри, и вот сейчас эта, виляющая задом девушка, будоражит мою кровь. Я ее хотел, и по ее поведению было видно, что она не из тех, кто долго ломается. Я уже и не помнил, когда в последний раз танцевал, но ради ночи с такой красоткой, стоит вспомнить. Она никого не замечала вокруг, столь увлеченно танцуя. Если она так же увлеченно занимается сексом, ночь обещала быть горячей. Пришлось притиснуть ее к себе, прямо по среди толпы танцующих, чтобы привлечь внимание. Вблизи она оказалась не менее эффектной. Большие зеленые глаза слегка прикрыты черным веером ресниц, маленький чуть вздернутый носик почему-то напоминал мне капризную девочку из мультиков, а пухлые губки растянулись в зазывной улыбке. Темные волосы прикрывали голую спину, и несколько локонов опускались на грудь. Весь ее внешний вид кричал —

«возьми меня», и я готов был уступить этой просьбе. Афишировать свои амурные похождения я не привык, особенно среди рабочего коллектива, но эта девчонка уж больно меня заводила. Кто она я не знал, да и не задавался этим вопросом, мне совсем не обязательно называть ее по имени, когда я буду ей засаживать.

И в танце она была восхитительна. Эти движения, эта гибкость. Я представлял, как она на моем члене выделяет подобные виражи. И в миг, когда она подняла свою коленку ко мне на бедро, а я выгнул ее, чуть ли не до пола, я все же увидел ее трусики. Черные кружевные — маленький лоскуток ткани, прикрывающий столь желанное для меня место. Я уже представлял, как срываю их и с силой вхожу в тесные глубины. Вот она прижимается ко мне, или это я ее прижимаю. Зеленые большие глаза смотрят на меня возбужденно, а пухлые губы слегка приоткрыты, так и просят о поцелуе. И я, забывшись, уже склоняюсь, чтобы выполнить эту немую просьбу, но за ее спиной вижу приближение Катерины Васильевны. Меня сразу осенило кто передо мною. Это может быть только ее подружка Маргарита, которая так не хотела приезжать на собеседование, и именно поэтому она одна единственная сотрудница, которую я не знаю в лицо. Слава Богу, память не подвела, вспомнил ее отчество и достойно вышел из ситуации.

На протяжении всего вечера мои глаза смотрели только в ее сторону. Она притихла и больше даже не танцевала, а я был бы не прочь, посмотреть еще раз это представление. Я несколько раз приветствовал ее бокалом шампанского, на что она просто отводила глаза. Какая разительная перемена, неужели узнав, кто я она испугалась?

Я все время не упускал ее из виду, рассчитывал чуть попозже увести ее в укромный уголок, а там дальше, как карта ляжет, можно и ко мне. Видя, что они с подружкой засуетились и пошло на выход, пришлось отказаться от плана долгого соблазнения и пойти напролом. Да и какая разница, каким образом заполнить ее в постель?

Она явно испугалась. Сейчас при ярком освещении фойе, оказалась гораздо моложе и менее опытной в амурных делах, чем мне показалось в самом начале, но не на столько, чтобы я почувствовал себя извращенцем малолетних. Было видно, как она придумывает отговорки, и скорее всего из-за своего испуга, а не нежелания продолжить со мной вечер. И не стой за моей спиной Катерина, я бы привел более весомые аргументы, чтобы она согласилась. Чувствуя же затылком взгляд, не мог позволить себе распускать руки.

Ее ложь о парне меня рассмешила. Нет, я не сомневался, что у столь привлекательной девушки может быть парень, но и то, что она врет, можно было увидеть за версту. Еще ни разу не видел столь не умеющих врать женщин.

Того поворота, с каким развивались события дальше, я просто не ожидал. Эти две пигалицы меня обвели вокруг пальца. Не то чтобы обманули, но я чувствовал себя именно так. Чуть рот не открыл от удивления. Пришел в себя, когда хлопнула входная дверь. Стыдно признаться, но меня еще с носом так никто не оставлял. И от осознания этого, накатила волна какого-то безосновательного смеха. Стою в огромном фойе, задрал голову вверх, и ржу сам с себя.

Но уехать не получилось. На второй день был запланирован тренинг, на котором необходимо было присутствовать. «Я не маленькая капризная девочка, чтобы всего пугаться и в кусты».

Эту фразу я себе поставила за жизненное кредо еще в десять лет, когда от нас ушел папа. Мама берегла мою детскую психику как могла. Его не приход по ночам домой — «папочка много работает», пришел в пьяном виде — «папа устал, просто немножко расслабился». И что там было за закрытой дверью их спальни, когда он возвращался в таком состоянии, я не знала. Ее слезы — «просто доченька смотрела печальный фильм», а опухшие красные глаза по утрам — «не выспалась, солнышко, сон плохой приснился». Отец не приходил часто пьяным домой, он вообще часто домой не приходил. Много работал как мама говорила, а то, что не взирая на это, ей приходилось самой работать на двух работах, у меня как-то не вызывало подозрений. Я росла как в каком-то коконе, созданном мамой. Проблемы меня не касались, они просто обходили стороной.

И когда к нам пришла чужая тетенька с большим животиком и стала орать, чтобы мама отпустила папу, так как у них вот-вот родится ребенок, мир обрушился на меня со всей жестокостью. Я не знаю, правильно ли мама делала, что скрывала от меня всю правду об отце, и как бы я поступила на ее месте. До десяти лет я была самым счастливым ребенком и в этом только ее заслуга, но вот когда потом мир разрушился в одночасье, пережить это было нелегко.

Отец ушел, а я в это не верила. Он ведь был самым лучшим, всегда правильным и идеальным, по крайней мере, так мама говорила, а потом плохая тетенька его украла. Я еще долго ходила к нему на работу, узнала где он живет и простаивала в холодном подъезде по пол дня, чтобы увидеть его и попросить вернуться. Натыкалась на холодный равнодушный взгляд и верила, что его просто чем-то опоили, что это не он. Мой папа другой, мама ведь говорила.

Сейчас вспоминая свое счастливое детство, я не помню, каким был папа, я его вообще плохо помню, приходил поздно, уходил рано, на выходных у него всегда были какие-то планы, и в них не входила семья. Все что я помню о нем это рассказы мамы.

Осознав всю правду, очень злилась на маму, за ее ложь, а сейчас благодарна ей за счастливое детство, которое она для меня создала в ущерб себе.

Сейчас повторяя эту фразу, я настраивала себя на встречу с Николаем Петровичем. Он должен был вести этот тренинг. У меня как-то язык не поворачивался называть его Николаем Петровичем. В присутствии окружающих конечно, а вот сама для себя я его называла только «он». Не знаю почему, наверное, это из-за своеобразного знакомства. Тренинг должен был проходить на природе, около озера. Всем было сказано прийти в чем-то свободном и удобном. На улице май, тепло и солнечно. Катька одела джинсы и блузку, а я как примерный и исполнительный сотрудник натянула на себя спортивный костюм, снизу одела футболку, на случай жары, чтобы можно было раздеться. Катя улыбнулась и предложила переодеться во что-то более нарядное. Я отказалась, природа так природа,

отдых на зеленых лужайках у меня ассоциируется с шашлыком и волейболом. Я так поняла, что будут какие-то конкурсы и решила что оделась, как нельзя более подходяще.

Но моя уверенность развеялась, как только мы туда приехали. Все были разряжены еще больше чем вчера. Женщины в длинных вечерних платьях при полном макияже, с дорогими украшениями, на шпильках, которые то и дело грузили в мягкой земле, вытаскивая наружу клочки болота. Катька в своих джинсах и блузке еще как-то вписывалась в эту обстановку, а вот я в спортивках выглядела, мягко говоря, убого. Мне хотелось тут же развернуться и уехать, но это было непозволительной роскошью. «Я не маленькая капризная девочка...» — стала повторять про себя. Мне бы сейчас вчерашней храбрости двести граммов, но когда стали предлагать горячительные напитки я отказалась.

Через какое-то время приехал он. Но почему я так зациклила на нем внимание? Я для него никто и никем останусь, он мой начальник, и не просто мой он большой начальник. А кто же я? Маленькая влюбчивая дурочка? Эта мысль меня шокировала. Эй, Ритка, остановись, какая может быть любовь? Он с тобой немножко поиграл вчера вечером, а ты под действием алкоголя клюнула на эту удочку. Еще не хватало после одного танца и двух фраз брошенных невзначай, с его стороны, превратиться в полную идиотку. Отрезвляющие мысли хоть как-то заставили отвести от него глаза. И только сейчас я заметила, что на нем одет тоже спортивный костюм. Его спортивки стоили, да и выглядели намного дороже, чем костюмы большинства присутствующих здесь мужчин. Но это не меняло самого факта, что он все же в спортивках. Степан Алексеевич был одет солидно, да и в его возрасте и при его статусе в спортивках он как-то не смотрелся бы. Ген директор и в спортивках — смешно. А вот его заместитель — молодой мужчина, в спортивном костюме и на природе выглядел безумно сексуально. Низко сидящие штаны, обтягивающая футболка, которая изредка задиралась на животе, оголяя рельефные кубики пресса. У меня чуть слюнки не потекли. И с каких это пор я стала такой ценительницей мужского тела? Раньше я как-то к этому относилась хладнокровно.

Он поздоровался со всеми присутствующими, никого персонально не выделяя, и меня в том числе. Я почувствовала себя разочарованной. И почему, я же сама этого хотела? Неужели я могла подумать, что от одного маленького танца он воспыхает ко мне безумной страстью? Я все же попыталась отключиться от мыслей о нем и сосредоточиться на вопросах тренинга.

Когда темы тренинга были разобраны, а шашлык еще пока не готов, большинство присутствующих разбрелось по округе. Кто пошел к озеру, кто углубился в лес. Я тоже пыталась затеряться здесь. Мы с Катькой направились к отдаленной бухточке скрытой под тенью деревьев. Пройдя половину пути, Катю окликнул один из сотрудников ее офиса, с просьбой что-то неотлагательно проверить. Катька вернулась. А я не хотела возвращаться. Как-то неловко, стоять в обществе незнакомых модно разодетых людей находясь в спортивном костюме. Я уже сотню раз успела пожалеть, что не послушалась совета подружки. И даже то, что он тоже был в спортивках, меня особо не радовало. Вот одень бы я хоть бы брюки и блузку, все равно бы чувствовала себя более уверенно. Вчера при полном наряде, я ловила на себе завистливые взгляды женщин и похотливые мужчин. Сегодня же, я кажется, во всех взглядах видела только недоразумение. Кто удивлялся чему же тут завидовать, кто не понимал, как можно было вообще обратить на меня внимание. А может все мои мысли основаны на моем чувстве неуверенности? Может все мои «догадки» по поводу мнений окружающих основаны на моих предубеждениях? Я продолжила свой путь одна.

Бухточка действительно была прекрасна. Вода была прозрачной, и под ней просматривались все камушки, вышлифованы прибором до идеальной гладкости. Она отражала склонившиеся сверху ивовые ветки, которые изредка, толи од ветра, толи по каким-то другим причинам, касались идеальной глади, образуя расходящиеся круги. Хотя будь то ветер, он бы образовал на поверхности воды волнистую рябь. Здесь же было так спокойно и уютно, что я наконец-то смогла отключиться от мыслей о вчерашнем вечере.

Через несколько минут я услышала сзади шаги, «быстро же Катька справилась», пронеслось у меня в голове. И я уже хотела развернуться и поинтересоваться причиной ее срочной надобности, но тут мою талию обхватили две сильные руки, а волосы на затылке защекотало теплое дыхание. Он. Я сразу испугано дернулась, а потом что-то внутри затрепетало от этой мысли. Он здесь, и я ему нужна. Ну, «нужна» это слишком громко сказано. А вот «он обо мне вспомнил» — это уже ближе к истине. Но даже моя критичная мысль не могла помешать чувству удовольствия, которое нахлынуло на меня.

— Мы, кажется, вчера не закончили. — Его голос был глухой с легкой хрипотцой. И один этот голос уже меня возбуждал. Он был столь чувственный и манящий, что в нем хотелось раствориться и ни о чем не думать. Тем более о работе и о возможных последствиях. Дыхание на шее перешло в легкие поцелуи, от которых прошла дрожь по всему телу. Руки сильнее сжали мою талию и прижали меня спиной к его торсу. Когда его руки стали подниматься и обхватили мою грудь, слегка сжав соски, я опомнилась.

— Нам нечего заканчивать. — Я попыталась отстраниться и убрать его руки, но у меня ничего не получилось. На языке вертелись слова извинения, но я так и не смогла их произнести. Я даже не знала, почему мне надо было извиняться.

— Не вырывайся, а то отшлепаю — дернулась от этих слов. Что за наглость, какие-то извращения? Но эти слова мне показались смутно знакомыми. А щекой я чувствовала его растянувшиеся в улыбке губы. И тут до меня — мы же с Катькой переписывались на работе, и кажется, именно эту фразу я ей и написала. Откуда он знал о нашей с Катькой шутке. Или он читал ее переписку. — Ты обещала быть вся в моем распоряжении, помнишь? — продолжал он. Я хотела развернуться и посмотреть на него. Не знаю даже что, именно я хотела увидеть на его лице, уличив его в просмотре чужой переписки. Может стыд или покаяние, но вряд ли. Хотя я его еще не достаточно знала, а точнее совсем не знала, но я уже понимала, что эти чувства ему не присущи.

Но он не дал мне повернуться. Я была зажата в стальных тисках, и сама принимать решения по поводу передвижения своего тела просто не могла. Все мое возмущение вырвалось одним словом...

— Вы...?

— Я?

— Вы читали нашу с Катей переписку? — В моих словах был и испуг и обвинение. Как он мог, да и зачем? Я напряглась, вспоминая, о чем еще я писала. Не было ли там чего-то из ряда вон выходящего.

— Нет, красавица, ты переписывалась со мной. И помнится, кое-что мне обещала. — Как, с ним? Он не может этого говорить серьезно. Или может? И что же я там обещала?

— Я не знала, что это были вы. — Попытка еще раз повернуться к нему лицом не увенчалась успехом. Я не могла его видеть — только чувствовать.

— Зато я знал, что то, была именно ты. Да и не стоит «выкать», мы с тобой в неофициальной обстановке. Я бы сказал в очень даже неофициальной. — Это была ложь, в

то время он меня даже не знал. Но эти слова мне почему-то льстили. С каких пор я стала такой глупой, чтобы таять от подобных слов. А я таяла...

Одна его рука опустилась на мою попу и слегка шлепнула ее. Больно не было, но было чувствительно. Мои глаза распахнулись от удивления. Я пыталась что-то сказать, возмутиться, но не могла найти подходящих слов. Я была возмущена его наглостью, поражена смелостью и захвачена чувством своего превосходства перед всеми остальными женщинами присутствующими здесь. Ведь только на меня он обратил свое внимание, а за его внимание сражались многие, это было видно невооруженным глазом. Все эти улыбки, томные взгляды из-под ресниц, направлены на него. Не то что бы я следила за этим... или действительно следила? Почему-то он заинтересовал меня своим поведением, хотя более широкие жесты других мужчин, столь же привлекательных меня как-то не трогали.

Я так и стояла, ошарашена его наглостью и застывшая как под гипнозом. Я не знала, что сказать и в итоге только безмолвно открывала и закрывала рот. Другая рука его продолжала ласкать мою грудь. Даже через одежду я чувствовала жар его прикосновений. Глаза сами собой закрылись, а голова пошла кругом. С закрытыми глазами обострились еще сильнее все мои чувства. Легкое трение подбородком о мои волосы, от чего по спине побежали мурашки, мужской запах, с едва ощутимой ноткой морского бриза... все это сильнее и сильнее окутывало меня хитро сплетенной паутиной его очарования. Я будто парила где-то в облаках, Такая легкая, и в то же время такая тяжелая, что хотелось на него опереться, и просто раствориться в нем. Все здравые мысли разлетелись, и только возбужденное тело требовало продолжения ласк. Его губы, поцелуем коснулись моего ушка, задержались и обласкали его. Потом опустились ниже и проложили мокрую дорожку из поцелуев к моей ключице. Эту ласку нужно запретить, она лишает женщин остатка разума и вынуждает отдаться искустителю. Я уже сама льнула к нему спиной, ощущая попой внушительный бугор его паха. Его руки смело исследовали мое тело, и томительная неспешность сменилась резким порывом страсти. Его приглушенное рычание над моим ухом, выражавшее все его нетерпение, звучало для меня музыкой. Одна ладонь легла на мой лобок и через штаны помассировала мою промежность. Но я, как бы, не замечала этого постыдного движения. Я ловила ощущения — томление во всем теле, предвкушение чего-то прекрасного. Это было восхитительно. Он руками придерживал, а тазом врезался в меня, имитируя извечный танец любви. Сначала это были плавные движения, постепенно перерастающие в яростные толчки. Это был не то секс, не то танец, да нет, наверное, что-то среднее. С моих губ сорвался стон удовольствия, и я почувствовала, как его губы растянулись в довольной улыбке. Я даже не заметила, когда он успел пробраться под штаны и трусики, только почувствовала его теплую жадную ладонь на своей киске. Его нежные пальцы раздвинули лепестки моей розы, и плавно погрузились во влажные глубины. Было видно, что он себя сдерживал из последних сил. Я уже ничего не понимала, я просто превратилась в комок нервов и впитывала в себя эти восхитительные ощущения. Я плыла по морю удовольствий, а его пальцы с каждым проникновением и поглаживанием погружали меня все глубже и глубже в этот омут страсти. Он с силой прижался своим тазом ко мне, погрузил глубже пальцы в мою текущую киску, и я не могла больше выдержать этой сладостной пытки. Меня накрыло волной удовольствия, это была не просто волна, это была цунами. Я никогда раньше подобного не испытывала. Я услышала отдаленный крик и только потом поняла, что он сорвался с моих губ. Мое тело вздрагивало как в припадке. О, как бы я хотела продлить этот припадок в вечность. «Остановись мгновенье ты прекрасно!» — я была готова сейчас произнести эти слова даже

б, если черт потом забрал мою душу. Хотя ему, похоже, сейчас было нужно только мое тело.

Я ехал на тренинг в ожидании чего-то такого... Чего именно я не знал, но сердце переполняли эмоции, сродни которым я не ощущал еще с подросткового возраста. Внутри был какой-то трепет, ожидание чуда. Но чуда, это я, конечно, загнул, прям детский лепет какой-то, а вот ожидание бурных событий сексуального характера, было. Я взглянул в зеркало и мне улыбнулся незнакомый мужчина. Да это же я! Я не помню когда в последний раз, так улыбался. Мне вспомнился вчерашний танец. И почему эта девчонка не выходит мне из головы? Может потому что вчера я ее не получил. Обычно женщины сами вешаются мне на шею. Кто хочет секса, кто денег, а я комплекс — два в одном, а вот она вчера улизнула. Я видел ее глаза во время танца — она меня хотела. Скорее всего, Катерина ее остепенила. Вот сегодня мы это выясним и исправим. Я еще раз довольно улыбнулся.

Я приехал, когда уже все собрались. Холодно поздоровался, не взглянув на нее ни разу. Нечего добавлять больше сплетен, чем уже есть. Вчерашний танец и так будут обсуждать еще месяц. Она уедет, а мне слушать шушуканье за спиной, и видеть томные взгляды романтических барышень. Я ж им не объясню, что хотел увидеть трусики девушки и поволок ее танцевать танго. Эта мысль меня рассмешила, а мимо проходившая Оленька, молоденькая кассирша, и растаяла, подумав, что улыбка предназначалась ей. Еще чего доброго бросит своего любовника Игоря Александровича. Я не раз посматривал на нее, особенно после той памятной записи.

Месяца три назад, по совету службы охраны мы в офис поставили несколько скрытых камер наблюдения. Я конечно понимал, что мы увидим не только хищение информации и канцтоваров, а и ковыряния в носу и подтяжку колготок. Но на такое напороться даже я не рассчитывал. Буквально через неделю Василий Васильевич начальник службы безопасности показал мне интереснейшее видео. Там Оленька выступила в роли порно актрисы, притом очень даже профессионально. Просмотр оказался вдохновляющим. В офисе мы решили не афишировать столь пикантную ситуацию, и через неделю объявили о плановом установлении камер видео наблюдения, демонтируя скрытые и устанавливая их на видном месте.

После тренинга я увидел как она с Катериной направилась в отдаленную бухточку. Не воспользоваться такой ситуацией я просто не мог. Подозвал Антона, придумал какое-то поручение для Кати, и велел передать его. Это на минут двадцать ее задержит, а мне больше и не надо. Не хочу, чтобы ее подружка помешала нам еще и сегодня.

Она стояла одиноко у берега озера. Я бы, наверное, залюбовался ею при любых других обстоятельствах, но не сейчас. Сейчас я просто хотел это тело. Раздвинуть эти стройные ножки, ощупать упругую попку, и засадить в те тайные недра, которые спрятаны между этими ножками. У меня уже стоял колом. Я не хотел прелюдий, не хотел ласк, я хотел просто ее отыметь, сильно даже жестко, отыметь по полной программе.

От одного моего прикосновения она задрожала. Она хотела того же. Девушка так бурно реагировала на мои прикосновения, что мне хотелось ласкать ее до бесконечности. Я упивался ее тихими стонами, ее вздрагиваниями. Еще несколько минут назад, я не собирался ее ласкать. Хотел трахнуть по быстрому и уйти, а теперь ее удовольствие словно откликалось во мне. Она виляла попой, подставляя ее под мой член. Мы терлись друг о

друга, и это приносило сказочное удовольствие. Ее упругая грудь наполняла приятной тяжестью мою ладонь. Соски превратились в маленькие комочки от возбуждения. Когда я пробрался рукой к ней под трусики, она была вся мокрая. Ее припухлая от возбуждения маленькая киска приятно скользила под моими пальцами. Я просунул в нее сразу один палец, потом два, она так тесно их обтягивала, что я сдерживался из последних сил, чтобы тут же ее не поставить раком и не засадить по самые яйца. Этот танец страсти заводил меня все больше и больше. Она уже сама насаживалась на мои пальцы, все быстрее и быстрее лаская задом мой член. Девушка задрожала, ее стон был для меня музыкой. Я был в шоке от того, что она так быстро кончила, прямо на моих пальцах. Дав ей несколько минут прийти в себя, после бурного оргазма, я решил больше не ждать, а получить то, что мне сейчас так необходимо.

Схватив большими пальцами ее спортивные вместе с трусами потащил их вниз. Заблестели ее розовые упругие ягодицы. Но всего лишь на мгновение. Рита тут же спрятала их обратно под штаны. Она попыталась меня оттолкнуть, но я все еще с силой вжимал ее в себя. Мне нужно было продолжение, позарез, нужно. Она попыталась убрать мои руки, из-под своей одежды, молча борясь со мной. Это было похоже на игру, если бы не длилось так долго. Она прилагала все усилия, чтобы вывернуться из моих объятий. Сломить ее сопротивление мне ничего не стоило, но такая игра мне нравилась. Как жаль, что у нас сейчас не было времени на подобные игры. Я попытался заломить ей руки, показывая этим то, что игра закончена, но эта мерзавка, со всей силы кольнула меня локтем в живот. Да это было не что иное, как самый настоящий укол. Ее острый худой локоть врезался мне в живот с невероятной силой. Я даже подумать не мог, что в этого нежного цветка такие шипы.

Так это оказывается совсем и не игра была, она действительно не хотела продолжения. Что за девки пошли — отдаваться чуть-чуть? Я же видел, что она хотела, вся потекла. К чему же эта запоздалая скромность? Или, может, таким образом, пытается разжечь мой интерес?

РИТА

Я была как в тумане. Столько новых ощущений. Чувства переполняли. Это были и удивление, и непонимание происходящего, крупица стыда и полный восторг от удовольствия переполнявшего всю меня. Что же он такого со мной сделал? Ноги подкашивались, тело дрожало, толи от холода, толи от жара непонятно. В ушах звенело, а сердце трепетало как птица. Не то чтобы я была невинной девушкой, к своим двадцати четырем годам я уже знала, что такое секс. Не было большого опыта, но все же... а тут такое. И от простого прикосновения рук. Ну что греха таить не совсем и простого. Но это все равно только руки, а что было бы от... Меня, от столь захватывающих мыслей отвлек холод. Не то чтобы я замерзла, но прохладный ветерок прогулялся по моей ничем ни прикрытой пятой точке и это меня отрезвило. Что он делает? Неужели хочет сейчас и здесь этим и заняться? Меня как-то покорило от этой мысли, а лицо покраснелось еще больше, если это было возможно.

— Нет! — Я все же смола произнести хоть слово. Сначала шепотом, неуверенно, потом повторила еще несколько раз уже вполне уверенно и громко.

— Нет! Нет! Нет! — Я даже притопнула ножной для большей значимости своих слов, но он этого не заметил. А вот удар локтем в живот заметил. Я почувствовала как он напряг мышцы живота и замер на мгновение, но хватку не ослабил. Я тут же пожалела о столь резком поведении. Не стоит так с начальством поступать. Да и с подчиненными так не поступают. Не позволяют себе того, что позволил он. Но мы сейчас не были начальник и подчиненная, мы были просто мужчина и женщина, охваченные страстью. Но пелена безумного желания с меня спала. Толи от того что я уже получила огромное удовольствие, а может прохлада свежего воздуха на моей оголенной попе привлекла мое внимание, но я уже не хотела продолжения. Возможно, и хотела, но здравый смысл, который выдвигал мне все возможные последствия, столь необдуманного поступка, я уже не могла игнорировать. А пелена, по-видимому, спала только с меня. Мужчина, тискавший меня сзади, ни как не реагировал на все мои протесты. Я развернула голову, чтобы взглянуть ему в глаза. Они были затуманены страстью. Мой взгляд невольно опустился вниз, и я увидела приспущенные штаны, из которых выглядывал внушительных размеров член. Это меня шокировало больше всего возможного. Наверное, если бы сейчас кто-то вылил мне не голову ведро холодной воды, я бы не так была ошарашена. А в принципе к этому все шло, чего же я ожидала увидеть. Нет, я не была совсем неопытной в этой сфере, я видела мужской член. Правда, не при таких обстоятельствах — ночью в полутьме в постели, с любимым, хорошо знакомым мужчиной. Хотя я вообще не могла припомнить, когда мне доводилось рассматривать столь интимную часть мужского тела. Как-то в самый ответственный момент было то ли стыдно, то ли неловко туда взглянуть. А вот сейчас при свете дня, с посторонним мужчиной, который меня больше пугает, чем восхищает, я стою и смотрю на его член. А я действительно уставилась.

— Нравиться? — На его красивом лице заиграла хитрая полуулыбка. Я не знала, что ответить на столь шокирующий меня вопрос. Как мне может это нравиться? Хотя честно признаться мне понравилась увиденная картина, но мне было стыдно признаться в этом

даже самой себе. — Вижу, что нравиться, так чего же ты застыла, давай продолжим.

— Нет! — Его глаза расширились от удивления. И чтобы хоть как-то аргументировать свой отказ я сказала первое, что пришло в голову. — Нас могут увидеть. Сейчас Катька вернется. — Я стала с удвоенной силой вырываться с его стальных объятий. Он немножко ослабил хватку, позволив мне полностью развернуться к нему лицом, но все же не размыкал кольца своих рук удерживающего меня при себе.

— Она взрослая девочка все поймет и даже если что-то увидит, сделает вид, что ничего не было. — Он заканчивал свою речь, где-то у моего уха, проводя дорожкой из легких поцелуев к моей ключице. У меня подворачивались глаза от удовольствия. Но страх последствий был больше, и я со всей силы оттолкнулась от него. Он не ожидал от меня такого, и именно поэтому мне удалось вырваться из его цепких объятий.

— Я сказала, нет! Я не хочу. — Я отошла от него на несколько шагов. И с увеличением расстояния между нами я набиралась больше смелости, и уверенности в своих словах.

— Несколько минут назад ты была другого мнения. — Его взгляд стал жестким, пугающим. — Или может это новая игра? — О каких играх он вообще говорит?

— Никаких игр. Я не готова к этому.

— Более готовой быть просто нельзя. — В его словах чувствовался скрытый смысл. Мои щеки заалели. Да, ведь он чувствовал мое возбуждение несколько минут назад, доводя меня пальцами до оргазма. Его орган дернулся. Я старалась не смотреть в этом направлении, но боковым зрением все же увидела шевеление и уставилась прямо на свидетельство его возбуждения. От непонятных чувств, нахлынувших на меня, я прикусила нижнюю губу, показывая ряд своих ровных, белых зубов. Я неосознанно медленно выпустила губу из плена и это почему-то его обрадовало. Он приподнял левую бровь, а на губах заиграла хитрая улыбка. Я бы даже назвала ее злой, а точнее опасной.

Мой инстинкт самосохранения вопил — беги, и я, прислушиваясь к нему, сделала еще несколько шагов назад. Он прекратил улыбаться и спрятал в штаны свою плоть.

— А я ведь могу взять силой, то, что ты мне только что предлагала. И меня никто за это не осудит. — Его лицо было непроницаемой маской, а голос хоть и тихий, но слова резали слух.

— Я буду кричать. — Он так быстро ко мне подскочил, и зажал рукой мой рот, что я от неожиданности не успела даже пикнуть.

— Если сможешь. — Это был толи вопрос толи констатация факта, я не могла понять. Я смотрела в его темно карие глаза так близко, что видела там себя и страх в своих глазах. — Со мной такие игры не проходят. Я всегда отдаю долги, и с других требую того же. — От него веяло опасностью. Все в нем — его глаза, голос, даже запах — были опасны. Я ощущала это, не знаю чем именно, но ощущала.

Сзади зашуршала трава, ветки ив ударяли друг о дружку подсказывая, что к нам кто-то приближается. Он убрал свои руки в карманы, и я инстинктивно отшатнулась, а потом медленно отступила на несколько шагов, не отрывая взгляда от его глаз. Да, я кажется, и не могла оторвать, он меня держал взглядом как на поводку. Может это гипноз — пронеслось у меня в голове. Шаги стали уже громче и я все же смогла отвести свой взгляд. За спиной Николая стояла Катька. У нее было на лице написано непонимание.

— Я вам не помешала?

— Нет — нет. Я как раз хотела пуститься на твои поиски. — Я пошла ей на встречу. Проходя мимо Николая, я коснулась его плечом, хотя старалась избежать этого. Это было

непросто легкое прикосновение, это был удар о скалу. И я знала, что это не случайность.

Когда мы отошли, Катька начала и энтузиазмом выпрашивать подробности нашей с ним встречи. И я единственный раз за все наше знакомство не захотела ей рассказать правду.

В тот вечер у меня не было настроения разговаривать с подругой. У нее на лице было написано любопытство большими буквами. Я не готова была рассказывать подробности своей встречи с Николаем, а врать не хотелось. Так и легла спать молча. Но сна не было ни в одном глазу. Мне было над чем поразмыслить. Хотя из-за столь Накрученного состояния я не могла сконцентрироваться ни на чем конкретно. Воспоминания о его прикосновениях будоражили мою кровь, и по венам растекался жар. И тут же, как бы специально, память подбрасывала его жесткие злобные слова, и от этого мороз пробегал по коже. И как бы я не переворачивала ситуацию, как бы не пересматривала ее со всех сторон, итог напрашивался один — работу я, скорее всего, уже потеряла. И это было хуже всего. Я столько из-за этого места вытерпела, все те предирания сотрудников, все подставы, бесконечные часы телефонных звонков, подбор клиентов. И все это зря. Два дня неразумного поведения и все коту под хвост. Я встала пораньше, не желая будить подругу, собрала вещи и тихонечко вышла с квартиры, оставив несколько прощальных строк приклеенных магнитиком на холодильнике.

Город был загружен, не смотря на столь раннее время. По всюду сновали люди, спешившие каждый в своем направлении, визжали машины, возмущаясь подрезавшим их такси, которые, не взирая, на правила, всегда спешили за длинным рублем. Я, выросшая в тихом городе, и не привыкла к столь бурной жизни в столь ране время.

Я из-за желания поскорее уйти с Каткиной квартиры, не разбудив ее, совсем забыла о такси. Не зная Одессы, я даже представления не имела, в каком направлении, и на каком транспорте добираться до ЖД вокзала. Дойдя до ближайшего супермаркета, я увидела несколько припаркованных машин на парковочной площадке, среди них оказалось две машины такси. Я села в первую, не спрашивая о цене, сразу указала адрес. Я догадывалась, что из-за такого поведения доплачу лишний полтинник к стоимости поездки, но сейчас это меня не волновало. Я хотела быстрее добраться до своего спасительного мирка. Родной дом, улица, знакомые. Там меня все знают, понимают, там всех знаю я и знаю чего от кого ожидать. Там нет такой наглости и распушенности, да и прямых угроз в изнасиловании я не слышала до вчерашнего дня никогда. И почему у меня от этих воспоминаний так сильно застучало сердце? Мурашки побежали по коже при вспоминании его объятий и сильных рук ласкающих меня. Я понимаю, что везде случаются казусы и Одесса не самый большой преступный центр во вселенной, но все же...

Я вышла на работу в понедельник с предчувствием беды. Возможно, я сама себя накрутила, и подсознательно я понимала, что, скорее всего, так оно и есть, но чувство тревоги не проходило.

Меня встретили холодные насмешливые взгляды. Я проходила по коридору, и слышала шущуканье за спиной. Было непреодолимое желание повернуться и спросить в чем дело, но что бы я услышала в ответ? Меня не могли так просто уволить, я сама себя дома только этим и успокаивала. Я с работой справлялась отлично, имела лучшие показатели в офисе, хороших сотрудников просто так не увольняют. Хотя кого волнует, какой я сотрудник? Таких как я у этой фирме тысячи. Одним больше, одним меньше — какая разница? Но все же просто так не уволят, будут присматриваться, придирааться, даже подставлять, надо же найти какую-то

причину. И я уже настроила себя на это.

Но вот причину этих насмешливых улыбочек я как-то не понимала. Если и были указания меня подставить, то об этом никому кроме начальства не должно быть известно. Почему же тогда сотрудники на меня так смотрят, будто я только что сбежала с зоопарка. Проходя мимо всеящего на стене зеркала, взглянула на свое отражение, мало ли вдруг тушь случайно растерла. Да нет, с лицом было все в порядке. Я взглянула вниз туфли на месте, а то было у меня — еду утром на работу в маршрутке смотрю вниз, а на ногах домашние тапочки. Я улыбнулась от забавного воспоминания, хотя тогда мне было не до смеха — жутко опаздывала. И вот и сейчас улыбаться как-то нет причины. И легкая улыбка слетела с лица. Но поразмыслив логически, я успокоила себя — не могли же они знать, что произошло в той отдаленной бухточке. И почему меня так это волнует. Они же все здесь не ангелы, у всех есть свой скелет в шкафу. Вон Милка, например — второй раз вышла замуж, а любовник все тот же. Или Валентина Ивановна — одинокая дама пятидесяти пяти лет постоянно сидящая на сайтах знакомств, и на каких. Все не без греха. Это хоть немножечко меня успокоило. Я дошла до кабинета, в котором работала еще с несколькими сотрудниками. Дверь была приоткрыта. У Сережиного стола собралось около пяти наших сотрудников и что-то внимательно слушали. А тот, ощутив себя в центре внимания, не мог упустить столь редкий случай что-то громко рассказывал, бурно жестикулируя руками.

— Представляете, голая задница. А Николай Петрович не упустил своего. Он ее чути там, среди зала не отимел. — Я стояла в шоке от услышанного. Как я могла забыть, ведь Сережа тоже был на празднике. И если я его не замечала, это не значит что и он меня не видел. Стояла и не знала что делать. Может развернуться, и уйти, пока меня никто из них не увидел? Или постучать обувью погромче, чтобы показать что я уже пришла и можно было бы из приличия закрыть свои поганые рты. Я была растеряна, лицо залила краска смущения. Я напомнила про себя «Я УЖЕ НЕ МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА, ХВАТИТ ПРЯТАТЬСЯ ПРОБЛЕМ» и смело шагнула внутрь кабинета.

— Что такого интересного здесь обсуждаем? — Я постаралась произнести это как можно безразличней, хотя пылающие щеки меня явно выдавали. Все развернулись в мою сторону. Кто-то прятал глаза, чувствуя неловкость, у кого-то читалась насмешка на лице, А присутствующие мужчины, казалось, раздевали меня прямо здесь. Пытаясь определить, что же такого во мне есть, что обратил внимание сам зам ген директора.

Я молча выдержала взгляды, но ответа не слышала. И, Слава Богу! Все молча разбрелись по своим рабочим местам и принялись за текущие дела.

Спустя каких-то полчаса работы, хотя работала, кажется, только я, остальные, трое человек, сидящих за соседними компьютерами, только посматривали на меня или переглядывались между собой, Сергей не выдержал.

— Ну что Риточка, как отдохнула на корпоративе? — Он ехидно улыбался, а широко посаженные выпуклые глаза пылали злобой. Как я раньше этого не замечала, он мне казался даже ничего, поначалу моей работы здесь пытался приударить за мной, но я отказала.

Все это время я ожидала чего-то подобного, но надеялась что пронесет. Вика и Марина моментально обратили свои взгляды в мою сторону, вроде и небыли заняты ничем. И что это за обращение «Риточка»? Раньше меня здесь никак кроме Маргариты не называли. Я не знала, что ответить, но ответить надо было. Если я сейчас себя не отстою, меня здесь просто сожрут.

— Очень даже ничего. Ты же тоже там был, поделись своими впечатлениями.

— Все мои впечатления связаны с тобой. Ты там блистала как звезда. — Он еще шире улыбнулся, доволен своими остротами.

— Сереженька, завидуй молча! — Я мило улыбнулась, а девочки прыснули со смеха. Его же перекосило со злости. Я сама от себя не ожидала такой смелости. Раньше я бы и подумать этого не смогла, а теперь сказала, даже не запинаясь. Хотя сердце начало стучать с удвоенной силой. Его стук отбивал у меня в ушах, и мне казалось, что все в кабинете, да что там, в кабинете, все в нашем офисе его слышат.

— Чему там завидовать, роли подстилки зам ген директора? — Его фраза — это был удар ниже пояса. Все мы имели по каждому поводу свои точки зрения, все мы, любим осуждать, и причиной осуждений очень часто является банальная зависть. Даже бабушки на скамейках, осуждая слишком любвеобильных молоденьких соседок, по большей части просто завидуют их молодости и бурной личной жизни, жалея о своих впустую потраченных годах. Сейчас бы они без стеснения решились на какое-то амурное приключение, да вот спроса на них больше никакого. Но даже никого не боящиеся бабушки редко бросают подобные обвинения в глаза — шептаться за спиной — всегда пожалуйста. Сергей же, скорее всего, был накручен до предела, поскольку решил это все сказать мне в лицо.

Но я была уже в ударе, и просто не могла молчать. Адреналин разбежался по клеткам, обостряя все мои ощущения, и я чувствовала его покалывание в кончиках пальцев. И почему для меня сейчас было столь важным что-либо ему ответить. И, не просто, что либо, а что-то побольше. Что-то острое, чтобы зацепило, и неповадно было больше меня подобным образом подкалывать.

— Ну, знаешь, если бы ты, позарился на эту роль, я бы посмотрела на тебя другими глазами. — Сергей уже был не в себе. Он так надеялся унижить меня, а вышел сам не в лучшем свете. Что им двигало в этом порыве, я не знаю. Может задел мой давний отказ, может действительно завидовал? Хотя чему я понять не могла. Да нет, чего же врать — могла. Он проработал в этой фирме больше пяти лет, а так и остался для выше стоячего начальства незаметным, хотя прилагал максимум сил, чтобы хоть как-то выделиться. Он присутствовал на всех мероприятиях, выполнял с первого требования любые прихоти начальства, не входящие в его обязанности, и все зря. Как был простым менеджером, так им и остался. И, наверное, то, что я поехала на первое мероприятие, и повиляв своей задницей, привлекла внимание зама, чего он никак сделать сам не мог, его обидело до глубины души. Хотя он мог и просто меня приревновать — ему же я недавно отказала, а тут бац, и проявила знаки внимания к другому мужчине. Эта мысль, конечно, польстила мне, но я была не не столь самовлюбленной, чтобы в это поверить. Такие люди как он не умеют ревновать, потому что не знают что такое любовь. В этом я была уже уверена.

— Закрой свой рот, сука! Он у тебя для других целей больше подходит, например чтобы отсасывать у зама. — Он швырнул на пол ручку, которой последние несколько минут непрерывно клацал, показывая свое нервное напряжение, и вышел с кабинета, громко стуча дверью. Я отшатнулась, как будто пыталась отскочить от грязи, которую он только что на меня вылил. Меня всю колотило. Я не ожидала от него ничего подобного. Сама не употреблявшая в лексиконе крепкие словца, редко слышала их от кого бы то ни было. Да и если бы это было сказано каким-то пьяницей на улице, либо грузчиком на рынке, это было бы неприятно, но ни столь шокирующее. А менеджер, с высшим образованием, в белой рубашечке с галстуком и вдруг брызжет слюной и кричит матом. Это как-то просто не укладывалось в голове. Да и, наверное, тут не столько белая рубашечка играла роль, столько

его постоянное спокойствие и хладнокровность. По крайней мере, до этого конкретного случая. А тут такое! Я понимала, это была полностью моя вина — я его спровоцировала на такое поведение. Сидя, сейчас в растерянности я одновременно чувствовала свою вину, и огромную обиду, прям до слез, за его высказывание. Я даже не помню, когда мне в последний раз так сильно хотелось расплакаться. В горле подворачивался комок невыплаканной обиды, но я мужественно его сглотнула. Я оглянулась на сотрудниц, сидящих рядом, они резко с преувеличенным старанием уткнулись в компы и принялись за работу. Я постаралась заняться тем же, но меня до самого вечера так и не переставало колотить. Сережа вернулся за рабочее место через минут двадцать, заноса за собой шлейфом резкий запах сигаретного дыма. Он, скорее всего, выкурил не одну сигарету, чтобы успокоиться. Жаль, что я не могла прибегнуть к этому методу.

Уходя вечером с работы, просидев весь день в атмосфере гнетущего молчания, я понимала, в этой фирме мне будущего не светит. И если поначалу их грубость, вызванную настороженным отношением к новому сотруднику, можно было преодолеть, то этого они мне не простят. Я не собиралась сдаваться, мне нужна была эта работа, точнее зарплата, уж больно много денег уходило маме на лечение. Но идя домой, я все же решила просмотреть в интернете предлагаемые вакансии.

Просидев пол ночи в интернете, и облазив не один сайт в поисках возможных вакансий, я так и не нашла подходящих предложений. Нет, предложений было много, но все не то. Привыкнув к столь достойной зарплате, я просто не представляла, как мы с мамой будем жить в расчете на меньший доход. В нашем городе, с моим образованием больше не платили, а вопрос переезда я даже не рассматривала. В итоге я оставила на нескольких сайтах свое резюме и уже после часа ночи пошла спать. День завтрашний обещал быть не легче вчерашнего.

И я совсем не ошиблась в своем предположении. Сергей хоть был незаметен для директоров нашей фирмы, все же среди сотрудников имел какой-то вес. И судя по холодным и злым взглядам, которыми меня встретили утром, вес этот был не маленьким. Толи его умение рассказывать небылицы, толи желание сотрудников поговорить о чем-то интересненьком, что-то сыграло свою роль, и за моей спиной уже шептался каждый встречный.

Зайдя в кабинет и усевшись за свое рабочее место, я включила компьютер и принялась за поточные дела. Еще в бывшую пятницу меня уважали, ценили, со мной советовались, сейчас же был полный игнор. Казалось, что меня просто не замечают, как будто меня и вовсе здесь нет. Они между собой перебрасывались парой дежурных фраз, то предлагая выпить кофе, то покурить, полностью игнорируя меня. Все знали, что я не курила, но раньше их это не останавливало, они тащили меня туда, что бы посплетничать. Сейчас же я была персоной нон грата. На память пришли мистические сериалы, когда героев убивали, а они не осознавая этого, продолжали жить своей прежней жизнью, только уже как привидения. У меня мелькнула безумная мысль, «а может и я привидение?» Только я же могу что-то делать — клацаю клавиатуру, перелаживаю документы. И я тут же опустила тяжелую папку бумаг, она с грохотом упала на пол. На грохот девочки взглянули в мою сторону. Озлоблено провели по мне взглядом и тут же отвернулись. Значит я все же заметная, я все же здесь есть. Казалось, безумное было предположение, но все же я вздохнула с облегчением. Я выполняла свою работу, обзванивала клиентов, оформляла заказы. Все было как всегда, только я была невидима для всех окружающих. Начальства это не касалось, мы все были для

них не слишком заметны, и все наше общение начиналось и заканчивалось общепринятыми фразами — «здравствуйте» и «до свидания».

Так прошла неделя. Дождавшись выходных, я вздохнула с облегчением. Казалось, что я пережила черную полосу своей жизни длиной в несколько лет. О том, что в понедельник мне нужно возвращаться в этот ад, я даже не хотела думать. Сидя дома на диване у меня впервые за всю мою сознательную жизнь не было желания никого видеть. Что может сделать с человеком общественное мнение за такой короткий срок. В моем случае это негативное мнение, и оно меня просто убивало. Из всегда веселой и общительной девушки я стала неуверенной в себе отшельницей. И сидя сейчас перед телевизором и даже не замечая, что там показывают, я ясно осознавала, что никакие деньги этого не стоят. Мне нужно менять работу. Притом срочно.

Пролазив опять, половину ночи в интернете все на тех же сайтах в поисках работы, я дала запросы в несколько организаций. В связи с последними событиями я уже более лояльно рассматривала те варианты, о которых еще неделю назад, и думать не хотела. А не сменить ли мне специальность, мелькнула мысль в голове. Но я сразу же отмела подобные размышления. Из-за каких-то не нормальных, и их домыслов, я должна портить себе жизнь? Да ни за что! Мне нравилась моя профессия. Менеджер — для кого-то скучно, а я нахожу в этом удовольствие. Знания из всех областей, подкованность в любой сфере. На сегодняшний день это медицинское оборудование, в котором я за три месяца работы в этой сфере разбираюсь не хуже дипломированного инженера. Может, просто я такая, мне все интересно будь то разборка машины или пошив цветочков из лент. Жаль только времени на все мои увлечения не хватало.

В субботу утром, совсем не ожидая этого, я получила письмо на электронку. Я надеялась на это, я хотела этого, но как-то не верила в подобное. Лицо сразу озарила радостная улыбка. Я подняла руки в гору, стиснув кулаки, отдернула их вниз и на себя, как делали люди, смотрящие спортивные матчи, при победе любимой команды. Я не была болельщицей, да и вообще ничего не смыслила, в каком бы то не было спорте, но это была моя маленькая победа. Я тут же себя отдернула. Чего так радоваться? Мало ли что это за предложение. Собравшись с силами, и набравшись храбрости, я клацнула на окошко просмотра почты.

Сидя утром в понедельник в автобусе я терзалась сотнями разных вопросов. И самой основным из них был «Что меня там ждет?». Воображение рисовало самые разные картины, тем более, что ничего конкретно я не знала. В сообщении я увидела телефон с просьбой перезвонить. А из короткого разговора поняла, что их заинтересовала моя кандидатура, и если мне интересна их вакансия, то меня ждут на собеседовании в 10.00. Адрес мне тут же сбросили на почту. Весь субботний день я механически выполняла накопившиеся дела по дому, не переставая думать об этом предложении, перекручивала в голове по десятому кругу всю возможную информацию, которую знала об этой фирме. Нарыла в интернете несколько сайтов. Почитала отзывы людей о качестве товаров и услуг, предоставляемых фирмой «ГЛОБАЛ». Все было слишком положительно. Фирма была основана всего лишь полгода назад, отзывов людей было достаточно много, и все положительные. Такого просто не бывает. А может это у меня параноя? Меня смущал короткий срок существования фирмы. Полгода, о какой стабильности может быть речь? И не будь я в столь безвыходном положении, я бы даже не взглянула на это предложение. А рас так... я все же решилась поехать. В воскресенье вечером позвонила в офис, и сославшись на простуду, попросила на

понеделник отгул.

За 15 минут до назначенного времени я уже стояла под зданием офиса, в котором должно было пройти собеседование. Зайдя в приемную, убранство и размеры которой, сразу же произвели на меня неизгладимое впечатление, я подошла к секретарю. Молодая девушка, сидя за компьютером, что-то усердно выстукивала ухоженными длинными ногтями по клавиатуре. Она на минуту оторвалась от экрана, оценивающе оглядела меня и с пренебрежением указала на дверь, под которой нужно подождать все те же 15 минут. Я, собираясь утром, помня, к чему меня привело легкомыслие на корпоративе, оделась достаточно строго. Серая юбка-карандаш чуть ниже колен, белая блузка застегнута до верху, без какого либо намека на прозрачность. Я хотела произвести впечатление достойного серьезного работника, а не девочки-глупышки. И судя по взгляду секретарши, мне это неплохо удалось. Хотя чертенок внутри меня сейчас бы желал стоять здесь в черненькой мини юбочке и в туфельках на высоченной шпильке, да и для пушного эффекта стоило бы расстегнуть три верхних пуговицы на блузке. Тогда бы эта заносчивая особа смотрела бы на меня с завистью, и уж точно не с таким пренебрежением. И почему мне так захотелось утереть ей нос? Я сразу же себя отдернула, и напомнила о главной цели. Работа и только работа!

И ровно в 10.00 та же девушка сообщила, что меня ждут. Надпись на двери гласила «Ген директор Романенко Н. П.». Открыв дверь прошла в небольшое помещение, за не большим столом, скорее всего предназначенным для личного секретаря ген директора, никого не было. Пройдя дальше и открыв массивную дверь, я оказалась в достаточно большом и дорого обставленном кабинете. За столом, чуть отъехав в кресле к окну, сидел мужчина лет сорока. Казалось, он не совсем соответствовал этому месту, толи кабинет не соответствовал ему. Вся мебель была массивная темно коричневая, от стола и шкафа с документами, до того же кресла в котором он сидел. Даже жалюзи, слегка прикрывающие окно во всю стену, были не белыми, а слегка шоколадного оттенка. Он же был для всего этого слишком утонченным, что ли? Его светло русые волосы на висках уже слегка посеребрила седина, плечи узкие, и поэтому как-то слишком щупло смотрелся в столь массивном кресле. Но вовремя вспомнив о маленьких и амбициозных, которые хотели захватить мир, я отнеслась к нему с должным уважением и еще большей настороженностью.

Его голубые глаза изучающее осмотрели меня с ног до головы. В них мелькнуло удивление, но он тут же попытался скрыть все свои эмоции за приветственной улыбкой. Мужчина встал и вышел из-за массивного рабочего стола, представился Наумом Павловичем. Наум — какое странное имя, я кажется, еще у бабушки в деревне слышала что-то в этом роде. Мы поздоровались за руки, что для меня было крайне необычно. Может это мой строгий наряд так странно действует. Он предложил мне присесть на рядышком стоящий стул, а после и сам вернулся к своему креслу. Разговор был самым обычным при приеме сотрудников на работу. Я дала свои документы, а он мимоходом на них посмотрел и сообщил все правила и обязанности, касающиеся всех сотрудников фирмы. Из всего этого разговора я запомнила три основных пункта — мне для этой работы нужно переехать в Одессу, я буду получать огромную зарплату, и фирма снимет мне квартиру и оплатит первые два месяца мое проживание. Я не хотела переезжать. А на что собственно я рассчитывала

приезжая на собеседование в другой город? Никто не будет считаться с моими хочу — не хочу. На такую должность, точнее сказать на такую зарплату сразу же найдется желающий сотрудник. А вот именно сама должность мне была не совсем по душе. Приезжая на собеседование в фирму, по продаже компьютерных технологий и указывая в резюме образование — менеджер, я предполагала, что именно должность менеджера и займу. То ли покупка, то ли продажа не важно, но не секретаря. А именно должность секретаря мне и предложили. Меня еще очень удивило количество предлагаемых услуг. И если высокую зарплату я могла обосновать тем, что это все же большой город, то вот помощь с квартирой, тем более ее оплата первых два месяца работы... это у меня ни как не укладывалось в голове. Через час его монолога, изредка перебиваемого моими скупыми вопросами и короткими ответами, Наум Павлович сообщил, что моя кандидатура его устраивает. Дал мне время до завтрашнего дня взвесить все плюсы и минусы предлагаемой должности и сообщить о своем решении.

Когда я уточнила по поводу испытательного срока, Наум Павлович сообщил, что вполне уверен в моей компетентности, так как перед собеседованием наводил справки на моей теперешней работе. Я этим заявлением была удивлена, а если точнее сказать — так просто шокирована. Наверное, увидев мои чрезмерно распахнутые глаза, Наум Павлович уточнил, что поскольку фирма, в которой я работаю, является их клиентом, то это сделать было не трудно.

— Вы же сами понимаете, в случае проблем или совершения непоправимых ошибок с вашей стороны, мы с одинаковым успехом можем вас уволить как после месяца, так и после трех лет работы. Какой тогда смысл в испытательном сроке? — На эту реплику я промолчала. Правдивые слова, но они меня почему-то очень насторожили.

Выходя из офиса, я была не в себе от переполнявших меня эмоций. Вспоминала все события прошедших полутора часов как в каком-то тумане. Сейчас, выйдя на свежий воздух, я понимала, что скорее всего соглашусь на это предложение. И, исходя из этого, у меня осталась не полная неделя, до моего первого рабочего дня в «ГЛОБАЛ». Не проходило ощущение, что я чего-то важного недопоняла. Вот что-то было на поверхности. Что-то прозрачное неуловимое, что-то такое, что я чувствовала, но не увидела. У меня сложилось впечатление, что меня здесь ждали — именно меня. Хотя по взглядам Наума Павловича, которые он бросал на меня, когда думал, что я этого не вижу, мне казалось, что он был в недоумении, даже как-то разочарован, что ли. Чего же он ожидал. Мы ведь были незнакомы. Но вот этот взгляд, в котором просматривалось разочарование... Почему же он тогда сразу же предложил мне это место, если его что-то во мне не устраивало? Было слишком много вопросов и никаких ответов. Та даже и вопросы таковыми назвать нельзя. Это было что-то на уровне ощущений.

НИКОЛАЙ

— Да, Коля, ты меня удивляешь! Зачем тебе нужна эта серенькая мышка? Неужели под этим мешковатым нарядом спряталась третья грудь, а тебе захотелось диковинки? — Раздался грубый хохот говорившего. Его самого развеселила столь изощренная шутка.

— Наум, не говори ерунды. Я всегда знал, что ты слегка «того», но не до такой же степени.

— Так объясни мне, почему именно ее ты так хитро заманивал на это место. Можно было бы найти уйму желающих, с большим опытом работы, с лучшими физическими данными и с меньшими затратами. — После этих слов он хитро улыбнулся и подмигнул. Что

за мужик, этот Наум? Уже перевалило за сорок, а у него в голове мысли подростка. Правду говорят — «седина в бороду, а бес в ребро». Хотя бес в его ребрах, кажется, был всегда. А ведь в чем-то он был прав, даже не в чем-то, а во всем. Что меня подтолкнуло на столь изощренные хитроумные хода?

Мы дружили последних лет десять, и лучшего зама найти было просто невозможно. Собранный, ответственный, да и программист отличный. А главное хороший друг, проверенный не одной житейской ситуацией. Никогда не подводил. Но вот в неформальной обстановке, это был забывший повзрослеть ребенок.

— Физические данные у нее то, что надо. Ты уж мне поверь. Я ее видел в более откровенном наряде.

— И я так понимаю, надеешься увидеть совсем без него?

— Надеешься ты, а я ставлю цели, планирую, и всегда добиваюсь положительных результатов.

— Да я и не сомневаюсь. Просто столько кипиша из-за одной смазливой девицы. Надеюсь она того стоит?

— Сотрудник она ценный, а то что ты слегка пошуршал, так сказать, для личного удовлетворения ген директора, тебе зачтется. — Я высоко поднял бокал пива и отсалютовал Науму.

— Ниже нос, ген директор. А то не посмотрю что она не в моем вкусе, и уведу эту курицу прямо у тебя из под носа.

— Ты слишком высокого о себе мнения, друг мой. — За столом раздался громкий хохот.

Чем она меня зацепила? Я знал ответ на этот вопрос, но говорить Науму не хотел. Она мне отказала. Не я ее бросил, отшил, или просто забыл о ее существовании, а она. Это был удар ниже пояса. Удар по моей мужской гордости, и именно поэтому я не захотел рассказать об этом Науму. Зацепила, но не так, чтобы я захотел построить с ней какие-то отношения, мне захотелось мести. Высоко взлетела, девочка, так, что решилась мне отказать? Ничего, я подброшу тебя еще выше — тем больше будет падать, когда я не поймаю. А я не поймаю!

Никогда не был столь мстительным, или может просто не замечал этого, а может это именно она будит во мне самые скверные черты моего характера.

Наум ушел еще час назад, а я так и продолжал сидеть в кресле, то всматриваясь в одну точку, то отводя глаза. Что-то было в ней такое... дикое. Ее хотелось толи проучить, толи покорить. Она просто не оставляла равнодушным. И среди этих холодных расчетливых податливых куриц, сильно выделялась. В ней чувствовался огонь, и именно он меня так манил. Захотелось поиграть в новую игру. Игру под названием МЕСТЬ.

Переезд меня больше пугал, чем, по сути, было самого дела. Как-то одно за другим, главное собраться и решиться переехать. А когда тебя ставят перед фактом, что этого не избежать, и ты смиряешься с этой мыслью, все как-то само собой происходит. Я на бывшем уже теперь месте работы не стала уточнять, куда именно уйду, да никто и не спрашивал. Что было конечно обидно. Хотя я и не долго здесь проработала, но обязанности выполняла на совесть, и как-то не по-человечески было даже не поинтересоваться. В связи с переездом мне выдали расчет очень быстро. Уходя, я слышала ехидные смешки мне в спину. Бывшие коллеги, которых я еще неделю назад считала друзьями, радовались моему уходу. Да я и сама чувствовала, что сбрасываю десятитонную ношу с плеч. Хотя осадок все же остался.

Мой первый рабочий день в фирме «ГЛОБАЛ» начался все с того же оценивающего взгляда секретарши. Но на тот раз в ее взгляде читалась оценка и даже зависть. И это меня порадовало. Машенька, как все здесь называли секретаршу, должна была меня ввести в курс дела. Что она и делала, а точнее сказать делала вид, что этим занимается. При мимо проходящем персонале, она была сама чуткость и забота, а в отсутствие кого-либо, делала вид, что меня здесь просто не существует. Что же это за наказание? Неужели так везде принято обращаться с новыми сотрудниками? Наум Павлович же был непременно вежлив, интересовался успехами.

Неделя пролетела незаметно. Я уже знала все свои основные обязанности, и к Маше больше не обращалась за подсказками. И мне даже показалось, что ее злоба поутихла.

В следующий понедельник, придя утром, как всегда на минут десять раньше я ожидала увидеть кабинет директора пустым. Наум Павлович никогда не приходил раньше девяти, поэтому была удивлена увидев, что кабинет открыт, а за массивным столом сидит крупный мужчина в кресле директора. Пробежав быстро около открытой двери и бросив дежурное «Доброе утро!», я прошла еще несколько метров и только потом сообразила — а в кресле ведь сидел не Наум Павлович. Утреннее солнце било в глаза и я не смогла точно разглядеть, да и не было когда — пролетела пулей мимо двери, но мне раньше все же казалось, что Наум Павлович не столь рослый мужчина. Может это игра света? Но мало ли, сколько я его знаю, без года неделя? Я улыбнулась совершенной точности этой поговорки. Прямо, под мой конкретный случай. Оставив сумочку и легкую курточку, включив компьютер, я зашла в кабинет директора поздороваться и спросить о планах работ на сегодня. Он за эту неделю работы показал себя очень толковым и начальником и мои опасения по поводу маленьких и амбициозных — развеялись. Да и назвать его маленьким было как-то не правильно. Он был среднего мужского роста и порядком выше меня, разве что слишком худой и узкий в плечах, что мне сразу и бросилось в глаза.

Я, как всегда постучала в приоткрытую дверь и со словами «можно войти»- вошла. Пройдя всего лишь несколько метров застыла на пол пути. «Как он здесь оказался?»- Это была первая и единственная мысль в моей голове. Непроизнесенное «Доброе утро» так и не успело слететь с моего языка. Я стояла, молча, соображая, что же делать дальше. Но по части соображения у меня оказалась сейчас огромная проблема.

— Доброе утро Маргарита! Или можно Риточка, мы ведь уже знакомы! — Он не спрашивал, он утверждал. Он улыбался мне, но это была не дань вежливости, это был

плотоядный оскал хищника, загнавшего в угол свою дичь. Эти темные глубокие глаза оценивающе оглядели глубину моего декольте и длину юбки.

— Николай Петрович? — Только и смогла выговорить я. — Одна его бровь взлетела вверх в немом вопросе.

— Что Вы здесь делаете?

— Я здесь работаю. И это мой кабинет. — Он наслаждался этой ситуацией.

— Я думала Наум Павлович...

— Мой заместитель. Он замещал меня на время моей командировки. — Николай не без наслаждения смотрел на мою растерянность. — Рита, будьте добры, сделайте кофе. — Он опустил глаза в компьютер, всем своим видом показывая, что занят работой. Через несколько минут я принесла кофе, молча, положила его на стол и ушла. Его кивок в знак благодарности и не слова больше.

Я была скорее рада такому его поведению. Не хотелось, чтобы он, напоминал о событиях наших прошлых встреч. А где-то глубоко в душе скребла какая-то непонятная обида. Неужели он так быстро все забыл. Хотя судя по его первым словам, он как раз ничего и не забыл. Просто, все, что между нами было, для него обыденные вещи. Не столь важные, чтобы на этом акцентировать внимание. А я при одном взгляде на него краснею, да что там при взгляде, даже при воспоминании, все тело покрывается мурашками. Интересно, сколько таких глупышек как я через него прошло. И сейчас единственным моим утешением было то, что я все же не позволила ему довести начатое до конца. Хотя если признаться до нашей сегодняшней встречи об этом сильно жалела. Как раз не вовремя вспомнились слова Катьки, о том, что он мстительный и не любит отказов. Что-то внутри меня насторожилось и ждало подвоха. Не зря же он напомнил о нашем предыдущем знакомстве, да еще как? Риточка...?

Дни шли и в спокойной рабочей обстановке мое чувство настороженности поостыло. Николай Петрович располагал к себе, вызывал доверие. Никаких подстав от него не было мною замечено. Мужчина как мужчина. Хотя нет, вру — очень симпатичный мужчина.

Время до обеда пролетело. Дел было невпроворот. Напрямую, через Николая Петровича оформлялись только самые большие заказы. Первые дни, на этой работе, я была ошарашена суммами денег, которые мы предоставляли в сметах за оказанные услуги. Как-то раньше я не считала компьютерное программирование столь прибыльным бизнесом. Хотя одним программированием услуги компании не ограничивались.

— Рита, зайдите. — прозвучало по внутренней связи от Николая Петровича. Менее чем через минуту я стояла на пороге его кабинета.

— Через десять минут обеденный перерыв. — Он сверился с часами на руке. Я в часах особо не понимала, но то, что они были явно не дешевыми, это было видно даже мне. Точнее сказать ООочень не дешевыми. — У меня во время обеденного перерыва встреча с заказчиками, вы должны там присутствовать. Будьте к этому времени готовы. -

Я была удивлена таким поворотом событий. Здесь было не принято с секретарями ходить на деловые обеды. С замами — да, а вот с секретарями... Моя заминка была замечена. Николай Петрович поднял голову, отрываясь от просмотра документов.

— Какие-то вопросы? — Я молча помотала головой. — Тогда свободны. — И уже с улыбкой добавил. — Ровно на десять минут. — Я развернулась и пошла к выходу из кабинета. Он провожал меня взглядом. Точнее сказать все эти девять шагов пялился мне в спину. Я это чувствовала. И подтверждением этому были тысячи мурашек бегающие у меня по спине.

Десять минут мне показались безумно долгими и в то же время пролетели очень быстро. Я очень волновалась. Не зная, чего от меня потребуют, я переворачивала в голове тоны информации, предполагая, что конкретно может от меня понадобится на этом обеде.

Ровно через десять минут Николай Петрович вышел со своего кабинета. Он казался мне идеальным мужчиной, одет с иголки. Широкий разворот плечей, длинные стройные ноги, ровная спина. Но почему он мне так нравится? Почему мурашки пробегают по коже при одном его взгляде? Почему от его голоса сердце начинает стучать сильнее?

Судя по легкой улыбке, сияющей на его лице, он чувствовал себя превосходно. Но почему же я тогда так нервничаю?

— Вы готовы?

— Да. Конечно. — И чего я так дергаюсь? Потому что шеф пригласил меня на обед? СТОП!!! Что это я себе нафантазировала? Какой обед с шефом. Это деловая встреча, и ничего больше. Еще не хватало влюбиться в этого мужчину и смотреть на него щенячьими глазами.

— Николай Петрович, мне с собой брать какие-то документы?

— Рита, это обед, хоть и деловой. Я думаю, мы обойдемся информацией находящейся в наших головах. — Он хитро мне улыбался. И почему-то от этой улыбки что-то таяло внутри. Мои губы уже растягивались в ответ, а перед глазами будто пелена. Ничего нет, никого не существует, только он и его столь манящая улыбка. Никогда не думала, что улыбка мужчины может быть столь притягательной. Хотелось смотреть на эти растянутые губы и ровный ряд белых зубов до бесконечности. Что за глупые мысли ползут мне в голову? И когда я подняла взгляд к его глазам, они светились весельем. Мою заминку он оказывается тоже заметил, и

то ли наслаждался произведенным эффектом, то ли потешал свое мужское эго, я точно не знала.

Так, Рита — СТОП! Ты что творишь? Казалось, внутренний голос взывал к моему разуму, который словно куда-то улетучился. Я как после наваждения хотела тряхнуть головой, но вовремя спохватилась. Он все еще смотрел на меня, а я как пьяная пыталась сфокусировать свой взгляд и отбросить глупые фантазии. Не стоит мечтать о несбыточном. Ведь потом так больно разочаровываться. Рядом с таким мужчиной должна быть женщина вамп. А что я? Я простая, слишком обычная, во мне нет ничего феерического. С такими как я, он проводит ночь или несколько ночей, а потом выбрасывает из головы не помня ни лица, ни имени. И мне он уже предлагал все это. Как хорошо, что я тогда смогла устоять. Хотя долгими одинокими ночами мечтаю о продолжении той встречи у озера. Сейчас он, по крайней мере, видит во мне человека, а не просто попу и грудь.

Покрасневшая и смущенная от мыслей, роившихся в моей голове, я все же смогла изобразить на лице улыбку.

— Надеюсь, что моя голова в нужную минуту не откажется выдавать требуемую информацию. А то от волнения зависну как комп.

— Раньше, когда мой комп вис, в самую неподходящую минуту, к примеру, во время интересной игры. А комп был еще старый с массивным дисплеем. Так я ни находил лучшего метода привести его в чувство кроме как стукнуть по боку. — Его глаза искрились смехом. Мне показалось, что это был своего рода вызов. И я не смогла удержаться от ответа.

— Так мне в случае чего, беречь от Вас свои бока? — Я, пытаюсь скрыть улыбку, подбоченившись, ждала его ответа.

— Лучше береги свой комп и не перенапрягай его излишними волнениями. — Примирительно ответил он. Сказать хотелось совсем другое — к примеру, не бока, а место чуть ниже спины. Хотя зачем его беречь, лучше бы она предоставляла лишний повод по нему шлепнуть. От этой мысли на его лице расплылась озорная улыбка.

Эта шуточная тирада действительно помогла мне снять свое напряжение. И уже более спокойной я вышла из кабинета.

В холе все так же сидела на своем посту Машка. На ней уже был одет легкий летний пиджак, скорее всего, собиралась, как и мы на обед. Увидев меня рядом с Николаем Петровичем, она поменялась в лице. Но это было всего лишь на мгновение. Когда Николай Петрович взглянул на нее, она уже светилась радужной улыбкой. И как только у нее это получается? Я если злюсь, так злюсь, хожу мрачнее тучи, а счастлива, так улыбаюсь на все тридцать два. А вот так, за несколько секунд прятать свои эмоции я не могу.

— Вы идете пообедать?

— Да, Машка, время обеда все-таки.

— Покажете Рите где обычно обедают наши сотрудники, чтобы она не таскала с собой бутерброды и не крошила за рабочим столом? — Я покраснела от такой ее шутки. Тем более что это было частично правдой. Я конечно не крошила на рабочем столе, а вот на обед действительно брала с собой бутерброды и никуда не выходила. И тут стоял вопрос ни сколько экономии, а сколько незнания местных заведений. С коллективом я еще не раззнакомилась. Да и честно говоря, после знакомства с Машкой у меня как-то отпало желание знакомиться со всеми остальными. Будут смотреть на меня как-то свысока. Даже не знаю почему, но я была в этом уверена.

— Не замечал пока еще крошек на ее столе, но буду на стороже. — Машка заулыбалась.

На губах Николая Петровича тоже играла легкая улыбка. Они так прекрасно понимали друг друга, что я почувствовала себя лишней. Ну, прям, идиллия! У меня появилось желание смыться потихоньку. И я даже отступила назад на несколько шагов. Но тут он оглянулся в поисках меня

— Пойдемте Рита, не люблю опаздывать.

Встреча прошла в спокойной обстановке. Мне показалось, что это была более дружная атмосфера, а уж ни как ни рабочая. В ресторане за столиком нас уже ждал мужчина. На вид ему было около тридцати пяти лет. Среднего роста, русый, со слегка помеченными сединой висками. Глубокие серые глаза смотрели со смешинкой. А мелкие морщинки вокруг свидетельствовали о том, что передо мной человек любящий улыбаться. Мне как-то от одного его вида стало спокойней.

— Приветствую, тебя, старина! — Мужчины обменялись рукопожатиями и похлопали друг друга по плечам. — За последнее время ты совсем не изменился. Что за милая девушка с тобой рядом? — Я не совсем поняла смысл фразы о том, что Николай совсем не изменился. То ли он имел в виду его внешний вид, то ли то, что он как всегда с очередной девушкой. Мне как-то не по себе стало то таких домыслов, но я тут же себя попыталась приструнить. Кто я ему такая? Обычная секретарша и не более. И как будто в подтверждение моих слов я услышала слова Николая:

— Моя новая секретарша Маргарита.

— Маргарита..? — Он выразительно посмотрел на меня желая узнать отчество.

— Можно просто Рита. — Я протянула руку для пожатия, а он наклонился и галантно ее поцеловал. Краска окрасила мое лицо, стало как-то неловко. Мне раньше никто не целовал руки. Я отдернула ее, стараясь не слишком поспешно делать это, чтобы не привлечь лишнего внимания.

— Тогда можно просто Олег. — Представился он.

Мы расселись по своим местам. Николай галантно придвинул мне стул. Мужчины вели непринужденную беседу, время от времени спрашивая моего совета по незначительным вопросам. Было видно, что у мужчин намечался серьезный разговор, но поскольку здесь присутствовала и я, это все было поверхностно, на уровне намеков. Я чувствовала себя здесь не к месту. Зачем взял меня с собой Николай Петрович, непонятно. Как только затрагивалась более серьезная тема их планируемого сотрудничества, Николай Петрович переводил разговор на меня. Вопросы были бессмысленны. Его интересовало мое отношение к затянувшимся дождям, как я привыкаю к новому городу, разнакомилась ли с сотрудниками. Это казалось странным, но я не ничем не показывала своего удивления. Он играл в какую-то странную игру, то ли ухаживания, то ли дружеского любопытства. Сразу меня это смутило, но потом я начала догадываться, что этот спектакль он устроил для одного зрителя. Как на меня, было заметно, его не желание говорить о чем либо важном. И я здесь присутствовала именно для того, чтобы разговор не состоялся.

Уже отъезжая от ресторана я не сдержав своего любопытства, все же задала вопрос Николаю.

— Так ли важно было мое присутствие только что на обеде?

— А вам не понравилось?

— Нет, что Вы! Мне приятно было познакомиться и пообщаться с Олегом. Да и с Вами в так сказать не формальной обстановке. — Я густо покраснела, вспомнив, чем закончилось наше последнее общение в так сказать неформальной обстановке. Его руки на моей... Стоп!

Мысли понеслись не в том направлении. — Но все же, Вы сказали, что это будет деловой обед.

— Я пошутил. — На его лице заиграла хитрая улыбка. Я хотела задать еще один вопрос — какого именно разговора я помогла ему избежать? Любопытство, знаете ли. Но вовремя вспомнила, кто сидит рядом со мной и прикусила язык.

Его глаза искрились смехом, а на щеке появилась соблазнительная ямочка. И почему он так красив? Я поймала себя на том, что и сама в ответ ему глупо улыбаюсь. Подавив в себе это беспричинное веселье, я отвернулась от него и уставилась в окно. Надеюсь, что он не заметил, как я смотрю на него большими влюбленными глазами. Нет, этого быть не может. Да, он мне нравится. Но и что здесь удивительного? Любая женщина от пятнадцати до пятидесяти будет им очарована. Красивый, умный, обходительный — безусловно, яркий представитель своего вида. Но любовь — это я перегнула палку. И тут же будто в подтверждение своих слов взглянула на него в поисках каких-то изъян.

Глаза как глаза. Да большие глубокие и темные как сам грех, под густыми дугами черных бровей. Ну и что с того? Это у нас, среди сероглазых и голубоглазых, он как-то особо выделяется. А на востоке все мужчины имеют такого же оттенка глаза. Нос слегка широковат, а губы пухленькие как у девочки. Нижняя чуть больше верхней. Совсем чуть-чуть, почти не заметно, если не приглядываться. Вот бы взять зубами и прикусить эту соблазнительную губу. Я непроизвольно провела языком по губам, они почему-то сильно пересохли. И почему я раньше не смотрела на его подбородок. Да я вообще ни на чьи подбородки не смотрела, как-то не замечала за собой такой склонности. А вот сейчас эта квадратная волевая часть лица меня привлекла. И на этом свидетельстве мужества я заметила маленькую ямочку. Я где-то читала, что это либо поцелуй ангела, либо метка дьявола. Интересно, что больше подходит этому мужчине?

— Что-то не так? — Его слова вывели меня из этого дурмана.

— Нет, нет. Все в порядке. Я просто задумалась. — Господи, какой же дуррой я только что себя выставила. Смотрела на него с раскрытым ртом, разве что только слюни не пускала. Хоть бы он этого не заметил. Но мои надежды разлетелись после его следующей фразы.

— Ну и какую оценку поставишь? — Он, не отрываясь, смотрел на дорогу. Губы все так же растянуты в легкой улыбке. Он как-то незаметно перешел на «ты», что я даже не удивилась такому обращению.

— Простите?

— Ты так внимательно рассматривала меня, оценивала. Мне любопытно, на сколько я затянул, по двенадцати бальной шкале.

— Думаю баллов восемь. — Он вопросительно приподнял бровь. — От большего Вы бы просто стали невыносимо заносчивы. — Он громко расхохотался. И мне показалось, стал выглядеть еще краше. Хотя куда уж там.

В офис мы вернулись в прекрасном настроении.

Остаток рабочего дня пролетел незаметно. Мое хорошее настроение не могла испортить даже Машка со своими придирами и пошлыми намеками. Хотя ее слова меня все же насторожили.

— Не обольщайся девочка на счет Николая Петровича. Для него ты всего лишь очередная рыбка, клюнувшая на наживку. Вот крючок тебе загонит, а потом и не вспомнит как тебя зовут. — Она дико заржала наслаждаясь своей шуткой. — Сколько таких было до тебя. И всегда один и тот же сценарий. Ресторан, дальше предложит подвести домой. А

потом случайно окажется, что не к тебе домой, а к нему. Дальше по сценарию ночь безумного секса. А на утро ты всего лишь секретарша и ничего больше. Так, очередная дурра — на очередную ночь. — Маша пыталась за ядовитой речью скрыть свои истинные чувства, но ей это не удалось.

— Я так понимаю, что одной из этих дурр была и ты. Ну что ж, спасибо что предупредила, буду на чеку. — Ее лицо покрылось красными пятнами. И даже слой тоналки, не мог этого скрыть.

— Я не допускала подобных вольностей с Николаем Петровичем и поэтому он относится ко мне с уважением. Я не шлюха на одну ночь, в отличие от тебя. — Она круто развернулась и ушла за свое рабочее место. А у меня стоял в голове один вопрос «А чего она вообще приходила?». Неужели хотела дружески предупредить? Я горько улыбнулась — от этой дождешься.

Но как оказалось, не такие уж и безумные были ее слова. Все развивалось в точности по тому глупому сценарию, что сказала Машка.

Выходя из офиса я натолкнулась на Николая Петровича. Он стоял у двери и разговаривал с охранником.

— До завтра дядь Толя.

— Пока Риточка. Счастливо тебе! — Он как всегда мило улыбался. Единственный человек, с которым я чувствовала себя непринужденно. Простой как двери, как говорит моя мама.

— До свидания Николай Петрович. — Я уже успела отойти на десяток метров, когда услышала отклик.

— Рита! — Я развернулась. Он так и стоял около охранника. Оба мужчины смотрели в мою сторону. — Пойдем, подвезу. Нам по пути. — Я уже открыла рот, чтобы отказаться, не люблю обременять кого-то своей персоной. Мама говорит, что именно по этому, я до сих пор одна. Но тут что-то екнуло внутри. Сразу вспомнились слова Маши. И любопытство, наверное, то, что сгубило кошку, дернуло меня согласиться.

Он что-то говорил всю дорогу, иногда задавая мне вопросы, на какие я отвечала односложно. Все мое внимание было приковано к дороге. Я четко увидела, когда он свернул в противоположную от моей квартиры сторону, но вопросы задавать не стала. У меня накопал праведный гнев. В голове уже слаживалась колкая унижительная речь. Может я и не была столь накручена к тому времени когда он остановился на парковке, возле элитного дома, если бы не знала его дальнейших действий. Может я бы и не села в его машину, если бы Маша не предупредила о подобных его действиях. Но было, именно так, как было, без каких либо «может».

Николай вышел из машины, обошел ее и галантно открыл мне дверцу. Я не менее эффектно ступила на асфальт парковки, оглянулась по сторонам и сделала удивленное лицо.

— Боюсь Вас разочаровывать, но я живу не в этом доме. Если Вы не знали точного адреса, почему же не спросили? — Внутри все колотило, но снаружи я была сама любезность.

— Здесь живу я. Хотел тебя пригласить на чашечку кофе. — Его губы тронуты легкой улыбкой выглядели столь соблазнительно, а в глазах плясали чертики. Но в меня перед глазами стояла красная пелена ярости. И глядя на него в уме пририсовывала этой наглой ухмыляющейся морде, рожки и ослиные уши.

— Только кофе, или чего-то покрепче? — Мой елейный голосок его очень радовал.

— Желание дамы для меня закон! — Он взял мою руку и коснулся ее поцелуем, а глазами не отрываясь, всматривался в мои.

— А что дальше? — Не отступала я. — Какие планы на ночь?

— Зачем нам планы? Будем импровизировать! — Он уже склонился и шептал мне это в область шеи. Его дыхание щекотало мне ушко. Это было так эротично, так возбуждающе. По телу побежали мурашки. И мне уже не хотелось думать о его коварных планах соблазнения, о том, что я очередная безликая девочка на одну ночь. Просто хотелось чувствовать его губы на своей коже, его ласковые прикосновения, его сладострастные речи, от которых шла кругом голова. Не хочется ни о чем думать — просто чувствовать.

И я чувствовала. Чувствовала, как кровь ускоряет свой бег по венам, как тысячи искорок зажигаются от его прикосновений и от шеи расплзается сладостное тепло. Глаза сами собой закрылись, а чувства восприятия обострились, ловя каждое его прикосновение. Даже его дыхание, касавшееся моей кожи, зажигало мириады звезд перед глазами. Неужели я настолько изголодалась по мужчине, что одно его прикосновение так заводит.

— Может, поднимемся и продолжим наверху? — Меня как льдом обдало после этих слов. С глаз спала пелена.

— А не слишком ли Вы самоуверенны, Николай Петрович? — Он воспринял это как шутку. И я почувствовала, как на моей шее, в улыбке растянулись его губы.

— Ты что-то против этого имеешь? — Он продолжал целовать мою шею. Руки уверенно блуждали по моему телу, ощупывая все выпуклости и впадины.

— Ну как сказать...? — Я говорила елейным голоском вселяя в него уверенность в продолжении этого вечера. Я накрыла его руки своими, и с резко оторвала их от своей груди. У меня это получилось только потому, что он не ожидал ничего подобного. Я подняла голову и взглянула ему в глаза, там светилось недоумение. — Я абсолютно против!

Меня била мелкая дрожь от чувств бурливших внутри. Возбуждение, злость, ярость и даже сочувствие и к нему и к себе — все смешалось. Но среди всех этих чувств ярость была самой сильной, и я дала ей волю. Он ничего не говорил. В первый раз вижу, чтобы этот нахал, потерял дар речи. Казалось человек, не терявший нигде и никогда самообладания и уверенности в себе, просто не может быть столь растерянным. А он как раз таким и выглядел. Но меня уже было не остановить.

— Вы слишком самоуверенны, Николай Петрович. Я не очередная девочка на одну ночь. И никогда такой не буду, так что лучше обратите свое внимание на кого-то другого. — Я круто развернулась и пошла со двора.

— Не много ли ты о себе возомнила, девочка! — Эта фраза заставила меня остановиться на полушаге. — Не слишком умная, не сногсшибательно красивая. Пользуйся тем, что тебе предлагают и не строй с себя недотрогу. — У меня внутри что-то оборвалось после этих слов. Я не знала, что ему ответить, а так хотелось уколоть побольнее.

— Что же это вас потянуло сегодня ко мне такой не умной и не красивой?

— Да так, захотелось чего-то новенького, решил поэкспериментировать. Ежедневно кушать деликатесы тоже надоедает, иногда просто хочется жареной картошечки. — Он нагло ухмылялся, осознавая, что задел меня за живое.

— Лучше не экспериментируйте. Такое блюдо может оценить лишь истинный гурман, а не бродяга перебивающийся обедками. — Я развернулась и ушла, больше не оборачиваясь. Он больше ничего и не сказал, просто стоял, и молча смотрел мне в след.

Я не хотела останавливать такси или искать автобусную остановку, слишком сильно

кипело все внутри. Нужно было проветрить мозги, если можно так сказать, и лучшего средства для этого, чем часовая пешая прогулка домой я не нашла.

Все мужчины одинаковы в сути своей, и даже имеют три состояния, как вода — жидкое, твердое и газообразное. Какие они нежные уступчивые обволакивающие, когда чего-то хотят и надеяться от тебя этого добиться, как вода. И получив свое, становятся инертными пофигистами, не интересующимися больше ничем, как пар. А что же случается когда они не получают ожидаемого — обжигающий холод слов, леденящие душу упреки. Вот вам и твердое состояние. Только что я видела воду и лед. Он истинный представитель своего вида — такой нежный и мягкий в ласке и столь жестокий и грубый в злости.

Мое тело горело, жаждало всего того, что обещали его руки, губы... Его поцелуи... я до сих пор ощущала легкое покалывание у основания шеи. И злилась на себя за это еще больше. Рука машинально поднялась и погладила это место. Легонько прикасаясь, я не знала, чего именно хочу. То ли прижать пальцы и как можно дольше сохранить эти ощущения, то ли стереть это все и не помнить, чтобы не было так больно осознавать, от чего именно я только что отказалась.

Я ведь просто не могла по-другому. Не могла переступить через свои принципы, воспитание и вообще все то, во что я верила. Я никогда не была сторонником свободных отношений и, наверное, никогда и не буду. Для меня секс это что-то важное, глубокое, эмоциональное. Я не могу к нему относиться как к акту снятия напряжения. Хотя именно сейчас так этого хотелось. С такими взглядами как у меня нужно было жить лет так двести назад. А сегодня на таких смотрят с осуждением.

НИКОЛАЙ

Сотрудником Рита оказалась хорошим. Исполнительна, ответственна и что главное не надоедлива. Нет этих томных взглядов и зазывных улыбок, как у Маши, от чего иногда просто бесит.

Я уже битых полчаса гипнотизировал взглядом телефон. Разговор с Олегом дальше оттягивать было просто невозможно. Нужно было дать ответ на его предложение сотрудничать, а я еще и сам его не знал. Вернее то, что предложение было заманчивым это конечно да, но ведь все гладко не бывает. Я просто чувствовал, что здесь не все так просто. Да и если не учитывать мою чуйку, которая меня никогда не подводила, я просто не мог ввязываться в дело, о котором ничего не знаю.

Со своим предложением он обратился вчера, а уже сегодня хотел услышать ответ, якобы сроки горят и все такое. Я понимаю, что на столько большой и выгодный заказ не каждый день предлагают, и за такое предложение не схватился бы только дурак, но... было одно но. Мне уже далеко не двадцать, каким меня помнил Олег, и ввязываться в авантюру не взвесив все за и против я не собирался. Мне нужно было еще время, чтобы собрать побольше информации, касающейся этого заказа. Вслепую туда лезть как-то не хотелось.

Олег сам позвонил.

— Ну что, старина, давай встретимся. Пообедаем, обсудим будущее сотрудничество.

— Давай, я как раз страшно голоден. Через полчаса. Я закажу столик. — Нужно было что-то срочно придумать. Ответ давать сейчас я не собирался. За дверью пропиликал телефон. Рита, как всегда быстро и вежливо ответила на звонок. Рита. В голове возникла идея. Что если я возьму с собой на обед Риту. С нее выйдет замечательный буфер. Серьезного разговора не получится и от предложения, как бы, не откажусь. У меня появится еще некоторое время, для лучшего изучения заказчика, а изучать там было что.

Обед прошел как я и планировал. Олег принял все за чистую монету. Да почему бы и нет, я раньше часто менял девочек, таская их по ресторанам. Сейчас, парочка купленных побрякушек очень даже экономит время. Не вижу смысла, таскаться с очередной куколкой по всем заведениям, чтобы только затащить ее в постель.

Рита справилась с поставленной задачей, хотя и сама не знала о таковой. Вела себя естественно, и ни чем не показала, что удивлена, не совсем рабочему, вниманию.

Когда мы ехали назад, ее вопрос о важности своего присутствия обеде, меня насторожил. Показалось, что она о чем-то догадалась. Но скорее всего только показалось.

Она вела себя достаточно расковано, шутила, улыбалась. Я вижу, когда нравлюсь женщине, когда она меня хочет. И вот Рита меня хотела. От такого предложения не отказываются, по крайней мере, я не собирался. Планировал еще какое-то время поиграть с ней в кошки-мышки, завлечь, но если дама просит... Кто я такой чтобы отказывать?

Но как оказалось, дама решила опять построить из себя недотрогу. Что за глупый фарс? Чего она этим пытается добиться? Глазами и жестами завлекает, а губами говорит нет. Чего она хочет, белого платья и штампа в паспорте? Самому стало смешно от такой мысли. А может эта провинциальная простушка реально это поставила себе за цель? Мне казалось, что она проще, честнее здешних расфуфыренных девиц, оказалось же наоборот. Они не строят из себя недотрог. Продаются подороже — кто за парочку брюликов, кто за новую тачку. Мерзко, но, по крайней мере, честно.

РИТА

Вчера бурлили эмоции, кипело праведное возмущение, а сегодня открыв утром глаза, при свете дня все увиделось в другом ракурсе. Ну, приставал ко мне начальник, с кем не бывает. Зачем же было так себя вести? Зачем хамить? Он ведь бабник, и Машка меня предупредила на счет этого. Конечно, даже не знаю почему, с ее — то отношением ко мне. Но все же я могла придумать более оригинальный план как отказать Николаю Петровичу и не накалять обстановку. Нет, зачем врать самой себе. Я тогда не думала ни о каком накале обстановки, во мне бурлили эмоции, я была злая как черт.

В том, что я отказала, не было никаких внутренних противоречий, а вот о методе каким я это сделала, я очень сильно жалела. После дня проведенного в его компании и обеда в ресторане как-то на внутреннем уровне мне показалось, что мы стали чуточку ближе, не просто начальник и подчиненная. Для меня это было что-то сродни зарождающейся дружбы, влечения друг к другу. И я почему-то начала считать себя кем-то значащим для него, а не просто девочкой на одну ночь. Когда же оказалось, что все это только мои фантазии, я разошлась «праведным» гневом. Боже, какая же я была дурра!

Вот что мне сейчас делать? Если не уволит сразу же, то явно надо ждать каких-то подстав. Как-то не верилось, что он способен на какие-то коварные планы, уж больно занят. А вот завалить работой и требовать сверх нормы, он может. Но это если все-таки сразу же не уволит, в чем я как-то даже и не сомневалась. Обиженное мужское самолюбие это не пустое место.

Но, как оказалось, переживала я зря. Николай Петрович сделал вид, что накануне ничего из ряда вон выходящего не случилось. Правда не было и «Доброе утро, Риточка!», только холодное «Здравствуй», брошенное, даже не глядя в мою сторону. Я как обычно, через десять минут занесла ему кофе, он даже не поднял голову от бумаг на столе, которые, я знала, не особо требовали его внимания, и были подписаны еще вчера. Я поставила кофе и молча ушла. И еще раз очень горько пожалела о своем вчерашнем поступке. Мне сейчас как-

то очень сильно не хватало его: «спасибо, Рита», «Рит, как дела?». Я себя тут же остепенела, «хватит тосковать, не уволил и на том спасибо». Да и все эти как бы сказать ласковые слова, как оказалось, говорились только с одной целью. И вчера эту цель мне показали. Не о чем жалеть.

Через пять минут обеденный перерыв. Я как раз заканчивала сложивать бумаги на своем столе, чтобы оторваться на часик с Ромкой пообедать. И отвернувшись, присела, ставя важные документы в сейф.

— Коля у себя? — Я не спеша закрыла сейф, встала и только потом, отвернувшись, взглянула на очередную девочку однодневку.

— Я спросила, Коля у себя? — Она с нетерпением постукивала наращенным ногтем по моему рабочему столу, но не спешила без разрешения рваться к нему в кабинет. — Девушка, вы глухая?

И где он только ищет таких хамок? Одна наглее другой.

— Здравствуйте! Присаживайтесь, подождите минутку, я сейчас уточню. — Я вежливо улыбалась, невзирая на ее поведение.

— Быстрее! Я не намерена тут рассиживаться пол дня.

— Николай Петрович, к вам пришла девушка. Впустить? — Проходите, пожалуйста, вас ждут. — Она тут же вошла в кабинет. Через несколько минут Николай Петрович с «этой» вышли под руку и ушли на обед. Нет ни ревности, ни зависти я не испытывала. Было чувство облегчения, что я не оказалась одной из этой череды безликих девиц. Они уже и для меня были не девушки, а так очередной эскорт для шефа. Кто на несколько недель, кто на пару дней. А еще где-то внутри было чувство разочарования, с каким-то привкусом горечи, я о нем была лучшего мнения. Из задумчивости меня вывели слова Ромки:

— Рита, ты готова? Идем?

— Да, конечно, Рома. Так куда идем? — Я подхватила его под руку, которую он передо мной выставил, и тут же была увлечена им к выходу. — Ром, признавайся, чем сегодня ты намерен меня кормить?

— Твоими любимыми суши.

— Ты же их терпеть не можешь! — Он скривился, скорее всего, представил себе вид столь не аппетитных для него блюд.

— Чем только мне приходится жертвовать ради твоего удовольствия. — Он мне хитро улыбнулся.

— Да, Ром, я оценила. Ведь для мужчины желудок это святое. Через него вроде, даже к сердцу путь самый короткий.

— Ты уже и так туда пробралась. Но путь твой был явно не через желудок. — Я как-то замялась и даже слегка покраснела. Последнее время его очень даже прозрачные намеки меня как-то смущали. Я не знала, что отвечать на подобные заявления. Как бы и признание и шутка — два в одном. Мои чувства к нему были очень сильные, но только дружеские. После горького опыта с Николаем Петровичем я как-то не хотела заводить на работе романтических отношений. Хорошо, что это все звучало как шутка, и я реагировала на это как на шутку — улыбалась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Роман Сергеевич, как он представился мне поначалу, был высоким мужчиной с серозелеными большими глазами. Не так чтобы очень большими, не на выкоте, нет. Просто они у него очень выразительны. Глаза, в которых можно утонуть, как говорит Катька. Я

посмотрела ему в лицо. Вот вижу по несколько раз на дню, а почему-то даже не знаю какие у него губы. Не интересовали они меня что ли? Его русые волосы, слегка длинноватые, всегда были в каком-то легком беспорядке. И это странным образом его совсем не портило, а даже наоборот.

После опыта на прежней работе, да и Машкиного отношения с первого же дня, меня все очень настораживало, я не ожидала ни каких дружеских отношений. Так, «здраси — до свидания» и ничего больше. Но как оказалось сотрудники тут, не все такие, как Машка, да и саму Машку, честно говоря, недолюбливали. Это была дружная компания. С самого утра на кухне — уголке с чайником и микроволновкой, да небольшим столиком, собирались все сотрудники. Мужики травили анекдоты, зачастую такие от которых уши сворачивались в трубочку. Женская часть коллектива как всегда была озабочена новыми событиями в любимых сериалах и, конечно же, последними сплетнями. Первые несколько дней я пыталась быть незаметной. Да и они сторонились незнакомого человека. Не все, конечно, только женский коллектив. Мужчины же, как петухи в курятнике, завидели новую курочку, и давай хвосты распускать. Кто самый смешной анекдот скажет, кто кого подколет. А, в их понятии анекдот чем повульгарней тем посмешней.

Я как-то поначалу терялась, смущалась, и старалась как можно быстрее допивать утренний кофе и смываться на рабочее место. Через недельку, Марина Степановна наш юрист, можно сказать, открыла мне глаза — «Не обращай ты на них внимания, попетушатся какое-то время, пока привыкнут к тебе новенькой и успокоятся».

В офисе был не прописной закон: после выполнения какого либо важного заказа, или день рождения сотрудника, все собирались на небольшой фуршет. По несколько бокалов вина пару бутербродов и общение в хорошей компании.

Мне хотелось смыться с офиса до начала мероприятия. И я даже прошла мимо нашего кухонного уголка незамеченной, и уже выходила в фойе, но тут встретила ту же Марину Степановну, которая разгадав мой нехитрый замысел, подхватила меня под руку и со словами «Пора привыкать к коллективу, тебе еще здесь работать» потащила меня обратно.

Я как-то сразу смущалась, но после бокала вина, выпитого на голодный желудок, стала чувствовать себя уверенней. От былой скованности не осталось и следа, и я уже не только не краснея, выслушивала шутки мужчин, но и хлестко на них отвечала. Сказался опыт детства. Расти в компании парнишек, которых в нашем дворе было на много больше, чем девушек, это вам сродни школе выживания. Не сумеешь за себя постоять и бросить меткое словцо в ответ обидчику, тут же заклюют, и будешь изгоем.

Вечер оказался очень даже приятным. Я больше двух бокалов вина себе не позволила, но и этого мне вполне хватило для хорошего настроения. Я впервые свободно общалась с коллегами, без зажатости и скованности. Через минут сорок все разбежались, и я была одной из первых. Ничего особенного в тот вечер не произошло, но именно после того дня я стала замечать определенные знаки внимания со стороны Романа Сергеевича. Это уже не были шутки и подколы, как по началу, это было дружеское отношение.

И я не хотела сейчас ломать эту дружбу, пытаясь построить более серьезные отношения. Мне хорошо и так и ничего другого я не хотела. Но, кажется, наши с Ромой желания не совпадали. С некоторых пор мы вместе обедали, и он исправно провожал меня домой. Меня все устраивало, большего я не хотела. Но судя по постоянным намекам, у Ромки были далеко идущие планы. Хотя может просто мне так кажется? Что я понимаю в мужчинах? Они делают все только ради того чтобы оказаться между женских ног. Кто-то берет напором, как

Николай Петрович, а кто-то может выдержкой, как Ромка. Я не хочу разочароваться еще и в Романе. И, наверное, именно по этому, делаю вид, что не замечаю всех его намеков.

НИКОЛАЙ

Она меня решила доконать, что ли? Еще не видел такой холоднокровной телки. Обычно они ревнуют на пустом месте — не так посмотрел, не той улыбнулся, не с той поздоровался. Знаю ведь точно, что я ее заинтересовал. Еще там, у озера я этими самыми пальцами чувствовал, что она потекла. А ведь она не похожа на шлюху, что бы тащится от любого мужика. Пальцы правой руки аж зудели, от воспоминаний о прикосновения к этой нежной набухшей, влажной щелке. Так в чем же дело?

Я специально с таким постоянством менял баб. И каждой из них назначал встречу прямо у Риты перед глазами. Сначала, чтобы утереть нос этой мелкой выскочке. Нашлась двадцати четырех летняя выскочка, которая возомнила себя невесть кем. Пусть теперь смотрит на всех этих тёлек и локти себе кусает, если достанет, конечно. Потом, чтобы позлить. Но злюсь от этого, кажется, только я.

Последние два месяца здесь перебегало несчетное количество этих девок. Благо у меня с этим проблем не было, стоит только захотеть. Она единственная строила из себя недотрогу. И это жуть как задевает. Жаль что на улице не средневековье. Нагнул бы прямо у нее на столе и отимел бы по всем статьям. Каждый раз, проходя рядом, руки аж чешутся, так хочется прижать ее к себе и ощупать все эти соблазнительные выпуклости и впадины.

Вот чтобы сразу тогда на озере трахнул, уже б и думать о ней забыл. А так только возбудила желание и... да за такое сажать нужно... на кол... желательно мой. От таких мыслей губы искривились в насмешливой улыбке.

— Рита, ко мне через пол часика зайдет Мариночка. Сделайте нам кофе, и меня на час ни для кого нет.

— Как скажете Николай Петрович.

Опять ее невозмутимая вежливость. Никаких эмоций, никакой потери контроля. Наверное, застала бы меня с какой-то курицей голых, точно так же холодно и уравновешенно спросила бы не нужна мне какая либо ее услуга. А мне нужна, ой как нужна, но только один рас отказ я уже услышал, и даже не один, больше такого не повторится. Этими бархатными пухлыми губками нужно делать совсем другое, а не отказывать мужчине в его сокровенных желаниях.

И главное сама по себе она не такая — серьезная, чопорная и официальная. С другими коллегами ведет себя достаточно открыто, и даже дружелюбно. А с Ромой так вообще, шашни закрутила. И чем же я хуже Ромы. Не замечал, чтобы раньше женщины хоть когда-то его предпочитали мне. Да и в ней нет ничего сверх особенного. Девка как девка — две сиськи, задница, смазливая мордашка. Еще правда ножки, длинные стройные, особенно когда оденет, эту свою коротенькую черную юбочку. На мой взгляд слишком короткую, а еще когда рядом крутится Рома, так и хочется сказать чтобы одевалась попримичнее. И откуда у меня эти собственнические замашки, никогда за собой раньше такого не замечал. Отмахал бы ее разок и забыл бы, а так нет, засела мне в мозги по самые «не хочу».

Нет, работу с личным, я никогда не путал, и в преть не собираюсь. И тогда как ни кипел, но увольнять не собирался. Хотя в голове рисовал себе картинки, как она просится назад на работу и выполняет все мои заветные фантазии. Но сразу же отбросил подобные мысли.

Как к секретарше, к ней не к чему придраться. Работник честный, ответственный,

пунктуальный. Да и смьшленная, что уж тут скажешь. Выполняет функции и секретарши и помощника. Как сотрудника я ее терять не хочу. И ой как не прав был Наум, когда подшучивал, что я телочку заманил хорошей работой, трахну и уволю из-за не соответствия заполняемой должности. Она как раз ей соответствует, вод только с «трахнуть» я пока в пролете. Но это только пока...

На выходные как обычно поехала к маме. В субботу, около полудня я подходила к своему дому. Солнце было в зените и неумолимо жарило. А что я хочу июнь в разгаре. У подъезда стояла скорая, что случалось часто в нашем многоквартирном доме. Лавочки пустовали. Даже нашим извечным сплетницам бабе Оле и Кристине Викторовне, как она любила себя величать, оказалось жарковато, и они покинули свой извечный пост наблюдения не лавочке. И, наверное, впервые я об этом пожалела — не было у кого спросить, к кому же все-таки приехала скорая. Я всех знала в этом подъезде, да что в подъезде — в доме. Здесь ничего не менялось, сколько себя помню, разве что любовники у тети Сони. Ее еврейские корни и глубокая религиозность этому ни как не препятствовали. А, да, мама говорила, что Марья Петровна из 37 умерла, и дети продают квартиру. Появятся новые жильцы мне не знакомые. Вот так потихоньку все поменяется, и со временем я уже не буду частью их жизни. Напала какая-то ностальгия, что ли.

Я так и не заметила, как поднялась на третий этаж. И тут же пришла в себя. Дверь в нашу квартиру была приоткрыта. Я поспешила зайти внутрь. Первой мыслью было — ограбили. Потом вспомнилась скорая около подъезда. Все ли в порядке с мамой? Я три часа назад, выезжая с Одессы, с ней созванивалась. Все было в порядке.

В прихожей толпились баба Оля с Кристиной Викторовной. Я то думала, они жарь испугались, нет, просто нашли более интересное место для наблюдения. Мама лежала на диване с закрытыми глазами, вся желтая и какая-то как будто не живая. Сердце пропустило удар и еще один. Я на одно мгновение замерла, как будто приросла к полу, но это всего лишь на мгновение, а потом со всех ног бросилась к маме. В комнате стоял доктор, но его я заметила только тогда, когда мама открыла глаза. Измученные, уставшие, но такие родные и главное — живые.

— Мама, что случилось? — Мои глаза искали ответ на этот вопрос, вглядываясь в ее лицо. — Доктор, что с ней? — разочаровавшись дожидаться ответа от мамы, из-за ее состояния, я обратилась к доктору.

— Приступ стенокардии, потеря сознания. Еще немного и не успели бы. Вот бдительные соседки вызвали скорую. — Он указал на толпившихся у двери бабушек. Я повернула голову в ту сторону, куда он указывал, вроде не знала, кто именно там стоит. А в голове слышалось одно «Еще немного и не успели бы». Эта фраза, напроць вышибла все мозги. Я вела себя как-то странно. То ли это шок, ступор, а может, поглупела вмиг. Я видела себя как будто со стороны. Мама, немного пришла в себя, и пыталась меня успокоить, что-то говорила, а я слушала не понимая. Мама, меня успокоить? В ее-то состоянии? Нужно взять себя в руки. Доктор, видя мое состояние, взял главенство на себя.

— Девушка, вы дочь? — Я кивнула головой, не отводя глаз от лежащей мамы. — Мы сейчас заберем ее с собой в больницу. Нужно обследование и притом срочное. Вы можете поехать с нами. И я послушно делала все, что он говорил: собрала вещи, выгребла все деньги, что сэкономили мы с мамой, на черный день, как она говорила. Это и был тот самый черный день.

Я и сейчас не понимаю, откуда у меня тогда взялись силы. Все эти справки, бумажки, обследования, очереди в аптеках, и никакой уверенности в словах докторов. «Мы сделаем

все, что в наших силах»- эта фраза меня уже просто убивала. Сколько раз я уже слышала ее за сегодня?

У мамы после УЗИ сердца оказался тромбоз нескольких его сосудов. «С ее варикозом это и не удивительно» — как сказал мне ее лечащий врач. После нескольких дорогих анализов и еще более дорогого, притом срочного, как было сказано доктором, лечения, мне уже в воскресенье сообщили окончательный вердикт.

Маме нужна операция по шунтированию сердечных сосудов. Все, что было сделано медикаментозно, за последние сутки, не дало ожидаемого результата. И лучше всего операцию делать в Одессе, но уже в частной клинике, притом, не позже чем через неделю. Приблизительная сумма денег, во сколько это все обойдется, меня просто убила. К кому обращаться за помощью я просто не знала. Друзей, владеющих такой суммой денег, у меня не было. А если одалживать у всех по немножко, то пришлось бы обойти чуть ли не половину города. Руки опускались, я не знала куда бежать и в какие двери стучаться. Знала только одно — я обязана спасти маму.

Нет, у меня все же был один знакомый, который должен иметь эту сумму, и скорее всего на много большую, судя по тем счетам за услуги фирмы, которые я каждый день носила на подпись. Было как-то неловко у него просить, да и отрабатывать мне эти деньги придется лет пять если не больше, и то при учете выплаты всей зарплаты в счет долга, но выхода другого я сейчас не видела. И я позвонила, не смотря на то, что сегодня воскресенье. У меня нет времени ожидать подходящего момента.

— Да Рита, слушаю. — Он ответил лаконично, но как-то радостно. Это придало мне надежды. Может хорошее настроение поможет ему пойти мне на встречу? О том, на сколько это маловероятно, я не хотела даже думать.

— Здравствуйте! Мы могли бы с вами, сегодня встретиться и поговорить? — Я говорила официально, четко и без всяких сюсюканий. Хотя понимала, что нужно быть помягче, может даже пофлиртовать, чтобы расположить его к себе. Но не умею я этого делать. Не с того я теста. Не могу так как Машка — флиртовать улыбаться хлопать глазками — это не мое. Я улыбаюсь только тогда когда мне действительно весело, а «приклеенная» улыбка выходит слишком фальшивая. Да и как бы он на меня посмотрел, решишь я все-таки вести себя подобным образом. Всегда строгая и официальная, а тут бац, такие изменения.

— А разговор до завтра подождать не может? — Как по голосу мне показалось, что он не слишком расстроился моей просьбой. На заднем фоне я слышала музыку и женский смех, и понимала, что, скорее всего, ни вовремя его потревожила, но у меня не было времени, точнее не было времени у моей мамы. И именно мысль о ней не дала мне идти на попятную.

— К сожалению нет. У меня к вам срочный разговор, и промедление может стоить жизни.

— Надеюсь не вашей, Рита? Вы по голосу вполне здоровая, а вот у меня сейчас случится сердечный приступ от любопытства. Когда вы хотите встретиться? — Я его еще таким не помню. Он шутил, и кажется, был хорошо «под мухой».

Я посмотрела на часы. Сейчас два часа по полудню, еще три часа на дорогу до Одессы, плюс какой-то час на приведения себя в порядок после дороги.

— Где-то около шести вечера вас устроит?

— Шесть так шесть. Жду тебя в офисе. Сегодня выходной, так что нам не помешают. — И он отключился. Перед этим я слышала, как какая-то девица его настойчиво звала. Как-то обидно стало, что ли. А чего я ждала? Любезностей, флирта, убеждения, в том, что он

ожидает встречи? Я уже давно знала, какой он. И еще тогда решила не быть очередной из списка, падших к его ногам. Так чему же мне сейчас возмущаться?

В офис я подъехала без пяти шесть. На улице был светлый день, но бизнес центр пустовал. Выходной все-таки. Вот завтра здесь яблоку будет негде упасть.

В фойе как всегда сидел охранник. Я пробежала, поздоровавшись с дядей Толей.

— Привет Ритка! Что не можешь дождаться рабочих будней? — Я спешила и поэтому только махнула головой, улыбнулась, и проскользнула мимо, направляясь к лифту.

Он сидел на своем кресле, чуть оттолкнувшись от стола, и неспешно покачивался на колесиках из стороны в сторону. Такая расслабленная поза, он казался таким домашним. «К чему бы это? Сейчас не о таких глупостях нужно думать.»

— Здравствуйте Николай Петрович!

— Добрый вечер Рита! К чему эта официальность? Говори что случилось, раз уж это такой срочный разговор и не терпит отлагательств до завтра. — Он говорил так открыто, спокойно, как будто встретился со старинным другом. И эта его расположенность расслабила меня. Как будто ушло напряжение которое я чувствовала все эти последние часы, что добиралась на встречу.

— Я хотела бы попросить Вас о услуге. — Она замкнулась, не зная как это сказать. Это же не сто гривен занять до зарплаты. Такую сумму даже в мыслях произносить страшно. Мне нужны пятьсот тысяч гривен. — И она поспешила продолжить досказать все, что продумывала все это время, быстрее, чтобы он не успел сказать «нет». Ему ничего не мешает ответить отказом и позже, но тогда она хоть приведет все аргументы, которые с такой тщательностью продумывала. — Я обязуюсь ближайшие пять лет работать не увольняясь и не получая зарплаты.

— Ты предлагаешь мне себя в рабство? — Его левая угольно-черная бровь взлетела вверх, еще больше акцентируя внимание на вопросе. Не было ни фырканий, ни громкого смеха. И даже холодного «нет» я еще не услышала. Он так спокойно отнесся к моим словам. И я не знала радоваться этому или огорчаться. Но почему-то эта вся ситуация меня очень настораживала.

— Нет... почему же? Я просто буду работать как обычно, а зарплату отдавать в счет долга.

— А мне кажется, что работая на кого-то, не получая ничего взамен и есть рабство. — Он остановился, ожидая моих аргументов, но я не знала что сказать. И он продолжил. — А жить ты за что будешь? Если я правильно понимаю, ты учла твою сегодняшнюю зарплату, умножила на 70 месяцев и у тебя впритык вышла та сумма, которую ты просишь?

— Как-то протяну. — Обидчиво ответила я. Мне сейчас не важно, как я проживу эти пять лет, главное чтобы мама была жива. Да я как-то об этом и не думала. А у него что, компьютер вместо головы? Как он так быстро все высчитал?

После моих слов он долго смотрел на меня оценивающе. Может и не так долго, но мне, в моем состоянии, показалось, что время пошло на часы. Потом на его лице заиграла улыбка, коварная улыбка. Я предполагала, что он сейчас скажет то, что мне не понравится, но даже в худших своих предположениях я бы никогда не додумалась до того что он сказал после.

— Я дам тебе эту сумму, но на своих условиях. — Он театрально остановился. Чего он ждет? Барабанной дроби? Так я сейчас ногами потопаю! После слов «я дам тебе эту сумму»

у меня наступила эйфория. И не важно, какие там условия, главное деньги будут и маму спасут. Да и что за условия он предложит? Отдавать с процентами? Я и на это согласна. Я расплылась в довольной улыбке и уже в воображении чуть ли не нимб рисовала над его головой.

— Деньги отдавать не нужно, но ты будешь моей рабыней, сексуальной игрушкой. Можешь придумать еще какой-то эпитет, но смысл один: я буду иметь тебя, когда я захочу, где захочу и сколько захочу, пока не надоест. — Он говорил все это и улыбался. Это была улыбка хищника загнавшего свою жертву в глухой угол. Я как-то не могла понять этой его шутки. А шутка ли это? Но ведь серьезно такой бред никому не предложишь. Да и с его-то толпами воздыхательниц, покупать очередную, за такую сумму — это же просто безумие. После всех этих размышлений я пришла к выводу, что он просто решил подшутить надо мной, проверить, а клюну ли? Может он посчитал мою просьбу бредятиной и сам такой же бредятиной отвечает?

— Николай Петрович, не могли бы вы серьезней отнестись к моим словам. — Только бы он не сказал «нет». Я как заклинание повторяла эту фразу про себя. Он молчал и в том, что это была его какая-то не стандартная шутка, я уже не сомневалась.

— А я говорил вполне серьезно. И хочу прямо сейчас посмотреть на то, что приобретаю за такую не малую сумму. — Он встал с кресла и направился в мою сторону. Меня это все начинало бесить. Лучше уже сказал бы нет, чем придумывал вот эти все глупости. Он остановился в двух метрах от меня и смотрел свысока, с каким-то превосходством.

— Мне действительно, очень нужны эти деньги. И я не игратья пришла. Скажите уже, сможете помочь или нет. Зачем все эти игры? — Я была накручена до предела. Все эти двое суток нервного стресса, плюс его своеобразные приколы, мне казалось, что еще немного, и я просто взорвусь.

— Девочка моя, какие игры? Я все сказал, и деньги готов дать хоть сейчас, а у тебя как я понимаю, особого выбора нет. Так что можешь раздеваться и показывать, так сказать, товар.

— Если бы я захотела работать проституткой, я бы вышла на окружную. Никогда не думала, что вы так низко падете. Да вы правы, выбор у меня действительно не большой, но если я и надумаю продаться, то уж точно не вам. — Я была взбешена. И меня в эту минуту не пугало ни то, что я злю большого сильного мужчину, с которым нахожусь наедине, ни то, что он мой начальник, и я могу в этой сложной финансовой ситуации остаться и без работы. Я была безумно злая, руки просто чесались, так хотелось дать пощечину. Но вовремя сдержалась. Я развернулась, и уходя громко хлопнула дверью, кажется оставив его в растерянности.

Как же я много раз успела пожалеть о том своем поступке. Я ненавидела его всей душой, но корила себя за свою несдержанность, за глупую гордость. За то, что не воспользовалась предложением, каким бы унижительным оно не было. За эти три дня я успела оббегать все инстанции, от банков и частных лиц, нелегально одалживающих денег, до благотворительных фондов. Я обзвонила всех друзей и знакомых, насобирав у всех понемножку, только двадцать пять тысяч. Во всех фондах мне сказали, что на такие срочные операции они денег не собирают. Я уже отчаялась, время истекало. Доктор уже несколько раз звонил, уточняя, собрала ли я нужную сумму, планировать ли операцию.

Я бы пошла еще раз к Николаю Петровичу, умоляла, и готова была бы перетерпеть все насмешки, если бы не была уверена что получу отказ. К нему эти дни зачастила Мариночка. Наверное, зализывает свое израненное самолюбие. Он по какому-то чуду меня не уволил, и

только за это ему спасибо.

Я уже боялась телефонных звонков с незнакомых номеров. Это могли бы быть только с больницы. А с больницы звонят только в крайних случаях. И сейчас смотря на экран телефона, я понимала, что взять трубку нужно, но так боялась этого.

— Да я вас слушаю.

— Здравствуйте! Вас беспокоят с благотворительного фонда «НАДИЯ». Вы обращались к нам по поводу операции вашей маме. Мы смогли найти нужную сумму благодаря анонимному пожертвованию. Приезжаете, нужно оформить необходимые документы. — Дальше в трубке пошла гудка, но я все так же держала телефон у уха, не веря услышанному.

А потом пришло понимание, и я как остановилась на тротуаре, когда прозвенел звонок, так и съехала на колени на этом же месте, разрыдавшись. Это были слезы облегчения. Я сидела и плакала, не знаю даже, сколько времени, а люди удивленно посматривая на меня, проходили мимо.

НИНОЛАЙ

Она позвонила как нельзя вовремя. Я отдыхал на яхте у Витьки, институтского кореша. И все бы ничего, если бы не его сестра Ксюша. Вешалась на шею, как последняя шалава. И я был совсем не прочь ее трахнуть, но только трахнуть и больше ничего. Она же хотела большего, и судя по всему, Витька тоже. Сват нашелся, хренов. Зачем я только согласился приехать на эту яхту? Нет, Витька не плохой мужик, но уж слишком усердно пытается сбагрить с рук свою сестренку. А мне такое добро и даром не надо, так что нам с ним сегодня не по пути.

Я быстро извинился, сообщив, что вызывают по срочному делу — вопрос жизни и смерти, и так же быстро на такси умчался домой. Время до встречи с Ритой еще было, но лучше я его проведу в гордом одиночестве, чем в окружении этого семейного серпентария. Но в гордом одиночестве не вышло. Позвонил Наум и предложил встретиться, отдохнуть. Я с радостью согласился. Благо от этого не нужно ожидать подвоха с незамужними сестрами. Да хотя бы по тому, что у него нет никаких сестер. Мы хорошо посидели, но около пяти я уехал, нужно было перед встречей привести себя в человеческий вид. Холодный душ и час времени мне помогли почувствовать себя не трезвым, но хотя бы человеком.

Она зашла в кабинет, одета как всегда с иголки. Нет, это не брендовые шмотки — это строгая блузка, застегнутая на все пуговики, юбка карандаш по колено, и не дюйма выше. Она и вела себя не менее официально. Чего только стоит это ее «Здравствуйте Николай Петрович!». Я ведь знаю что она на самом деле совершенно другая. Под этой коркой серьезности и официальности прячется живая интересная девчонка. И меня сейчас раздражала эта ее строгость и официальность.

Она почувствовала себя не уверено, о чем свидетельствовал румянец на лице, а глаза, еще минуту назад смело смотревшие на меня, опустились, и разглядывали ни чем не примечательный узор плитки на полу кабинета. Какая она сейчас соблазнительная, так и хочется протянуть руку, схватить и усадить на коленку. Распустить этот осточертевший хвост, и запустить руки в ее длинные пышные волосы. Почему она их никогда не распускает? Нужно ввести дрес код в офисе — обязательно распущенные волосы и расстегнутые пару верхних пуговиц на блузке. Я улыбнулся подобным мыслям.

Она хотела денег, а я хотел ее, так почему не провести взаимно выгодный обмен. То, что она просила ни какой здравомыслящий человек ей бы не дал. А я готов был дать, понимая, что она их не сможет отдать. Я предложил ей вариант, огласил ей свое желание, которое не

выходило с моей головы еще с того корпоратива, где я сжимал ее под страстные аккорды танго. Толи пьяный дурман, толи нетерпение, а может осознание того, что она находится в безвыходной ситуации, спровоцировали меня на столь резкие и необдуманные слова и действия. Я уже чувствовал ее тело под собой. Прямо здесь, прямо сейчас. Не было никаких сил больше терпеть и выжидать.

Правду говорят, что пьяный и трезвый говорят на разных языках. То, что для меня сейчас казалось нормальным, ей было диким и извращенным. И именно поэтому она убежала, даже не смотря на то, что позарез нуждалась в деньгах, а я готов был их дать.

Она не делала тайны с того что ее мама в больнице, и уже в понедельник ближе к обеду весь офис жужжал, что Ритиной матери нужна срочная дорогостоящая операция.

Я знал, что она бегала по благотворительным фондам, у меня ведь отпрашивалась для этого, и так же видел по ее упадочному состоянию, что это не приносило никаких результатов. Я делал вид, что никакого разговора в воскресенье не было, и она своим поведением показывала тоже самое. Да я приглашал Маринку, каждый день она заходила ко мне, и мы вместе уходили обедать, пусть знает, что ее отказ меня не колышет. Не она так другая.

К концу недели я не выдержал и перевел нужные деньги в один из фондов, в какие она обращалась, акцентировав внимание на том, чтобы мое имя не афишировалось. Я не знаю почему это сделал, может совесть замучила, а может просто не хотел, чтобы она, как я когда то, пережила потерю самого близкого человека. Чего стоят деньги, когда на кону жизнь? И пусть не моя, но ее возможная потеря мне болью отдавала в сердце.

Тогда, еще два месяца назад я согласился на предложение Олега сотрудничать. Проект был не маленьким, а работа сложной, но предлагаемый гонорар того стоил. Программа уже была почти завершена, и через неделю планировалась сдача работы. Я лично руководил созданием и засекречиванием базы данных одного из крупнейших оружейных магнатов Европы. Перепроверял все пароли, все было под грифом «секретно». В офисе всего лишь несколько сотрудников знали, над каким проектом мы работали. Сотрудники в целях безопасности выполняли лишь отдельные составляющие всей цепочки. И только я и Рома соединили все вместе, выпуская готовый продукт.

В пятницу ближе к вечеру позвонил Наум. Он был уже несколько недель в Киеве. Занимался открытием нового филиала. Бралась за заказ предложенный Олегом мы вместе, так что в принципе он был в курсе, над чем именно я сейчас работаю.

— Старина, мне тут птичка на хвосте принесла очень интересную информацию о нашем многоуважаемом Олеге Васильевиче и соответственно его заказе.

— Давай без пафоса. Слушаю тебя внимательно. И надеюсь, что это не твое предвзятое отношение к бывшему сопернику, а действительно стоящая информация.

Наум всячески отговаривал меня братья за этот заказ. У них с Олегом были какие-то давние терки. Я не вникал в подробности, да и Наум не горел желанием рассказывать. Знаю только, что это было связано с работой, и по словам Наума, Олег его по крупному подставил.

В жизни бывают разные ситуации, и смотреть на них можно под разным углом. Я тоже не идеален, может кто-то за спиной и на меня зуб точит. Мнение Наума я услышал и даже учитывал, но решение принимал сам.

— Информация стоящая, но, на сколько ей можно верить, сам не знаю. Полученная как ты понимаешь в очень пикантной обстановке. — Наум тот еще бабник, не женщины от него узнают информацию в постели, а он от них. — Как выяснилось наш Олег увлекся покером, и должок за ним числится не маленький. За границей продал почти всю собственность, осталась только квартира, и та остается за женой и детьми, они сейчас как раз разводятся. — Он сделал театральную паузу. Я не выдержал и подогнал:

— Ну и...?

— Его фирма посредник, между нами и заказчиком. Аванс нам он не дал, ссылаясь на то, что заказчик выплатит гонорар полостью по окончанию работы. Сам же он сейчас на лево и на право тратит несоизмеримые суммы. Я, конечно, не знаю, какой процент он получит от сделки, но его щедрость уже превышает чуть ли не половину нашего планируемого гонорара. И учитывая, что собственности у него нет, уже вся продана, на счетах так же пусто, отдавать нам деньги ему будет сложно, если он конечно планирует это делать.

Помнишь, мы с тобой до того как взяться за заказ изучили полностью информацию о самом заказчике, Олега и его посредническую контору проверяли не так тщательно. Больше принимали на веру. И вот по тому, что я здесь узнал о самом Олеге, нам нужно было бы в первую очередь тщательней проверить его. И сейчас во мне говорит не обиженный соперник. — Наум заставил задуматься.

— Я бы тебе советовал на прямую связаться с заказчиком.

— Ты же сам понимаешь, что так не делается. — Я молчал, обдумывая услышанную информацию.

— Тогда жди подставы.

— Спасибо тебе, друг. Спасибо уже за то, что буду знать, чего ждать.

Я сбросил звонок. И тут же набрал Степаныча.

— Вечер добрый Степаныч! Не побеспокоил? — Я говорил формальности. Степаныч спокоен как удав, его среди ночи взрывом не побеспокоишь.

— Рад тебя слышать, Коля! Что-то случилось? — И вот по голосу никогда не поймешь, какое у него настроение. Вот что значит работа в органах.

— А должно что-то случиться, чтобы я позвонил давнему другу?

— Ну, мы то оба знаем, что ты мне просто так не звонишь, только по делу.

— Да Степаныч, ваша ментовская чуйка как всегда на высоте. — Я услышал его довольный смешок. Его ментовская чуйка для него святое. И вот вроде взрослый умный человек, а всегда расплывается в удовольствии от одной и той же похвалы. Главное знать, за каким ухом почесать. И сам по себе ведь человек хороший. Взятчик, но хороший. Да и кто в наше время не взяточник. Грех не брать то, что сами суют, как говорит сам Степаныч. Я улыбнулся его железной логике.

— Так что там случилось, сынок, говори.

— Мне бы пробить одного человечка. На наличие денег имущества и долгов. Его связи за последние три месяца. Он, правда, живет за границей. Сможете?

— Это, конечно, сложнее, но для хорошего человека, как не сделать? Говори имя, фамилию, а я там уже разберусь. — Он, конечно, забыл добавить, что для хорошего человека да еще за очень хорошие деньги, но за информацию, которую он может достать, я готов был платить и не малые суммы.

С минуты на минуту должен прийти Олег. Информация Степаныча подтвердила слова Наума, более подробно расписав суммы долгов, а они поражали. Я понимал, что Олег захочет меня кинуть поэтому продумывал и готовился ко всем возможным вариантам его подставы. Но ему все равно удалось меня ошарашить.

Олег пришел, как и договаривались, и сообщил, что не намерен платить такие деньги за программу, которую ему вчера уже продали наш же сотрудник. И если в моей компании работают такие крысы, как он может быть уверен в достоверности информации, и что эту же программу не перепродали уже еще кому-то. И поскольку я столь не надежный партнер, он вынужден, обратится в другую фирму. Его информация, мягко говоря, удивила, а когда я попросил показать программу, он предоставил мне ее копию. И да это была она.

— Кто тебе ее продал?

— Разбирайся сам со своим коллективом, я обещал не сообщать личность того, кто мне ее продал.

— Кто этот человек? — Я уже орал, сдерживать себя не было никаких сил.

— Давай так: Я тебе говорю, кто мне продал информацию, и плачу тридцать процентов твоего гонорара за программу, а ты удаляешь все ее резервные копии, как было бы в случае ее продажи. — Я смотрел на эту гниду и тупо хотел разорвать его на части голыми руками. Я сейчас из принципа выброшу программу в интернет, чтобы только этот гад, на ней не нажился. Мне не важны были те тридцать процентов, а вот узнать имя крысы хотелось. Очень хотелось. Меня поймали, с помощью моих же сотрудников. Два месяца работы на ветер.

— Я подумаю над твоим предложением. А сейчас попрошу не задерживаться, а то ведь могу и не выдержать... — Я не стал уточнять, что я сделаю, если мое терпение все таки лопнет, но он не глупый парень, догадался, поскольку быстро поднявшись, вышел с переговорной.

Уже через десять минут служба безопасности в полном составе проверяла все возможные варианты утечки информации. Я требовал результата, вникая во все подробности расследования.

Уже к вечеру мне сказали имя предполагаемого преступника, вернее преступницы. Услышав его, я не поверил. Не поверил до такой степени, что заставил опытных сотрудников перепроверить все еще раз и более тщательно.

Я не хотел верить в ее вину, но факты на лицо. Так и не веря до конца в ее виновность, я позвонил Олегу и согласился на его условия, лишь бы услышать еще одно подтверждение, что это сделала именно она. Как он сказал: «это была твоя секретарша, Рита, кажется. Ты мало платишь, а ей нужны были деньги на лечение матери».

Я никак не мог свыкнуться с мыслью, что это она сделала, хотя все указывало именно на это. Она имела доступ, мне казалось, что она даже не понимает, с насколько важной и засекреченной информацией работает. Эти циферки и колонки, таблицы и нескончаемые дробные числа обычно девушек не интересуют. А она ведь не совсем обычная, я и раньше так считал. Только раньше это слово подразумевалось совсем под другим смыслом. Я видимо зря так легкомысленно верил в ее незаинтересованность. А главное у Риты был мотив — месть. Месть мне за унижение, которому я ее подверг. Да и деньги ей были нужны, реабилитация больной мамы после операции процесс не из дешевых.

Она ведь так и не знает, что я перевел деньги в тот благотворительный фонд на лечение ее матери. Да я никогда ей этого и не скажу. Сначала — не видел смысла выхваляться, а теперь тем более — не хочу выглядеть на фоне всего этого полным лопухом, которого эта выскочка обвела вокруг пальца.

Операция прошла успешно. Мама пошла на поправку. И за последнее время я наконец-то вздохнула с облегчением. Всю последнюю неделю я приходила на работу на автомате, работала, не замечая и не вникая ни во что, и точно так же уходила, почти не помня как прошел рабочий день. Все мои мысли были с мамой. За выходные я отоспалась и наконец-то почувствовала себя нормальным человеком, готовым влиться в рабочие будни.

Утро было каким-то слишком напряженным. Дядя Толя на проходной как-то странно на меня посмотрел. И вместо обычного «Привет Ритка!», услышала сухое «Здрасти». Я слегка опаздывала, не то чтобы совсем опаздывала, но у меня не было моих запасных пятнадцати минут, чтобы успеть прийти до прихода Николая Петровича. И именно по этому я промчалась около дяди Толи со скупым «Здрасти — здрасти». Машка на удивление мило мне улыбалась со своего «пяdistала королевы». Это было ну ни как не похоже на ее обычные «комплименты», по поводу моего внешнего вида. В ее глазах промелькнуло какое-то злорадство, что ли? И вот этому я как раз не удивилась.

Дверь в кабинет Николая Петровича была уже открыта. Я на ходу бросила сумку на свой рабочий стол и поспешила поздороваться и уточнить рабочие планы на сегодня. Как он меня услышал я не знаю, но я только поднесла руку к двери, еще даже не успев дотронуться, чтобы постучать, тут же услышала сухое «входи». Я вошла, остановившись в двери.

— Доброе утро! Сделать кофе? — От утреннего кофе он никогда не отказывался. И я даже не знаю, почему каждый раз на автомате его спрашивала по поводу кофе. Но в этот раз он меня удивил.

— Не надо кофе. До обеда попрошу никуда не выходить. Перед обеденным перерывом зайдешь ко мне. Заданий пока никаких нет. Сиди и жди. Это все, можешь идти. — Он все свое внимание обратил на монитор компьютера. Я, молча, вышла из кабинета.

В том, что что-то случилось, у меня уже не было никаких сомнений. Но что именно мне никто не сообщал. Служба безопасности сновала туда и обратно, искоса бросая на меня обвинительные взгляды. Через полчаса моего просиживания в ожидании обеда, зазвонил рабочий телефон. Звонил Ромка.

— Привет, Рита!

— Привет! Слышишь, Рома, а ты не в курсе что происходит? Какая-то шумиха, все шуршат, бегают туда-сюда. Никто ничего не объясняет.

— Ритка, молчи и слушай. Тут такое дело... из офиса кто-то... пи-пи-пи... Звонок сорвался. Я попыталась набрать еще раз, но телефон уже не работал. Отключили! Я начинала паниковать. Что мне не договорил Ромка? Я вытащила мобильный, попыталась набрать Ромку, но связи и здесь не было. Когда, через пол часа попыталась пойти в уборную, мне предложили на выбор сопровождение либо воспользоваться личной уборной в кабинете Николая Петровича. В туалет я не хотела. Да и не было чем туда ходить. С самого утра я не выпила даже чашки кофе, а когда представила, как буду идти в сопровождении конвоя, все желание куда-нибудь выходить пропало. Оказывается в коридоре, под дверью кабинета стоял человек из службы безопасности фирмы. Меня сторожили. Я была в шоке, меня как преступницу не выпускали никуда за пределы моего рабочего места. Было только пол одиннадцатого, но до обеда я просто ждать не могла. Я постучала в кабинет Николая

Петровича.

— Я занят. Жди! — это был единственный мне доступный ответ. Я так и осталась ждать на своем рабочем месте времени обеденного перерыва. За это время что я только не передумала. Мне вспомнились все мои мелкие ошибки, возможные и не возможные просчеты. Из раздумий меня вывело тихое — «Рита зайди».

Я поднялась из-за рабочего стола и молча пошла в кабинет начальника. Я даже не стучалась, просто открыла дверь и вошла. Дверь осталась открытой.

— Садись. — Он указал мне на черное кожаное кресло.

— Я постою. — Если уж выслушивать какие-то претензии и обвинения то лучше стоя. А в том, что последуют именно обвинения и претензии я уже как-то и не сомневалась.

— Сядь я сказал! — его голос уже был как обвинение. Что-то сродни убийственному приказу. Здесь не было ни сухости, ни официальности, с которой он меня попросил войти в кабинет. Здесь была ярость, злость, несдержанность. Казалось, если я его в этот раз не послушаю, он просто подойдет и усадит меня насильно. Я не стала больше накалять обстановку, просто подошла и села.

Он поднялся из-за стола, медленно прошел к двери закрыл ее и запер на ключ. От щелчка замка я вздрогнула. Он так же медленно задвинул жалюзи на окне, и развернувшись, не спеша пошел в моем направлении. Это была не медлительность, это была еле сдерживаемая ярость. Мой вопрос, который я только что собиралась задать Николаю Петровичу, так и остался при мне. Инстинкт самосохранения подсказывал мне, что лучше не лезть на рожон, здоровее буду. Умом я понимала, максимум, что он мне сделает — это покричит и уволит. Да работа хорошая и деньги платят ни малые, но увольнение не смертельно, так что труситься не из-за чего. Но вот интуиция подсказывала, что лучше было бы отсюда, просто сбежать. А вот бежать сейчас как раз и не было никакой возможности.

— Рита, ты помнишь наш разговор двухнедельной давности? — Мне как-то сразу стало не по себе. Да, я прекрасно помнила тот разговор. И спрашивать о каком именно разговоре шла речь, не было ни какой нужды. И возможно бы в других обстоятельствах я бы разыграла выборочную амнезию, не желая даже вспоминать подобное, но именно в этой ситуации я не рискнула соврать.

— Да, помню. — Мне не было чего стыдиться, но все равно чувствовала себя неловко. И поэтому пыталась смотреть куда угодно только не ему в глаза. Нет, я не смотрела в пол, как провинившийся ребенок. Я смотрела на его галстук, в котором он почему-то стал ослаблять узел, я смотрела на дверную ручку, на грамоты, висящие в рамках на стене. Куда угодно только лишь бы не в эти темно-карие глаза.

— И ты так же должна помнить мой ответ на твою просьбу. — Его спокойный тихий тон не предвещал ничего хорошего. Разговор становился все больше и больше для меня неприятен, но вот отмалчиваться я больше не собиралась.

— Я все помню. И то, что я Вам отказала, тоже помню. Так к чему этот разговор? Я так понимаю на фирме какие-то проблемы, и меня в чем-то подозревают. К чему сейчас вспоминать разговор двухнедельной давности, который мы оба не хотим вспоминать? Не знаю как Вам, а вот мне не очень приятно все то вспоминать. — Он, молча, выслушал мою гневную тираду, и только бровь, поднятая вверх, показала его удивление моими словами. А о том, что она наиграна, говорили его глаза, в них пылала ярость, а губы приветливо улыбались. Я раньше думала, что такое невозможно, а вот сейчас смотрела и понимала, что в этом человеке все возможно.

— Я тебе тогда обозначил вариант, можно сказать даже выход, в котором мы оба получали желаемое — ты деньги, а я тебя. Ты помнишь, что ты мне тогда ответила? Да по глазам вижу, что помнишь. — И он процитировал мои тогдашние слова- «Если бы я захотела работать проституткой, я бы вышла на окружную». — Девочка моя, проституткам сколько не платят, сколько я готов был заплатить тебе. Но ты отказалась, разыграв обиженную невинность. Только знаешь, проститутки ведь честнее тебя будут. — Он подходил ко мне все ближе и уже нависал надо мной сидящей в кресле, поставив обе свои руки на подлокотники. Я оказалась зажата со всех сторон, а сверху на меня смотрели пылающие яростью глаза.

— Я Вас не совсем понимаю. — Я не хотела показывать ни свой испуг ни свою слабость, но обстоятельства были уж очень пугающими. От его взгляда с высоты, от замкнутого пространства между его руками и креслом, у меня озноб пошел по коже.

— Ты знаешь, мне ведь тоже был, мягко говоря, не приятен твой отказ, но я не воспользовался своими возможностями и не отобразил это на твоей работе, хотя мог. Но сдержался. А вот ты, как истинная женщина, или точнее сказать сука — двулична. — Его голос переходил на шепот, такое ощущение, что он ели сдерживался, чтобы не закричать. Пальцы с безумной силой сжимали кожу подлокотников, и казалось, что она сейчас просто порвется под этим натиском. Если бы на этом месте были мои руки, кости, уже, наверное, были бы сломаны. Я не хотела задавать, какие бы то не было вопросы, и будить в нем зверя. Хотя будить там никого уже и не надо было, он и так давно проснулся.

— Вчера вечером конкурентам нашего главного заказчика была слита информация. Вся информация по их проекту. Мы три дня назад закончили их проект, а через два дня, их конкуренты взламывают базу данных. Лучше бы ты слила нас нашим конкурентам, — Он уже кричал мне в лицо — мы бы тогда потеряли только деньги, а сейчас под угрозой репутация фирмы. — Я растеряно хлопала глазами. Со стороны это, наверное, казалось наигранно, потому что он тут же скривился, как от поедания лимона баз сахара и выпалил. — Только не изображай из себя сущую невинность.

— Я ничего не собираюсь изображать. Я действительно не в курсе всех Ваших обвинений. — Я не знаю, откуда у меня столько храбрости, но при этих словах у меня даже не дрогнул голос. Зачастую даже не важно, что не виновата, просто от такого натиска уже чувствуешь себя в чем-то да виноватой.

— Наша служба безопасности, с вчерашних десяти вечера вплоть до твоего вызова в этот кабинет проверяла все возможные варианты. И знаешь что, все ниточки тянутся к тебе — новой молоденькой секретарше, которой очень нужны деньги, маме на операцию. И она за вознаграждение поделилась информацией с заинтересованными людьми. Тебя даже внешне точно описали. Цвет волос рост одежду — все. Так что нет смысла отпираться. — В его голосе слышался какой-то скрежет. А глаза полыхавшие яростью пытались просто сжечь меня.

— Этого быть не может — Единственное, что я смогла сказать. Я произнесла это так тихо и так ошарашено, что моя фраза прозвучала как признание вины. И в его взгляде что-то поменялось. Только что за всей этой яростью светилась какая-то надежда, а вот сейчас там уже была обреченность. Он теперь сам поверил в мою вину, а еще несколько минут назад ждал опровержения, каких-то доказательств, что ли? Лицо искривила злая улыбка, человека потерявшего свой идеал.

— Ну что ж, ты получила деньги. Да не из моих рук, но за мой счет. Мне кажется, и я теперь имею полное право, получить то чего хотел, хоть и не по твоей доброй воле. — Я

была столь напугана, что сразу и не поняла, к чему он клонит. И только когда сильная рука, схватила, вместо подлокотника кресла, который только что с такой яростью сжимала, мои волосы, а твердые губы впились в мой рот жестким поцелуем, меня пробрал страх. Да нет, не просто страх это был дикий ужас. Глаза распахнулись на пол лица. Они у меня и так не маленькие, а как говорится у страха еще больше, и поэтому в моих озерах отразилась вся вселенная ужаса. Я попыталась упереться в его грудь руками и оттолкнуть, но это оказалось бездейственно перед грудой мышц, которая надо мной нависала. И не просто нависала, он меня все теснее прижимал к креслу. В ход пошли любые методы. Я попыталась со всей силы ударить его ногой по очень чувствительному месту, и как назло первая моя попытка оказалась не совсем точной — попала по внутренней стороне бедра. Я увидела, что ему было чувствительно, но не на столько, чтобы отступить от меня. На вторую попытку не было даже надежды. Волосы сильно потянули голову назад, такое ощущение, что он пытался содрать с меня скальп. С глаз непроизвольно брызнули слезы. Вторая его рука перекрыла свободное размахивание моим ногам. В ход пошли мои ногти. И мне даже удалось его хорошо царапнуть — кровавая борозда прошла от левого виска и до скулы. Но он сразу отстранился, все с той же яростью глядя в мои глаза, в которых читалось столь же откровенная ненависть. На вытянутых руках я не могла до него дотянуться, все-таки его руки были подлинней.

— Ты хочешь драться? Знаешь, так даже интересней будет. — В его взгляде засветился азарт. Что же он за извращенец? И только сейчас я поняла, что все это время я молчала. А ведь можно было бы позвать на помощь.

— Я сейчас закричу. — Уже порядком запыхавшись и почему-то шепотом произнесла я. На что он только улыбнулся.

— С учетом сложившейся ситуации я всех сотрудников распустил по домам. Да и еще тут стены звуконепроницаемые. Но ты можешь кричать, если это тебе доставит удовольствие.

— Спасите! Помогите! — а потом вспомнила нужное слово, которое ни кого не оставляет равнодушным. — Пожар! — Он так же сильно меня держал, но не пытался закрыть рот. С этого я сделала вывод, что все же по поводу стен он не соврал. Меня все больше и больше охватывала паника.

В таком положении мы находились еще некоторое время. И при каждой его попытке меня поцеловать я пускала в ход коготки. За счет его быстрой реакции, мои ногти, не достигали цели, но и его попытки не увенчались успехом. Он сменил тактику — отпустил мои волосы и перехватил руки, задрал их вверх и прижав к спинке кресла. Но я столь упорно стремилась укусить и взбрыкнуть, что это тоже не принесло ему желаемого результата. Он не пытался меня ударить либо как-то еще физически навредить, конечно кроме того что хотел меня изнасиловать. Какая ирония. В его глазах уже не было ярости, только желание и азарт. И мне как-то даже понравилась эта жестокая игра. Я уже уверовала в свою победу. Если он меня не ударит и не покалечит, что судя по всему не входило в его планы, значит, я не сдамся, а если я не сдамся — ничего у него не получится.

— Может все-таки по-хорошему? — Еще и издевается! Ну гад!

— Не дождешься.

— О, мы перешли на ты? А как же субординация, я все-таки твой начальник? — Он имел наглость с меня насмеяться. Вот козлина! — И я не замедлила сразу же ему это и высказать.

— Начальники себе этого не позволяют, если только они не настоящие козлы.

— В ход пошли оскорбления? Но я думаю, поскольку ты сука, лучше было бы меня назвать кобелем. На его игривый тон не осталось и намека. В голосе слышалась сталь решимости. А всего несколько минут назад мне казалось, что он просто решил меня поугаать. Одним резким движением я была перевернута лицом вниз. Стоя на коленях и утыкаясь лицом в кресло, я начала трястись от безвыходности. И здесь уже ни мои руки, ни мои ноги мне были не помощниками. Подняться не было никакой возможности, сильная рука прижимала к креслу со спины.

Он пододрал мою юбку-карандаш на пояс и сразу же рванул трусики. Они, больно врезаясь в тело, но все же порвались, и лоскутки были отброшены подальше. Это уже была не игра, и моя злость от безвыходности ситуации перешла в полнейший ужас. Я услышала металлический скрежет расстёгивающегося ремня и тут же мои бедра были раздвинуты, врезавшись между ними коленом. В следующую секунду я почувствовала жуткую боль, казалось разрывающую на кусочки мое лоно. Это был не первый мой секс, но и тогда так не болело. Он, проникнув на всю длину, даже не попытался остановиться, чтобы я хоть как-то привыкла к его не малым размерам. Тут же начал двигаться с каждым толчком все сильнее и сильнее врезаясь в меня. Там было сухо, и ужасно неприятно натирало самое нежное место. Такое ощущение, что кто-то нождачкой выскребывал все мои внутренности.

Я, уже не сдерживаясь, орала во все горло, Кожа кресла, мокрая от слез липла к лицу. Он больше не прижимал меня рукой к креслу, а держал за бедра, все сильнее насаживая меня на свой кол. Но у меня уже не было сил даже попытаться вырваться. И почему-то это длилось так долго. Может у меня с восприятием времени что-то изменилось?

Как я уходила помню смутно. Он предложил зайти в уборную в его кабинете, но мне была противна даже мысль, оставаться еще хоть мгновение с ним наедине. Взглянув на него уходя, мне кажется, я увидела что-то сродни раскаянью в его глазах. Но я больше ему не верила и никогда не поверю. Я не знаю где я нашла силы выйти из кабинета и дойти до туалета, того в который меня сегодня утром в одиночку не хотели пускать. Прислонилась к стене и так и съехала на пол. Сколько я в таком положении просидела, даже не помню. Встав, еще долго расхаживала затекшие ноги, прогоняя «мурашек» и приводила себя в порядок.

Выходя из здания офиса, я увидела его. Он стоял, облокотившись, на свой БМВ. Я даже пройти мимо не могла, чтобы дойти до остановки. Мне в таком состоянии не мешает свежий воздух, так что решила, пройти до следующей пешком. Круто развернувшись, пошла в противоположную сторону. Но не успела пройти и пяти метров как мою руку, выше локтя, схватила стальная хватка его руки.

— Чего тебе еще надо? — Моя апатия прошла. Внутри закипал гнев, даже не гнев, а бешеная ярость. Я развернулась, и уставилась на него полным ненависти взглядом. Но и его темные глубокие глаза не предвещали ничего хорошего. Скулы были напряженны, жевалки ходили ходуном, а тихий вкрадчивый голос, и от этого не менее устрашающий, не предвещал ничего хорошего.

— Ты что же думаешь, один разок киску подставила и уже все, что натворила отработано? Нет, девочка моя, тебе предстоит хорошо потрудиться, чтобы я смог все простить. Он поволок меня к машине, и мое сопротивление, кажется, даже не замечал. Того чувства вины, что мелькнуло у него тогда в глазах, уже и след простыл. Да его, наверное, там никогда и не было, просто мое больное воображение хотело его там видеть.

Он впихнул меня на переднее сидение своего БМВ, сам сел за руль и машина со свистом

сорвалась с места.

— Куда ты меня везешь? — Он не отвечал. Да и на что я надеялась, задавая этот вопрос? Легче уже подождать, чем унижаться еще больше и спрашивать его о чем-то.

Он притормозил через двадцать минут, заезжая во двор элитной дома. Я вспомнила этот дом. Это сюда он меня привозил пару месяцев тому. Когда я сбежала, обозвав его «слишком самоуверенным».

— Ты сейчас спокойно выйдешь с машины и пойдешь за мной. И не вздумай устраивать сцен, не то потом горько пожалеешь. Ты меня поняла? — Он смотрел на меня, ожидая ответа. А я упрямо молчала, даже не смотря в его сторону. В следующее мгновение его рука вцепилась в мои волосы на затылке. Он развернул меня к себе, вглядываясь в мои глаза.

— Я спрашиваю, поняла? — Его голос был тихим, но от этого не менее устрашающим. Я кивнула головой. — Не слышу.

— Да, поняла. — И только когда он отпустил мои волосы, я почувствовала, с какой силой он их держал.

Чего он меня сюда притащил? Что собирается со мной делать?

Я в машине ехала как под гипнозом или в какой-то прострации. Мне было все равно. И почему я такая глупая? Хватит себя жалеть. Нужно как-то выпутываться из этой ситуации. Он явно не уравновешенный. Пора делать ноги как бы сказала Катька. И мне до одного места, не стоит уточнять какого именно, что я там ему пообещала. Как только щелкнул замок дверцы, я тут же взялась за ручку и выскользнула из машины. Мне так хотелось убежать подальше от него, что я даже не подумала оценить свои силы и вероятность удачи в этой гонке. Ну не будет же он меня при свете дня, перед швейцаром, который стоял у двери фойе, догонять и волоком тянуть обратно. Да возможно потом он и планировал устроить мне какую-то взбучку, но явно не на глазах посторонних людей. И пока на нас кто-то смотрит это мой шанс. Потому что оставаться с ним наедине, это было страшнее всего для меня.

Я не долго думая, не взирая на высоченные каблуки помчалась к закрывающимся воротам. Но уже через несколько метров сильные руки обвили меня вокруг талии и прижали к не менее сильной и твердой груди.

— Я же предупреждал тебя, крошка. — Легкий шепот его фразы, звучавшей с какой-то интимностью, не обманул меня. Это было не обещание страстного любовника, это была угроза тирана и деспота. Легкая небритость его подбородка коснулась чувствительного места у меня за ушком и по телу пробежала дрожь. Я убеждала себя, что это испуг, а не предвкушение. А ведь пугаться действительно было чего. Он был страшен в гневе. И буквально несколько часов назад я этот самый гнев в полной мере испытала на себе. Больше мне этого не хотелось.

Я оглянулась в поисках свидетелей. Перед кем, можно было бы устроить сцену, чтобы этот говнюк меня отпустил. Но никого как назло не было. Только невозмутимый швейцар стоял у двери. Но нас он видеть не мог, мы были спрятаны от него за машиной.

— На помощь можешь не надеяться. — Он, что на хрен читает мои мысли? Или у меня все написано на лице? Он развернул меня к себе, крепко сжимая мои предплечья и держа меня как в тисках.

— Отпусти меня! — Я выплеснула эти слова гневно, но почему-то шепотом. Еще пять минут назад я всеми силами пыталась устроить сцену и сбежать отсюда, чего же я сейчас шепчусь? Или я боюсь? Да, действительно мне стало как-то не по себе. От взгляда его

темных, а сейчас казалось даже черных глаз, меня пронизывало насквозь. Что это страх или трепет или не то и не другое, а что-то новое непонятное мне. — Я никуда с тобой не пойду! — Это прозвучало уже более уверенно.

— Отныне ты моя собственность и решать, куда тебе пойти или не пойти буду только я. И сейчас, ты, довольно улыбаясь, пойдешь со мной. И это только потому, что я так хочу. Тебе понятно? — Его руки сильнее сжали мои плечи, и мне даже послышалось, что хрустнули мои кости. Завтра вся буду в синяках.

— Отпусти, мне больно.

— Так и было задумано, детка. — Его «детка» мне резало уши, с такой злостью оно было сказано. — И это еще не больно, боль тебя ждет впереди. — На этой милой ноте он схватил меня за руку стальной хваткой и потащил в фойе.

Я еще не была в его квартире. Да и слово квартира как-то не совсем подходило. Или может мое скудное представление о том, как должна выглядеть квартира загнало меня в определенные рамки. Размеры были огромными, а интерьер изысканным, но казалось очень простым. Не знаю, совместимо ли это, но мне так показалось. Но больше у меня не было ни сил, ни особого желания рассматривать его жилье. Все, что было с ним связано, мне виделось в черных тонах. Кто бы мог подумать, что за какую-то неделю все так поменяется. Неделя времени и не осталось следа от бывшего уважения, почтения и какого-то даже увлечения.

В лифте он меня отпустил и до квартиры мы дошли порознь. Я не пыталась убежать. Какой смысл? Он все равно быстрее сильнее. И все худшее, что он мог со мной сделать, он уже сделал. Но как оказалось, я глубоко ошибалась.

— Садись. — Он указал на диван позади меня. Сам стоял, а мне приказал сесть. Я и так на пол головы ниже его, и то благодаря высоченным каблукам, а сидя так вообще букашкой себя почувствую. Я осталась стоять, сверля его ненавистным взглядом, игнорируя приказ.

Он, повторять дважды не стал. Подошел, и схватив за плечи, просто швырнул меня. Откуда у него столько силы? И были бы мы в других отношениях я, возможно бы этому порадовалась, а сейчас меня это до чертиков пугало. Что еще он может с такой легкостью сделать со мной? А я то думала, что в сегодняшней схватке я чуть-чуть не победила. Оказывается, с эго стороны это была просто игра в кошки-мышки. Как противно об этом даже вспоминать.

— Мои приказы не обсуждаются. — Он сказал это тихо, но так зловеще. — Запомни это.

Мурашки пробежали по коже, но это не было предвкушение чего-то приятного. Скорее наоборот. Животный страх, казалось, пронизывал всю меня от кончиков пальцев на ногах, до последней волосинки на макушке.

Я попыталась себя успокоить. Вдохнула поглубже, слегка прикрыла глаза, чтобы не видеть его перед собой, может так будет легче привести нервы в порядок. Ну и действительно, что еще он может сделать? Все худшее позади. Не убьет же он меня здесь. Люди же видели, как я заходила в дом. И услужливая память подсказала, что этими людьми был один швейцар. А он казалось, и маму родную бы не заметил, не говоря уже о посторонней девушке, столь невозмутимым он казался.

Он не спешил начинать разговор. А в это время моя фантазия в своем жутком направлении, рисовала картинку одну хуже другой, и все в красно-черных тонах.

— Чего тебе от меня еще надо? — Я старалась держаться, и выглядеть храбро. И даже

голос не дрогнул, когда я это сказала. Хотя, и сказала тише, чем намеревалась, а ведь хотела требовать ответа.

Он посмотрел на меня безразличным взглядом, как вроде я букашка, которая случайно под его дорожную туфлю попала, и он ее сейчас раздавит. Совершенно без эмоций. Ненавижу его за это спокойствие.

Николай отошел к мини бару у противоположной стены. Спокойно без спешки налил себе какой-то желтовато-коричневой жидкости, отхлебнул глоток и развернулся ко мне.

— Ты мне крупно задолжала, девочка. Как будешь рассчитываться?—

— Я тебе ни чего не должна. Это ты мне задолжал после такого обращения. — Я не совсем так хотела выразиться, а он тут же вцепился за мои слова.

— Не знал, что ты за подобные услуги берешь деньги. Я ведь тебе уже когда-то предлагал, что ж тогда отказалась? Или тогда ломала с себя целку, набивала цену, а сейчас решила сорвать хоть что-нибудь? — В его словах звучало презрение, но меня это совсем не волновало. Я его сейчас просто ненавидела, как никого и никогда в своей жизни.

— Мою цену тебе не потянуть, купить меня не получится. Ты умеешь только силой брать — грабить, а так делают только труссы.... — Его руки схватили и сжали мое горло так, что договорить я уже не смогла. Я даже не видела как он так быстро оказался около меня. Это была железная хватка. От нехватки воздуха я открыла шире рот, как рыба на берегу ловя драгоценные крохи. Я впиалась ногтями в его руки, пытаюсь хоть чуть-чуть ослабить хватку.

— Запомни, детка я беру то, что хочу и это не грабеж, это право сильнейшего, а ты будешь слушать и делать то, что я тебе скажу. — Он отпустил мое горло и отошел, а я, хрипя, вдыхала драгоценный воздух.

— С сегодняшнего дня ты поступаешь в полное мое распоряжение. Служба, пресмыкание, рабство. Как хочешь так себе это и называй. Я твой господин, и что скажу, то ты и выполняешь.

Кажется, у него потихоньку едет крыша. Или может там давно уже с головой не лады, я как-то не замечала. Служба, рабство? В каком веке он живет? У меня по спине пробежались мурашки, а в голове появилась навязчивая идея фикс — смыться отсюда побыстрее. На языке вертелись все эти фразы, а рука нервно поглаживала саднившее горло. Я старалась как можно глубже спрятать все мысли и здраво рассуждать, как бы отсюда выбраться. Еще недавно был вполне вменяемым и резко превратился в психопата. Я думала самое ужасное, что только могло со мной случиться, уже случилось несколько часов назад. Но, кажется, я очень сильно ошибаюсь. С каждой минутой мне становилось все страшнее. И единственным желанием было выбраться от суда живой.

Я где-то читала, что перечить психам нельзя, и именно по этому я сдержалась.

В голове скакали мысли табунами, и ни на одной нельзя было сосредоточиться, казалось, адреналин пронзил меня до костей. Паника нахлынула волной, и я просто боялась в ней утонуть. Его заявления были бы смешными, если бы не были столь ужасными, и если бы я не была в эту минуту действительно в полной его власти. После всего, что случилось я ни минуты не сомневалась, что он все это говорит всерьез. Мне внутренний голос подсказывал, что с ним нельзя спорить. Еще прикует меня к батарее наручниками, и тогда точно буду сидеть здесь как собака цепная. Главное ничего не говорить против, не злить его и попытаться побыстрее выбраться отсюда.

Вообще с ума сошел? Рабыню нашел? Да он сам у меня рабом будет! Все стоп! Только

не злиться, не заводится. Истерика мне ни к чему. Глубже вдохнуть, чтобы успокоится, опустить глаза, чтобы не дай Бог не заметил ненависти, которая там пылает.

Главное выбраться отсюда, выйти с его квартиры, уйти с его глаз, а потом бежать, бежать... О мести я подумаю позже, главное смыться. Драться с ним нет смысла, это я проверила на горьком опыте, тут нужна хитрость и холодный расчет. Может подыграть ему, притвориться запуганной и послушной. Хотя запуганной и притворятся не нужно, колени вон дрожат, а по всему телу мандражка. Я решила взять себя в руки и попытаться хоть о чем-нибудь с ним договориться. Голос дрожал и срывался от смеси ненависти и какого-то животного страха.

— Чего конкретно тебе от меня нужно? — Может стоило сказать «Вам», чтобы не накалять его излишне? Я старалась говорить спокойно, ни чем не показывая той бури чувств, которая пылала внутри.

— Всего, на что только будет способна моя фантазия. — Он улыбнулся, но это была не улыбка, скорее оскал. Оскал хищника, вышедшего на охоту. И в роли жертвы, кажется, должна была выступить я. Но быть добычей я не намерена.

— Я уже объясняла, что ни в чём ни виновата, и отвечать за чужие грехи не намерена. — Я пыталась говорить спокойно, хотя это спокойствие давалось с трудом.

— Есть такое понятие как «факты» и против них не попрешь. Оправдания твои мне не нужны. Я тебе не Роман, и сопли-слезы на меня не действуют.

И почему-то мне стало так обидно, но показывать этого не буду. Я проглотила комочек рвущихся рыданий

— Зачем ты меня сюда привез? — Голос слегка дрожал, но я старалась взять себя в руки.

— Хочу расставить все точки над «и». — Он подошел к дивану, на котором я сидела так близко, что наши колени соприкоснулись. Большой мужчина, когда ты смотришь снизу вверх, казался просто огромным. И пугающим. После всего, что случилось, я просто не знала чего от него ожидать. Почему он так близко подошел? Начнет пугать и измываться словами, или применит какие-то физические действия? Почему-то ничего хорошего от него я не ожидала. Может раньше эта гора мышц меня бы и восхищала, а вот сейчас он казался просто куском дерьма.

Он стоял и покручивал в руке бокал с коньяком, всматриваясь в янтарный напиток. И казался таким расслабленным, спокойным домашним, но это была только маска, я то знала.

— Так вот Рита, начнем с того, что бы я тебе делать не советовал. Первое — это жаловаться кому либо, на свою «горькую» участь. В особенности подружке Кате, если ты, конечно, не хочешь, чтобы у нее, и у ее семьи, начались большие проблемы. — Мой скептический вздох его приостановил. Он помолчал некоторое время, наверное думая, стоит ли посвящать меня во все тонкости его угроз. Возомнил себя Богом.

— Мне стоит некоторое время посидеть за компьютером, и Катин муж окажется судимым, а как следствие и безработным. Сама она, по свидетельствам очевидцев может оказаться пьяницей и наркоманкой. И когда у нее будет стоять вопрос отстаивать свою семью, чтобы не забрали детей у «такой» мамы, или пытаться как-то помочь подруге, как ты думаешь, что она выберет? — Наверно ужас был написан на моем лице, потому, что он хмыкнул и довольно оскалился.

— Я думаю, ты понимаешь, кому бы ты не пожаловалась, я найду рычаги управления на этого человека. Второе — я бы не советовал тебе куда либо убежать и прятаться. Во-первых

ты далеко не убежишь, поскольку информация о беглой преступнице с твоим фото будет транслироваться по всем каналам, а во вторых, когда я тебя найду, а я тебя найду, я тебя накажу. И учти, что там, в кабинете, то было не наказание. — Да и подумай, выдержит ли мама с ее больным сердцем всю ту информацию, что польется с экранов телевизора, в случае твоего побега.

— А советую я тебе смириться и не делать мне нервы. Радостно вилять задницей, когда я захочу, и послушно раздвигать ноги, когда у меня встанет. — Он стоял, нависая надо мной и улыбался, так самоуверенно, прекрасно понимая, что я сейчас полностью в его власти, и возразить что-либо не могу.

А я после всей его тирады, кажется, просто потеряла чувство страха. Я молча открывала и закрывала рот не зная с чего начать свою гневную отповедь. Как бы побольнее ударить его словами, если уж физически не получается никак. И это его «смириться» меня вывело из себя больше всего. Я еще с детства не переносила этого «смирение и послушание». Наверное, и в Церковь постепенно перестала ходить именно потому, что всем этим смирением и послушанием мне казалось меня там пытаются сделать безмолвной и бесправной идиоткой. Не буду я такой! Я имею свое мнение свою точку зрения и сама чего-то стою. Я личность, а не чья-то тень, которая смиренная и послушная, перед кем-то пресмыкается и прислуживает. Не доросла я еще до этого «смирения и послушания», не осознала всего его глубокого смысла. Во мне еще кричал мой юношеский максимализм, вера в то, что сама не пустое место.

— Да не пошел бы ты... — увидев опасный блеск в его глазах и вспомнив о саднящем горле я перефразировала свою речь и изменила ранее задуманный пункт назначения его ходьбы, — лесом! — у меня потихоньку сносило крышу и уже даже чувство самосохранения отодвинулось куда-то в сторону, перед наступающей истерикой.

— Я никогда никого безропотно не слушалась, сколько себя помню. Да, прислушивалась, шла на уступки, но безоговорочно, молча, как идиотка, никого не слушала и слушать не буду. И мне уже все равно, чем ты мне угрожаешь и что со мной сделаешь. — Я на мгновение приостановила свою громкую речь, потому что запыхалась от нахлынувших на меня чувств. — Не в то время ты со своими собственническими замашками родился, на дворе не тот век. Женщины имеют такие же права, как и мужчины, а рабство давно позади. — Я попыталась оттолкнуть его и встать. Хотелось не так ущербно себя чувствовать, смотря на него снизу вверх, как собачонка вымаливая косточку у хозяина. Мои попытки остались безрезультатными. — Отпусти меня! — Я все громче и громче высказывала свое наболевшее, а последнюю фразу прокричала и толкнула его ногой в коленку.

Он отошел на шаг, и со словами «остынь», вылил мне в лицо содержимое своего бокала. Меня ошарашил такой поступок. Как-то не по-мужски это. Я, молча, сидела и глядела на него, раздувая от возмущения щеки и хлопая ресницами. Спирт, попав в глаза, начал щипать и слезы сами собой покатались по щекам.

— Ванна дальше по коридору. Иди, приведи себя в порядок. — Он отступил, давая мне подняться, и рукой указал направление — потом я отвезу тебя домой.

После слов «отвезу тебя домой» меня как ветром сдуло. Я уже грешным делом подумала, что мне вообще не позволят выйти из этой квартиры. Как не противно было это осознавать, но бокал коньяка вылитый на голову вмиг погасил мою истерику. Действенный метод.

Он действительно через двадцать минут отвез меня домой, напомнив, что работу никто

не отменял и завтра, как и обычно, на рабочем месте должна быть вовремя.

РИТА

Когда Рита вошла в кабинет — ни дать ни взять — святая невинность. И этот растерянный взгляд — правдоподобно. Но не для меня. Я то знаю правду, и вот эти все штучки просто ни к чему. А чего только стоит ее поведение — все строго, официально, как будто свысока. Может кто-то это называет воспитанностью, но я это воспринимаю как заносчивость.

Любой другой человек уже дрожал бы, нервничал, расспрашивал, что же случилось. Она же с огромным, я бы сказал, железным спокойствием ожидает, как ей и было сказано. Хоть бы ногти грызла, что ли? Я специально заставил ждать ее половину дня, даже в туалет предложил пройти с конвоем. И где ожидаемая истерика? Молча сидит, и ждет своего времени. И это ее спокойствие меня выводит из себя даже больше того, что она натворила. Так хочется ее растормошить, сбросить эту маску чопорности, оголить чувства, увидеть эмоции. И я оголил и не только чувства.

Она меня подставила, унизила перед клиентом. Растоптала репутацию, которую я создавал годами. Что ж, я в ответ сделал то же.

Меня в какой-то степени увлекла игра в кошки-мышки. Дарить ей призрачное чувство победы, видеть ее уверенность в собственные силы. И я уже даже хотел подарить ей эту победу, но ее агрессивный выпад напомнил кто именно передо мной. Нет, это не игривая милая кошечка, это самая настоящая сука, двуличная сука. На вид вся такая честная и праведная, а на самом деле...

И мне сорвало крышу. Агрессия переросла в дикое возбуждение, а мелькание ее оголенных бедер только этому еще больше способствовало. Я отбросил все тормоза. Я взял то, что так долго возжелал. Брал с такой жадной, как путник, находящийся в пустыне три дня без глотка воды, припадает к источнику. Меня не могли остановить ни ее крики, ни слезы, я это все слышал где-то там далеко, а здесь, здесь было удовольствие. Дикое животное удовольствие и жажда получить разрядку. И я шел к этому невзирая ни на что. И даже несвойственная сухость там, меня не останавливала. Перед глазами стояла красная пелена, я возжелал цель и шел к ней. Но когда кончил вместе с удовольствием пришло осознание того что я натворил. Сразу почувствовался привкус горечи во рту, а себя ощущал самым настоящим дерьмом.

Когда она выходила с кабинета, на щеках еще не высохли слезы, лицо красное, губы припухшие, но не от страстных поцелуев, а искусанные в агонии. Я корил себя за свое животное поведение и уже готов был любыми путями замаливать грехи, пока не взглянул в ее глаза. Холодные и полные ненависти. Там не было больше слез, даже боли я там не увидел — холодное превосходство. Она смотрела на меня как на мерзость, и невзирая на то что так оно и есть, меня это задело. Другая бы чувствовала себя униженной и покоренной, одним словом была бы обычной женщиной. Рита же была бойцом, сильным и непокорным, даже после всего, что я с ней сделал. Она бросала мне вызов, может не осознано, но я не мог его не принять.

Она сполна заплатила за свой поступок, за предательство. Я унизил, растоптал. И готов был отпустить, понимая, что после такого ни о какой общей работе не может быть и речи.

Но вот этот ее взгляд полный превосходства. Эта ее гордость и чувство достоинства, непоруганное и не помятое. Такое ощущение, что трахнули здесь меня, и именно я чувствовал себя грязным униженным и растоптанным. Почему я так реагирую на нее. Всех остальных женщин мне хочется как-то защитить, а ее наоборот хочется провоцировать, доводить до белого каления. Хочется увидеть ее женщиной покоренной мною, а не независимой и свободной. Вот именно свободы я ей и не дам. А мое недавнее предложение в силе, только теперь это уже не предложение, это требование, которому она будет подчиняться. Я в силах заставить ее это сделать. И я заставлю.

РИТА

Я пришла на работу как обычно. Старалась вести себя, так как всегда — непринужденно и спокойно. Возможно, в чем-то даже переигрывала, пытаюсь за фальшивой, приклеенной улыбкой скрыть то, что творится внутри.

Работы меня сегодня ожидало в разы больше. То, что выполняли еще вчера другие сотрудники, сегодня Николай Петрович или «чмо», как мысленно обращалась к нему я, требовал с меня. Я еще раз задумалась, зачем я вообще явилась сегодня на работу. Чувство гордости кричало бросить все к чертовой матери и уйти, громко хлопнув дверью. А трезвый разум напоминал, что у мамы сейчас дорогостоящая реабилитация и я просто не имею права остаться на улице без копейки денег. Сейчас на лекарства, уходит чуть ли не вся моя зарплата, а мамину пенсию и учитывать особого смысла нет. Я вряд ли найду работу с таким окладом, да и время на поиск нужно, а у нас его нет. Это если учитывать только явные обстоятельства. А как относится к его угрозам? Я не хотела это серьезно воспринимать, мне казалось это смешным. Это вчера вечером я была напугана до предела, и все казалось таким пугающим, а сегодня я на это смотрю по-другому. Мне сейчас они кажутся пустым запугиванием. Хотя что-то внутри подсказывало отнестись к тем его словам более серьезно.

Я вчера половину ночи не спала, раздумывая над всем этим. После нескольких часов проливания слез в подушку, я поняла, что нет смысла себя жалеть. Случаются ведь ситуации и хуже. Скорее всего случаются, это я просто о них не знаю. А мне нужно как-то дальше с этим жить. И обязательно отомстить этому гаду. А месть, как говорят блюдо, которое подается холодным, так что стоит все обдумать, трезво оценить ситуацию и решать, что делать дальше.

И невзирая на кучу работы, все же облазила весь интернет в поисках информации о том, можно ли привлечь это «чмо» к ответственности за вчерашние действия. Нарыла кучу всякой информации, и не меньшее количество слезливых историй подобного характера, которые скорее напоминали эротические рассказы, чем реальное описание ситуации. И как оказалось многих женщин это возбуждает, и они сами мечтают побывать на месте изнасилованной. Наверное, об этом думают только те, кто в реальности с этим никогда не сталкивался. Эта грязь, унижение, отпечатки липких пальцев, которые потом пытаешься толи смыть, толи содрать с кожей. Как можно хотеть подобного?

Со всего этого я поняла, что доказать факт изнасилования будет очень сложно. Все улики смыты, и остается только мое слово против его. Приблизительно так писал какой-то юрист — «Факт случившегося секса вы сможете доказать с помощью экспертизы. Но если насильник не был груб и не оставил никаких видимых повреждений, на теле жертвы, доказать факт изнасилования, а не просто добровольный секс будет сложно. Ваше слово против его, а побеждает тот, кто более убедительно доказывает свою правоту».

Я втыкнулась в компьютер и на какое-то время зависла на этих двух строчках, понимая, что сделать что-то в этом направлении я бессильна. Я еще не успела закрыть все открытые окна, как высветилось послание по внутренней почте.

— «Я отрицать факт секса не буду, только уточню, что все было по обоюдному согласию. И прекращай заниматься ерундой. У тебя еще куча работы».

Окна с ссылками он сам позакрывал войдя в мой компьютер, а через некоторое время удалил и свое послание. У меня прям руки зачесались, так хотелось ударить его по наглой холеной морде.

— Привет! И о чем это ты задумалась! Не уж то обо мне. — Ромка свалился как снег на голову. Я так устала делать вид, что все хорошо, а теперь еще и перед ним с удвоенной силой стараться. Он ведь меня знает, и сразу что-то заподозрит, если я как-то не так буду себя вести. А значит, с ним нельзя притворяться, просто нужно придумать более-менее правдоподобную историю, объясняющую мое состояние.

— Рита, что-то случилось? — Я грустно улыбнулась — все-таки он слишком хорошо меня знает.

— Нет Ром, все нормально, я просто слишком устала. Видишь, работой завалили сегодня, как никогда. — Хотя в этом не соврала, работы действительно было невпроворот.

— Работа не волк. Пошли пообедаем. Сколько не было бы работы, а обеденный перерыв твое законное свободное время. Так что пошли, используем его по назначению. Я даже готов сводит тебя в суши бар, и наплевать на свой урчащий желудок, только бы поднять тебе настроение.

— Не стоит таких жертв. Я спокойно могу перекусить сэндвичем.

— Да сэндвичем ты можешь перекусить, а наслаждаешься то только суши. Так что пошли кушать суши и никакие возражения не принимаются.

Как это у Ромы получалось, увлечь меня пустой болтовней так, что я уже напрочь забывала о своем плохом настроении. И сейчас я не заметила, как пролетел обеденный перерыв. На рабочее место я возвращалась в прекрасном настроении с улыбкой на лице.

Проводив меня к столу, Ромка как всегда наклонился поцеловать меня в щечку на прощание. И как раз в это время, Николай Петрович, выходя из своего кабинета, чуть не натолкнулся на нас с Романом. Рому эта ситуация совсем не смутила, он обнял меня на прощание и пошел в свой отдел, на ходу кивая Николаю Петровичу в знак приветствия.

Я себя, от всей этой ситуации, чувствовала как-то неловко. Не то чтобы я собиралась хранить хоть какое-то подобие верности этому... этому... не знаю даже как его назвать. Но все же чувство какой-то неловкости было. Как будто меня застали за чем-то постыдным и не правильным.

Усевшись и включив компьютер, я принялась за разгребание всей той кипы документов, что на меня сегодня свалили. Боковым зрением видела, что он подошел к столу и наклонившись оперся руками, создавая впечатление нависшей надо мной скалы. Я всеми силами игнорировала его присутствие, хотя делать это было не легко.

— Я не хочу больше видеть его рядом с тобой. — Его голос был спокойным, но от того не менее зловещим.

— Можно было бы и сейчас не созерцать. Закрыли бы просто глаза. — Выпала я первое, что пришло на ум. Ромкина легкость передалась и мне, а вместе с ней и смелость. Я взглянула на нависающего надо мной мужчину и поняла: «Не так страшен волк, как его рисуют». При свете дня и полном людей офисе я чувствовала себя в безопасности. И пусть он злится и кипит, мне от этого только приятней. Мой вчерашний страх казался глупостью. И еще большей глупостью казались все его вчерашние угрозы. Ну не Бог же он всемогущий!

— Девочка моя, кончай эти игры, проигравшей, все равно окажешься ты. Я не привык делиться своими игрушками. На худой конец легче самому игрушку сломать, нежели кому-то отдавать. — На его лице появилась полу улыбка полу оскал, и вся моя смелость куда-то

улетучилась. Он меня пугал. Я не знала, что ему ответить, но он, кажется, этого и не ждал, поскольку, оттолкнувшись от стола, сразу же вернулся в свой кабинет. И зачем он только выходил од туда, чтобы испортить мне на миг поднявшееся настроение? Если по этому, то у него получилось.

До конца дня я доработала с трудом. От предложения Ромки подвести отказалась, соврав про встречу с подругой. Он разочаровался, но не настаивал. Ромка мягкий, очень мягкий и уступчивый, не то, что некоторые.

Неделя прошла достаточно спокойно. Ни с Николаем, ни с Ромой я не пересекалась. Они оба были загружены больше некуда, новым заказом. И мне кажется, в том, что Ромка ко мне не заходил, был виновен Николай, заваливший его работой. Я этому была даже рада. Рома звонил несколько раз, извинялся, что не может уделить внимание, так как очень занят. Я приходила на работу, они уже были здесь, уходила — они еще оставались. Судя по горам грязной посуды, которую я заставляла по утрам, они здесь оба и ночевали.

После недели относительного спокойствия, я уже грешным делом подумала, что все те громкие слова и угрозы со стороны моего непосредственного начальника, были всего лишь игрой, попыткой меня запугать, чтобы я не вздумала пойти писать на него заявление в полицию. Правду говоря, я и не собиралась этого делать. Хотелось отомстить. Видя его, проходящего мимо, у меня мгновенно закипал праведный гнев. Но как ни унижительно это звучит, я понимала, что мне это просто не по зубам. Вывернуть грязное белье, рассказать и вместе с тем пережить еще не раз эти жуткие события, чтобы быть посмешищем, и видеть это недоверие во взглядах окружающих. Глядя на него, большинство будут склоны поверить, что скорее я его могла изнасиловать, а не он меня. Красив, уверенный в себе, при деньгах, что еще надо? Да под такого мужика любая с радостью ляжет. Что ж я не любая, хоть этим стоит утешаться.

Оценивая все случившееся здраво, отключив эмоции, я понимала, максимум, что могу сделать, это уйти с работы и просто вычеркнуть этого человека, и все события с ним связаны, из своей жизни. Я не могла сейчас бросать работу и уходить в некуда, реабилитация мамы обходилась не дешево. Стоило подыскать другую работу, и обязательно в другом городе, чтобы даже случайно никогда с ним не пересечься.

На выходные я поехала к маме, хотелось отвести душу, и хоть на короткое время забыть о случившемся. Как хорошо, что она у меня есть. Хоть я и не могу ей рассказать все, что случилось, поделиться болью, но все же, заглянув в эти родные глаза становится легче. Да я сейчас никому не могу рассказать о наболевшем. Может его угрозы и пустые, но рисковать благополучием Каткиной семьи я не собираюсь.

Возвращаясь домой, в воскресенье вечером, я решила прогуляться от вокзала пешком. Багажа с собой не было, а погода на улице была просто чудесная. Недавно прошел проливной летний дождь, освежая знойный июльский вечер. Как редко в городе вдохнешь более-менее свежий воздух. Не за что не променяю на духоту маршрутки эту свежесть и какое-то ощущение свободы, которое наполняло меня, глядя на все вокруг.

— Рита! Привет!

Я услышала над самым ухом Ромин голос и очнулась. Даже не знаю, от чего очнулась, было какое-то состояние легкости. Я просто шла, ни о чем не думая, даже толком ничего не замечая, как на автопилоте. Я не помнила, останавливалась ли я на светофорах, и какой там свет горел. Сейчас посмотрев по сторонам, увидела, что мне до дома каких-то полтора квартала. А что здесь интересно делает Ромка. Не проехал ведь он половину города, чтобы в этом скверике посидеть?

— Привет! Как-то далековато тебя от дома занесло. — Я не знала, где он живет, сколько не приглашал в гости, как-то не решалась, но то, что это было не близко со мной это уж точно.

— Не было чем заняться, решил покататься. — Он улыбался с румянцем смущения на лице. Редко встретишь мужчину, который, на столько, не умеет врать.

— Давай заливай! Вроде я не знаю, что тебе явно не по пути просто прокатится, в эту сторону. Еще скажи, что достопримечательности в этом скверике искал. — Мне было с ним легко. Я говорила на своем языке, не сомневаясь, поймет ли он меня правильно. Мой уличный сленг ему даже нравился. Это в офисе перед другими в частности «чмом», я контролировала каждое слово, а с Ромой я была сама собой. И наша дружба мне позволяла говорить подобным тоном. И этот его румянец, как девочка, ей богу. Дразнила бы сутками.

Но Рома палец в рот не поставил и носком туфли от смущения не покрутил, а отплатил мне той же монетой:

— По пути не по пути, это уж как взглянуть. Вот если красивую девушку увидеть, так это как раз по пути. Вот видишь, одну достопримечательность все-таки нашел. — Он приподнял мое лицо за подбородок и разглядывал его как какое-то произведение искусства, прищурив глаза, и рассматривая наиграно, то форму бровей, то нос, а когда перешел на губы, его взгляд потемнел, и он нервно глотнул, как собачонка, завидев любимый корм в руке хозяина. И вот кто теперь кого смущает? Я знала, что это за взгляд, и понимала, чего он хочет, но дать этого не могла. Я чувствовала себя перед ним какой-то грязной, после всего того что случилось неделю назад.

Как быстро все меняется. Еще неделю назад я не хотела ухаживаний Ромы и считала, что к этому еще просто не готова, да и Рома мне казался не тем. А сейчас я бы не отказалась от ухаживаний такого замечательного парня, но уже просто не имею права завязывать с ним

отношения и давать надежду, не разобравшись окончательно с тем дерьмом в которое меня втянул Николай. Какая ирония. Все познается в сравнении. И вот в сравнении с Николаем, Рома просто идеал, мечта любой женщины. Чего же я так поздно это поняла?

— Ты так усердно ищешь у меня морщины? — Я перевела все в шутку, не хотелось накалять обстановку. И это помогло. Он отвлекся от своих, явно ошалевших мыслей, и посмотрел мне в глаза, несколько раз моргнув.

— Ритка, ты вообще умеешь реагировать на комплименты? Нет, чтобы засмушалась, похлопала ресницами, а она бабах и ломает мне всю малину.

— Вот видишь, какая я не стандартная. Так что привыкай.

— Готов привыкнуть, только дай шанс. — И зачем я это ляпнула?

— Я подумаю. — Я хитро улыбнулась, опять переводя все в шутку. Интересно сколько времени это еще будет прокатывать? Он ведь тоже не железный, скоро захочет большего. Может сразу отшить? Но мне с ним так хорошо и спокойно, как с родным, как с братом, которого у меня никогда не было. И я так не хочу терять эти отношения. Думаю, смогла бы его полюбить со временем, не так как брата. Может потом, когда-то, а сейчас я просто хотела, чтобы он был где-то рядом, веселил меня своими шуточками и отвлекал от той попы, в которую я попала по самые никуда. Да это эгоистично с моей стороны, но я не хотела ничего менять.

— Ты где оставил машину? Может, пойдем ко мне на кофе, я как раз из дому мамин пирог везу? — я потрусила сумочкой, в которой как раз и находился этот самый пирог. Я почувствовала себя в какой-то степени виноватой перед Ромкой, и хотелось хоть таким образом загладить свою вину.

— Как я могу отказаться от маминого пирога? — Поддержал меня Ромка.

Через минут сорок мы сидели у меня на кухне, я за чашечкой чая, он — кофе, и оба с наслаждением поглощали мамин пирог.

— Твоя мама, за что не возьмется все шедевр. Вот что значит рука мастера.

— Это ты только что так прозрачно меня с пирогом сравнил, да? — Я прищурила глаза и сделала обиженно подозрительный вид.

— Это я только что комплимент твоей маме сделал, подлизываюсь так сказать наперед. — Всегда он меня переигрывает. Еще пусть ее тещей назовет, так тогда точно не буду знать, куда себя деть, и я попыталась быстро уйти с этой скользкой темы.

НИКОЛЯЙ

Я сам не знаю, почему меня понесло в это место. Закончил проект, отдал заказчику, и как будто гору с плеч снял. Захотелось развеяться. Сел за руль и просто поехал, не ставя себе окончательной цели и пунктов прибытия. Проехал несколько раз по окружной, чувствуя скорость и ровную дорогу. Проезжая последний круг на чуть меньшей скорости, обратил внимание на «ночных бабочек» стоящих парочками на боковой. Нет, я не собирался снять кого-то с них. Это мне напомнило, что у меня есть своя персональная «бабочка», к которой я уже сколько времени не захожу в гости. Стоит ее навестить и немедля, пусть отрабатывает все что натворила. Я дал по тормозам, круто развернулся под оглушительный рев сигналов и помчался назад в Одессу, к одному совсем не примечательному дому, зато к очень примечательной жительнице.

Я подъехал, остановил машину на противоположной стороне улицы, и уже собрался выходить. В ее окнах свет не горел, но это и не удивительно, начинало темнеть, и еще только-только загорались огоньки в окнах. Я уже вышел из машины, намереваясь перейти

дорогу, когда заметил, как у ее подъезда припарковался знакомый серый ДЕУ. Из машины вышли Рита вместе с Ромой и о чем-то весело общаясь, зашли в подъезд.

Меня разрывало изнутри чувство ярости. Хотелось пойти и разорвать обеих на мелкие части. Как могла эта сука привести домой мужика, я ведь ясно дал ей понять, что спускать с рук подобного не намерен. Я мог себе позволить встречаться параллельно с несколькими женщинами, но чтобы меня вод так наебывали, и за спиной крутили с другими, да никогда. Значит со мной она и за деньги не хочет, а с ним — за просто так готова прыгнуть в койку. Я ели удержался от того чтобы пойти и за волосы вытащить эту суку с постели, а Роме хотелось вырвать яйца голыми руками, чтобы знал как зариться на чужое. И сдерживало от этого поступка меня только то, что в этой ситуации я буду выглядеть полным идиотом, влюбленным ревнивцем.

Сидя в машине и ожидая конца их свидания, я скурил пол пачки сигарет и передумал кучу способов, которыми готов убить их обеих. Спустя пол часа, которые для меня тянулись как целые два Рома наконец-то вышел с подъезда. И как не хотелось мне ворваться к ней и выпустить всю ярость, нагоровшую за эти пол часа, я все же сдержался, она заплатит, по другому, но заплатит.

Это только у меня или у всех по понедельникам странное ощущение, что ты что-то пропустил. Вот пока каждый день ходишь на работу непрерывно, ты в курсе всех событий, а когда пропустил два дня выходных — такое ощущение, что что-то где-то изменилось. И не важно, что не только ты была выходная, все отдыхали, и никаких событий внутри офиса просто не могло произойти, но все таки какое-то ощущения упущения чего-то важного было.

С некоторых пор я уже начала бояться понедельников. Не зря в народе говорят «тяжелый день».

Николай Петрович как всегда пришел ровно в восемь.

— Доброе утро Рита! Какие планы на сегодня? — Он явно интересовался не моим планами, да и слава Богу. Чем меньше вспоминает обо мне, тем легче жить. За свои, 15 минут плюс, я успела пересмотреть сегодняшней график, и никаких встреч до обеда не было о чем незамедлительно сообщила начальству.

— Хорошо, тогда жду тебя через двадцать минут в кабинете.

— Вам принести кофе?

— Нет, сегодня не надо.

Никаких подозрений приглашение в кабинет начальства, меня не вызвало. Скорее всего, какой-то новый проект нужно подготовить, или опять забросает кучей бумажной работы, чтобы не смогла выйти даже на обед. И где же была моя чуйка, когда она так нужна? Почему ничего ни тѣхнуло внутри?

Я как всегда в назначенное время зашла с блокнотом и ручкой в кабинет шефа. Но его за столом не было. Откуда же прозвучало «Можно» при моем постукивании в дверь? Я оглядела кабинет и увидела Николая Петровича. Он сидел на том памятном кожаном кресле, сняв пиджак и расстегнув несколько пуговиц рубашки. В его руке был на половину выпит стакан коньяка, а на лице играла улыбка. И мне она показалась совсем не доброй. И вот только сейчас мое сердце пропустило несколько ударов, а мозг лихорадочно искал пути отступа. Я взглянула на дверь, которая находилась ближе к нему, чем ко мне.

— Не успеешь. — И заулыбался еще шире, показывая ряд ровных белых зубов. Это была улыбка хищника, который знает, что тебя съест, но хочет еще немножко поиграть.

Он что читает мои мысли, или у меня все написано на лице?

— Раздевайся Риточка, пора платить по старым счетам. — Он встал из кресла, приблизился к двери, отрезая мне пути отступа, я же зашла за его стол, оставляя хоть какие-то преграды между нами. — Хочешь поиграть в кошки мышки, что ж, я не против, учитывая, какой приз ждет победителя.

Я молчала, и лихорадочно следила за каждым его шагом. Он начал обходить стол, предварительно поставив на него уже пустой стакан, а я в уме рассчитывая свое и его расстояние до двери, кажется, он этого не замечал, слишком самоуверен и мне это было только на руку. И уже, когда, посчитав, что обязательно успею, я сорвалась с места. Я не бежала — летела, уже схватившись за ручку, и потянула дверь на себя, но она не поддавалась. Я дернула еще раз — такой же результат, а ведь точно видела, что он ее не запирает, что ж тогда? Казалось, мозги отказывались работать напрочь. Я подняла голову вверх и только тогда поняла причину, по которой дверь не поддавалась, ее держала рука

мужчины, который склонился сзади надо мной. Я не слышала, как быстро он подбежал у меня в ушах барабанами бился мой пульс. А он, кажись, наслаждался, видя, как я дергаю дверь, а она не поддается.

— Ну что, добегаешь мышка? — Он прошептал мне это в самое ухо, а у меня по телу прошел разряд, а когда прошелся нежными поцелуями от уха к основанию шеи, по всей коже пробежались тысячи мурашек. Я списала все ощущения на нервное напряжение и попыталась вырваться. Меня удержали на месте две крепких руки, опустившись на талию. Он поцелуями исследовал всю мою шею, и от каждого из них дрожь пробивала насквозь. В душе кипел гнев. Что он себе позволяет? Опять? Нет, я больше не дамся, буду биться, до последнего вдоха. Он не изнасилует меня больше.

И я была готова противостоять грубости и жестокости. Может, не хватило бы сил, но я бы попыталась, до последнего не сдалась бы. И лучше бы это была грубость, жестокость ярость, что угодно, только не ласка, которая просачивалась сквозь поцелуи в кровь и отравляла всю мою волю к сопротивлению. Я пыталась бороться с этими мурашками, рождающимися от его поцелуев и прикосновений, а потом бесстыдно ползущих по всему моему телу. Я хотела отстраниться и ничего не чувствовать, но знать бы где существует такая кнопка. Его поцелуи исследовали мое ушко и опустились к впадинке на шее, а волосы касались моей щеки, и я не удержалась, запустила пальцы в эту густую шевелюру.

Это было так приятно и так не правильно. Я ведь не хотела этого, точно не хотела. Еще пять минут назад я всего этого пыталась избежать, а вот сейчас хочу, чтобы все это продолжалось. Я откинула голову назад и просто плыла в тумане ощущений. Его руки жили своей жизнью. Он успевал все, и ласкать мою грудь уже через расстегнутую блузку, и гладить нежно бедра, поднимая юбку все выше и выше. Где-то глубоко внутри мне твердил здравый смысл, что я должна все это немедленно прекратить, но я уже его не слушала, я ловила и впитывала в себя ощущения, которых никогда не знала.

Когда он развернул меня к себе лицом и впился страстным поцелуем в мои губы, кажется, мир рядом вообще потух. Был только он, его мощный торс, прижимающийся к моей груди, его крепкие руки, ласкающие мои бедра, его горячие губы, не дающие мне даже вздохнуть, от страстного поцелуя. А мне и не нужен воздух, мне нужен он.

Я не заметила, когда на мне осталась только юбка, без белья, да и та скорее напоминала пояс, поскольку была скомкана на талии. Я сидела на его столе, широко разведя ноги, а он стоял между ними все так же страстно меня целовал. Его пальцы творили чудеса, поглаживая мои влажные складочки, играя с моим телом в какую-то мне неведомую игру, от чего я как заведенная двигала задом на столе, пытаюсь, все больше и больше насадится на эти пальцы. Я уже стонала от недостатка удовольствия, от того что хотела продолжения этой бури накатывающей у меня внутри. Я впервые сама хотела секса, не потому, что мужчина этого требует, ему это нужно, а я чтобы не обидеть готова пойти на уступку. Я сама этого хотела, и всем своим телом требовала продолжения, не было не стыда ни скромности, было только безумное желание, чтобы он продолжал. И он меня не разочаровывал. Он дарил все новые и новые ощущения, своими поцелуями, поглаживаниями, тисканиями. Я не следила, где находятся его руки губы, я просто получала от его прикосновений огромное удовольствие и плыла в этом раю ласк. Уже сама гладила его руки плечи грудь, то нежно, а то скребла ногтями, требуя большего и побыстрее. И он дал мне большее. Я услышала, как щелкнул ремень, а потом звук растёгивающейся молнии, и эти звуки меня не пугали а будоражили, накаляя мое нетерпение. Он подвинул мою попу на самый край стола, закинул

ноги себе на бедра и врезался в меня до основания.

Это как задохнуться, но не от боли, а от наслаждения, это как взлететь, без страха упасть и разбиться. Он задержался на мгновение, потом вышел и еще раз врезался. И я опять задышалась. Я слышала стоны и догадывалась, что это мои, но не замечала, когда я их издаю.

В дверь тихонько постучали и со словами «можно» она распахнулась.

— Николай Петрович, вызывали? — Рома, только сказав это, понял, что как-то он здесь не в тему. Шефу было явно не до него. Он раньше не видел, чтобы Николай Петрович приводил девок, и трахал и прямо здесь, но все бывает в первый раз. Он уже покраснел и готов был ретироваться отсюда побыстрее, когда уловил что-то знакомое в девушке, которая была спрятана за грудью шефа. И тут Николай Петрович как будто специально отклонился в сторону, показывая ее лицо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Затуманенные страстью глаза, слегка прикушенная нижняя губа, растрепаны волосы — богиня страсти. И это была его Рита. Первое, что он ощутил, были шок и недоверие, а когда осознание ситуации до него наконец-то дошло, он почувствовал, как сердце разрывается на части. Как больно когда рушатся мечты и падают идеалы. Он хотел ее такой видеть, но под собой, а не под другим мужчиной.

Я смотрела на него и не узнавала, и только через несколько секунд мозг, затуманен страстью прояснился. В его глазах полыхала ненависть и боль, и от этого хотелось провалиться сквозь землю. Эту сцену взглядов прервал голос шефа:

— Выйди, не видишь, я занят.

Дверь захлопнулась, а Николай продолжил меня таранить. Но это сейчас не приносило удовольствия. Все возбуждение ушло. Внутри разлился жуткий холод призрака к самой себе, а еще к мужчине, который так усердно сейчас меня имел. В мозг врезалось слово «Вызывали», и сразу вспомнилась не заперта дверь, а потом угроза недельной давности и предупреждение, чтобы к Роме я не подходила. И пришло осознание жуткой правды

— Ты специально это все подстроил. — Я начала вырываться, но куда мне с ним мерятся силой. И все мои попытки вырваться ему доставляли только большее удовольствие. Он сжимал меня все сильнее, врывался с бешеным темпом, и рычал как животное мне на ухо.

— Да кошечка, специально. Но я ведь предупреждал, не правда ли? — Он продолжал врезаться в меня, и уже просто рычал мне на ухо — С Ромой вчера так же трахалась? — Он сжал мои бедра, до боли впиваясь в них сильными пальцами. Синяки на пару недель мне обеспечены.

Откуда он узнал, что Ромка ко мне вчера заходил? Неужели следил? Скорее всего. Только так он мог узнать об этом. Не Ромка же ему рассказал, что приходил ко мне на кофе. Мне так хотелось сделать ему больнее, зацепить мужскую гордость, что я соврала без зазрения совести.

— Нет, с ним было лучше. У него хрен больше. — Я думала, что он меня сейчас разорвет, на столько сильно он впился в мои бедра.

— Тогда сука тебе не привыкать, терпи. — С этими словами он схватил меня за волосы, потянув их назад, запрокидывая мою голову, а сам впился, толи поцелуем, толи укусом в мою шею. Другая его рука блуждала по всему моему телу, то до боли сжимая груди и выкручивая соски, то сминая и щипая бедра, еще сильнее насаживая меня на себя. Какими все-таки разными могут быть прикосновения одного и того же мужчины. Еще несколько

минут назад, я замирала от наслаждения в его объятиях, сейчас же ели выносила эту пытку.

Я не могла дожидаться, когда это все закончится. Была противна сама себе, его прикосновения казались грязными, а наше дикое животное совокупление вызывало просто омерзение. Даже тогда когда он меня насиловал, в прошлый раз, мне не было так отвратительно. Было больно, противно, но я не чувствовала себя так плохо. Тогда он имел только мое тело, а сейчас и душу. Он заставил меня себя хотеть, возбудил желание, и для чего? Только чтобы унижить в газах Ромы.

Он кончил и отошел. А я, собрав свои вещи, пошла в уборную привести себя в порядок. Мне не хотелось от туда выходить. Не хотелось никого видеть. Он меня унижил, растоптал в глазах всех окружающих. Единственный человек в этом грёбаном офисе, с которым я могла поговорить и отвлечься, сейчас меня презирает больше всех. Как мне смотреть теперь в глаза людям, с которыми я работаю бок о бок? Как терпеть перешептывания за спиной и осуждения? Как жить? С кем поделиться, чтобы вылить боль и стало чуть легче вздохнуть? К Катьке я не пойду, для меня благополучие ее семьи дороже, чем мои внутрениие «Как?» да «Почему?».

Я все же вышла из туалета и ушла работать, даже не взглянув на это «ЧМО». Мне надо как-то дожить до вечера. И я дожила, слушая перешептывания, смешки и даже несколько мужчин свистели мне в след, обвернусь ли. Я понимала, что это Ромка сказал о увиденном, и не важно одному или всем, в нашем офисе слухи распространяются со скоростью света. Я не винила Ромку, его предали, его можно понять. Я винила себя. Я ему ничего не обещала, но все же своим поведением давала надежду. Видела, что он надеется, строит планы, мечтает и не разрушала эти мечты, а подыгрывала, тем самым вселяя уверенность. Виной всему этому была только я. И я потеряла лучшего друга из-за какого-то придурка, который решил, что я ему принадлежу.

Не было смысла объясняться с Ромкой. Да и что я ему скажу? Как рассказать о том, что один влиятельный псих, считает меня своей собственностью? Лучше пусть думает, что я полная дрянь, нежели узнает правду, будет пытаться помочь и сам вляпается в это дерьмо.

НИКОЛАЙ

Все было продумано до мелочей. Я приказал ей зайти, а Роме назначил встречу на двадцать минут позже. Я надеялся, конечно, что сумею ее соблазнить, но с такой как Рита, нельзя быть в чем-то слишком уверенным. Поэтому вариант силой склонить ее и отиметь был как запасной. А она как всегда сумела меня удивить. И удивить не то слово. Ее отзывчивость меня поразила и завела. Я забыл о мести, о приходе Ромы, я наслаждался этой страстной бестией. Она плавилась в моих руках как воск, а чего стоило только взглянуть в ее лицо. Эти глаза с дымкой страсти, припухшие губы, которые хотелось сминать и сминать в страстном поцелуе. Она была неподражаема. Рассыпавшиеся из прически волосы, темными локонами струились по ее молочно-белым плечам. Груды набухшие, с темно-розовыми горошинами сосков, торчали призывно вверх, так и манили к ним коснуться, сжать и услышать стон удовольствия. И почему ее удовольствие разливалось во мне с удвоенной силой? Ее руки, ласкающие мою грудь, плечи, заводили еще больше. Когда ее ногти впивались мне в кожу, оставляя красные следы, я готов был кончить только от одного этого. И почему меня раньше раздражали эти красные полосы на коже, сейчас же я наслаждался ими как трофеями.

Как не вовремя зашел Рома. Я пожалел в тот миг сотни раз, что это все затеял. Она сразу стала другой. Холодной стервой. Я головой понимал, что она своими словами пыталась меня

уколоть, но эмоции разуму не поддаются. Я готов был ее растерзать, сделать больнее. И я делал, невзирая на все ее попытки освободиться.

РИТА

Я больше не могла этого выносить. Не могла терпеть его около себя. Знать, что я работаю на него, подчиняюсь ему, после всего того, что он со мною сделал. Меня уже ничего не пугало. Хотелось просто уйти. Уйти от него, от этих людей, смеющих меня унижать, не зная и половины всего, что случилось. Уйти, уехать, улететь — не важно, главное, чтобы куда-то подальше. Чтобы не видеть никого рядом, чтобы обо мне не думали предвзято, а воспринимали такой, какая я есть. Судили по моим поступкам, а не по тем словам, что кто-то за моей спиной говорит.

Я до конца рабочего дня продумывала все варианты, как бы и куда бы смыться. Правду говорят, главное захотеть и поставить цель, а пути и средства ее достижения потом найдутся. А я себе поставила цель.

После обеда позвонила маме и предупредила, что уезжаю в командировку, на продолжительное время, еще пока не знаю какое. Что эта поездка в глубинку, и дозвонится до меня, она не сможет, чтобы не волновалась. Слава Богу, новости она не смотрит, и если угрозы Николая и правдивы, она, скорее всего, этого не увидит. Но в наше время бабушки-соседки долго в неведении не оставят, если что-то интересное узнают, и по этому я надеялась только на то, что у моего свихнувшегося шефа все-таки осталась крупица здравого смысла.

Деньги, которые одалживала, и которые не понадобились на операцию, во время обеденного перерыва сняла со счета. Часть отправила маме, а часть оставила себе. Это поможет нам продержаться некоторое время, пока я не обустроюсь на новом месте, ни важно где, главное подальше от него. О том чтобы выезжать за границу, не было даже речи, не столь много денег я имела, да и к подобной поездке нужно готовиться не за пол дня. Львов мне показался достаточно далеким городом, всегда мечтала там побывать.

Билет на поезд не покупала заранее, узнала о рейсе, о времени, о наличии свободных мест, а покупать решила перед самой отправкой. Лучше меньше рисковать. Все мои ухищрения мне казались смешными. Он, скорее всего, и не обратит внимания на то, что я исчезла. Нет, конечно, заметит, что нет секретаря под боком, и может даже позлиться какой-то денек-другой, не больше. Но чтобы тратить силы и деньги, искать меня, зачем? Кто я ему такая? Так, строптивая девчонка, которую хотелось унижить и поставить на место. Ну что ж он справился с этим, унижил основательно, успокоил ущемленное эго. Пусть сидит теперь и радуется, а лучше вообще забудет обо мне. Внутри горело желание насолить, отомстить, чтобы ему было так же как мне. Чтобы прочувствовал то унижение, всю ту гадость, что на меня вылил, на своей шкуре. Чтобы спать не мог, казнил себя за такие поступки, чтобы на коленях ползал, просил извинения. Ну, это я что-то слишком далеко зашла в своих мечтаниях. Такое «це-бе» и на коленях? Разве что силой нагнуть, и то если получится.

После окончания рабочего дня, предварительно оставив заявление об уходе в ящике своего стола, я отправилась домой. Собрала свои вещи в одну сумку. Слава Богу, что не успела обжиться и закупить всякого хлама. А то потом и нести тяжело и бросить жалко. Через час я уже была на вокзале. До отправления осталось каких-то пятнадцать минут. Я до последнего тянула, не покупала билет, не хотела светить слишком рано своими данными, в

базе ЖД вокзала. Он, наверное, и не догадается что я здесь, но все же. У меня с ним развилась какая-то мания преследования.

Купив билет и прихватив сумку, направилась на нужную линию. Меня преследовало какое-то предчувствие, какой-то страх. Неужели это он меня так запугал, что уже мерещится опасность со всех сторон?

В сумочке зазвонил телефон, и я дернулась от неожиданности. Все пора садится на успокаивающие. Остановившись и поковырявшись, в женской принадлежности, не имеющей никогда порядка, наконец-то выудила это играющее устройство. На экране светилось короткое слово ЧМО. Я его так переименовала еще после того первого случая, и это наименование ему с каждым днем все больше и больше соответствовало. В голове вихрем пронеслась куча мыслей: «Ну не мог он ничего узнать, я ведь только пять минут назад взяла билет. А может все же мог? Вед как-то узнал, что Ромка заходил ко мне в гости. Может, следит?» Я стала нервно оглядываться по сторонам в поисках знакомой фигуры, или авто. «Да это же просто смешно, он солидный взрослый человек, зачем ему следить за такой, как я? А может кого-то нанял? Ради меня? Кто я такая?» Я спорила сама с собой, хорошо, что в уме, а то прохожие бы точно вызвали скорую. Телефон продолжал надрывно орать «Зеркала» голосом Лорак и Лепса, а я гипнотизировала взглядом экран, решаясь брать или не брать трубку. Наверное, я все же долго решалась звонок замолк. И не успела я вздохнуть с облегчением как пришло СМС все от того же ЧМО. «Взгляни на бегущую строку и подними наконец-то, трубку».

Я машинально поискала глазами экран, на нем транслировали какие-то ролики, а снизу действительно была бегущая строка.

«Просьба задержать Кривенко Маргариту Юрьевну, подозреваемую в хищении государственного имущества в особо крупных размерах». Я была в шоке от увиденного, и когда зазвонил телефон машинально взяла трубку даже не глядя, кто звонит. Да и зачем, я уже прекрасно знала, чей голос услышу.

— Если ты через пять минут не уйдешь с вокзала, на экране будет красоваться твоя фотография. Как ты думаешь, за пять тысяч гривен много найдутся желающих тебя задержать? — Я ничего не отвечала, просто слушала. Слушала и не верила. Да он свихнутый на всю голову.

— Твои пять минут уже пошли. Через полчаса ты должна быть дома. — Он сбросил звонок, а я так и продолжала держать телефон у уха и смотреть на бегущую строку со своим именем.

Осознание всей попы, в которую я попала, было ужасным. Я медленно, как под гипнозом, поставила телефон в сумочку, взяла багаж и вышла из здания вокзала. Но пройдя метров десять, я как очнулась. Я просто не могла сдавать назад, идти на попятную. Развернувшись, и обойдя здание вокзала вокруг, направилась к маршруткам. Здесь никто не требовал паспорта, не нужны были никакие данные, только деньги. И езжай куда хочешь, конечно, в пределах данного маршрута. И я села, пока на Николаев, потом сделаю еще несколько пересадок, и уж тогда меня точно никто не найдет. Я нарыла на дне сумочки шарфик, нацепила на нос большие солнцезащитные очки и попыталась успокоиться.

Маршрутка должна отправиться через каких-то десять минут. Еще через двадцать я уже буду далеко за пределами Одессы. Так что спасибо вам за полчаса Николай Петрович.

Когда мы выехали за город, я наконец-то вздохнула с облегчением. Вот она свобода. Уеду, сниму жилье, устроюсь на работу. Жизнь только начинается, и стоит перечеркнуть,

все что было, чтобы суметь как-то продолжить свое существование, не оглядываясь в испуге назад. Просто забыть. Уеду поближе к горам. Всегда мечтала жить около гор, леса. Море, конечно, тоже красиво, но не срослось у меня с Одессой, точнее с одним ее обитателем. Не сошелся же на мне мир клином. Позлиться недельку, помечется, что не все по его велению происходит, а через месяц, с его чередой любовниц он даже имени моего не вспомнит.

Уже за городом маршрутка попала в пробку. У меня сердце ушло в пятки. Сразу пошел холодок по спине. Мы простояли уже десять минут. Люди перешептывались, что впереди, скорее всего, какая-то авария, поскольку увидели несколько машин ГАИ. Но чем ближе мы подъезжали, тем больше появлялось сомнений в первичной версии с ДТП. Было видно, как сотрудники милиции проверяют весть выезжающий, по направлению из Одессы, транспорт. Я уже не могла найти себе места. Было дикое желание выскочить из маршрутки и побежать в поле.

Когда пришла наша очередь, в салон маршрутки зашел полицейский с фото в руке. Я была в очках и шарфе, еще несколько женщин были в парандже, а две молодые девушки в кепках. Всех попросили снять головные уборы и очки. Присматривались и к мужчинам и к женщинам. Того кто там на фото не было видно. У меня теплилась надежда, что все же ищут какого-то беглого преступника, не меня.

Сердце колотило с такой силой, что казалось, все пассажиры должны были слушать его стук. Я сняла очки и шарф, а в душе еще теплилась малюсенькая надежда. Я повторяла про себя как молитву «только не меня, только не меня...». Но надежна тут же рассыпалась в прах, когда на меня уставились светлые глаза полицейского, а в рацию он проговорил «нашли». Мужчина в форме подходил ко мне, а я все воспринимала, как в замедленной съемке. В голове лихорадочно крутилось «что делать, что делать, что делать???».

— Кривенко Маргарита? — Я глазами испугано уставилась на мужчину, а головой крутила из стороны в сторону, как заведенный болванчик, показывая, что нет, я не она. — Пройдемте со мной. — Он ожидал около моего места, продвинувшись чуть назад, чтобы последовать сзади. Мне ничего не оставалось, только встать и пойти на выход. Что я и сделала. Пассажиры провожали меня настороженными взглядами, в кого-то читался испуг, в кого-то презрение. В их глазах я была преступницей, да и чувствовала я себя как-то виновато. Но почему? Сама не знаю.

Уже сидя в машине я начала собирать мысли по кускам. Затор, созданный моими поисками потихоньку рассасывался, а я сидела на заднем сидении полицейской машины, и направлялась опять в Одессу.

— Почему меня задержали? — я попыталась выяснить у мужчин, сидящих впереди, хоть что-то.

— Вам объяснят все на месте.

— Где на месте? Куда мы едим?

— В участок. — Короткие, односложные ответы, но спасибо и за это. Усаживали они меня в автомобиль силой, вообще ничего не говоря. Как унижительно было толкаться и брыкаться в руках полицейских, которые так и норовили ухватить меня, то за грудь, то за попу. И это все на глазах сотен людей, проезжающих в медленно рассасывающейся пробке.

Я только сейчас начала понимать, на сколько, все же длинные руки у моего шефа. Но почему? Кто он такой? Не политик, не миллиардер. Обычный компьютерщик, программист, но как еще можно на него сказать? Как он мог все это организовать, да и почему? Ради меня? Да кто я ему такая? Подозревает меня безосновательно не известно в чем, но он ведь и

так уже отомстил мне сполна. Изнасиловал, унизил, растоптал, что еще? Зачем меня мучить, что с меня можно взять? Денег у меня нет, а в то, что он ко мне, такой обычной и ни чем не примечательной, воспылал безумной страстью, я просто не поверю. Что же тогда — ущемленная мужская гордость? Но не до таких же масштабов. Он точно свихнутый, и как мне с этим быть?

Я сидела в кабинете полицейского участка. Среди кабинета на деревянном жестком стульчике, и была накручена на столько, что полезь со стен чудовища, не удивилась бы. Мне показалось, что прошло больше часа, хотя точно сказать я не могла. Сумочку забрали, включительно с телефоном, а в кабинете я часов не наблюдала.

Меня ввел сюда все тот же полицейский, он не представился, и я даже не знала, как к нему обращаться. Кабинет был не пустой, не четыре белых стены, которые со временем сводят тебя с ума, но, тем не менее, здесь было не менее пустынно. Два глухих шкафа по углам, запертые на маленькие замочки, рабочий стол, но пуст без единого документа, кресло отодвинуто от стола, как будто, кто-то очень спешил уйти. Я бы тоже сбежала, если бы могла. Вся атмосфера была здесь угнетающая. И эти темно коричневые стены в полоску, ни одного живого растения. Здесь вообще люди работают или кто? Я понимаю, что наш офис и полицейский участок это разные вещи, но ни на столько. И главное сказать, что здесь не убрано, или штукатурка сыпется с потолка, я не могла.

Я обращала внимание на что угодно, лишь бы не думать о том, где я и почему. Но мысли как назойливые мухи слетались со всех сторон и все в большем количестве.

Я услышала щелчок ключа и дверь открылась. На пороге стоял Он. А кто бы сомневался, чьих рук это дело. Николай, молча, пересек кабинет, и сел в кресло.

— Ну что, набегалась? — были первые его слова, а губы растянулись в злорадной улыбке.

— Нет. Открой дверь, еще раз убегу. — Я огрызнулась как ребенок. В голове было столько вопросов, столько злобы и ярости, которые хотелось на кого-то вылить. Точнее не на кого-то, а именно на него. Ну как можно быть... таким?

— Я же предупреждал тебя, чего не стоит делать. А ты не послушалась.

— Я тебе не собачка цепная, чтобы слушать команды и выполнять их. Чего тебе от меня нужно? Денег у меня нет, то, что хотел, ты уже взял. Что еще? Дай мне свободы. Да возможность уехать, чтобы не видеть больше тебя никогда. Хочешь, я буду высылать тебе по пол зарплаты, хоть всю жизнь, чтобы отдать те деньги, которые я якобы тебе должна. Только отпусти меня, дай вздохнуть свободно. — Я говорила, говорила..., а он менялся в лице. Уже не было никакого даже намека на улыбку. Только злые черные глаза, казалось, всматривались прямо в мою душу. Губы стиснуты, а руки только что расслаблено лежащие на столе, сжаты в кулаки. Он что хочет меня ударить? Все было — унижение, насилие, угрозы, только пока не бил. Но учитывая его размеры и формы, это он приберег напоследок, так как после такого, гарантии, что я выживу, никакой нет.

— Я думаю, тебе стоит посидеть в клетке, чтобы оценить ту свободу, которую я тебе даю. — Я ожидала бури, взрыва, а получила холодный лед. Он, молча, поднялся и вышел, не взглянув больше в мою сторону.

Меня выводили из кабинета в наручниках как преступницу, хотя я не сопротивлялась, зачем было это все делать, мне не понять. Но понимание ко мне пришло, как только меня завели за угол коридора. Здесь Николай стоял и разговаривал с пожилым толстым полицейским, как в американских фильмах, коп объевшийся пончиков. Катька бы сказала

«Гомер из «Симпсонов»». Его живот был действительно огромным, но все недостатки скрашивали две большие звездочки на пагонах. Еще бы знать его звание. А нужно ли оно мне? И так понятно, что он здесь всем руководит, раз уж Николай с ним о чем-то разговаривает. Скорее не о чем-то, а о ком-то — обо мне. Оба смерили взглядом, с ног до головы, пока меня проводили рядом.

НИКОЛАЙ

Я догадывался, что она после всего что-то выкинет. Когда она ушла с работы, я периодически просматривал ее место нахождения по мобильнику. Девочка поехала домой зализывать раны. Ну что ж хорошо, что поняла кто здесь главный. Но когда спустя какой-то час я определил сигнал мобильного в районе ЖД вокзала, я понял, на столько, все-таки, с этой девочкой не просто.

Я залез в базу данных вокзала, нашел билет, купленный на ее имя у Львов. Пересмотрел все камеры наблюдения вокзала и наконец-то увидел ее. Хитрая девчонка ничего не скажешь, а еще гордая очень. Ничего, и не таких обламывали. Чего только стоил ее взгляд на бегущую строку. Эти расширенные глаза с кучей эмоций. В них читалось все: страх и неверие, ярость и сомнения. Я упивался ее выражением лица, ее закушенной в эмоциях губой. Я высветил ее лицо крупным планом и всматривался в эту девочку. Наконец-то она жива. Не чопорная сухая кукла, а живая, полная эмоций. Как тогда на столе, живая, страстная переполненная эмоциями, и эту жизнь и эмоции дарил ей я. Сейчас я заставлял ее испытывать другие эмоции, не совсем то, чего бы мне хотелось, но пока и это сойдет.

Она послушно вышла с вокзала, все же понимает, что не тягаться ей со мной. Нет худа без добра. Есть за что наказать ее. И наказать так, как мне того хочется. Я еще раз перепроверил движения сигнала ее мобильного, уже собираясь выезжать к ней на квартиру, но телефон оказался в не зоны. «Ну, девочка, ты меня все же заставляешь злиться».

Уже через 15 минут я был на вокзале. Пришлось задержать поезд анонимным сообщением о минировании. Нечем здесь хвастаться, да и самому стыдно, но поймать ее для меня было на столько важно, что я закрывал глаза на методы достижения цели. Подключил троих парней из службы безопасности, и мы вместе просматривали все маршрутки, автобусы. Когда ее там не обнаружили, я лично проговорил со всеми проводницами поезда отправляющегося на Львов. Они клятвенно заверили, что никого без билета не садили.

Я был зол, да не просто зол, я был в ярости. Такое ощущение, что с каждой минутой она ускользала от меня все дальше и дальше, как вода сквозь пальцы. Я не знаю, что это было, меня охватило чувство паники, я вообще не припомню, чтобы такое раньше со мной случалось. Хотелось рвать и метать, взорвать все к черту, но найти ее и наказать. Как она посмела убежать? Ослушаться меня, обмануть?

И я пошел на крайние методы. Я подключил Василия Семеновича. Я мог собрать ребят и сам устроить проверку транспорта, не в моих возможностях была проблема. Вся проблема была в том, что я не имел никаких законных оснований и полномочий для того, чтобы останавливать и просматривать транспорт. На улице не 90-е года. Пришлось просить Семеныча, за ним был должок подобного рода, но после такого масштаба операции уже оказался в долгу я. Но это сейчас не играло роли. Мне надо было ее найти, позарез надо. Руки горят так хочется..., сам не знаю чего хочется. Толи наказать, унижить, довести до слез, толи обнять и зацеловать до безумия. Я знал точно только одно — я должен ее найти!

Она просидела в кабинете около часа. И все это время я из соседнего, наблюдал за ней в скрытую камеру. Я не заходил, выжидал, хотел, чтобы она нервничала, но кто больше

нервничал неизвестно. И что в ней такого особенного, что меня зацепило, всматривался и не находил. Я видел ее и понимал, что она моя. Моя, пока не наиграюсь. Ведь все проходит и это пройдет. Просто нужно время и эта игрушка мне надоест.

Заходил в кабинет желая ее попугать тюрьмой, долгим и страшным заключением, но, в конечном счете, намеревался тут же забрать домой и все же наказать, так как и планировал — сексом. От одних этих мыслей мне стало тесно в штанах. Чего одна мысль о сексе с ней меня заводит больше чем танец опытной стриптизерши? Хорошо хоть никого не было рядом.

Я как всегда не получил то, чего ожидал. С ней просто невозможно что-то планировать, ее невозможно предугадать. Я ожидал увидеть страх, растерянность, и мольбы, а увидел ярость и силу духа. Ее слова о деньгах меня просто вывели из себя. Хочет свободы, ну что ж, пусть тогда узнает, что такое заключение.

РИТА

Я два дня и две ночи просидела в КПЗ. Это были двое самых жутких суток в моей жизни. Это сейчас мне кажется, что самых, но с ним нельзя быть в чем-то уверенной. Еще полторы недели назад, я думала, что хуже того насилия и всего, что последовало за ним, быть просто не может, потом был случай с Ромкой, и я думала, что просто не переживу того позора, так нет же вот тебе еще одно испытание. Где же я так успела нагрешить, что мне послано испытание в виде свихнувшегося шефа.

Меня закрыли в пустой камере, точнее клетке, отгороженную решетками с двух сторон, с двух других были стены. Там было что-то вроде деревянного узкого топчана покрытого тонким грязным тряпьем. Глядя на это приспособление для сна, я поняла весь смысл слова «нары». В уголке стоял деревянный стульчик, на вид он казался очень шатким и не надежным, но более чистым, чем тот топчан.

— Располагайся, ты здесь надолго. — С этими словами все тот же полицейский со светлыми глазами удалился вглубь по коридору, не забыв перед этим защелкнуть на замок мою камеру.

— Как, надолго? Почему я здесь? А как же телефонный звонок? — Последнюю фразу я уже кричала в пустой коридор. Как не странно, но мои слова были услышаны, хоть и не тем, для кого они звучали.

— Ты чего разоралась, сука? Спать не даешь. А ну пасть закрой, орешь как резаная. — Я оглянулась назад, в поисках говорившего. В соседней камере за железной решеткой сидел бомж. Бомж он или нет, я не знала — в паспорт не заглядывала, а вот что пьяный, грязный и вонючий — было видно и невооруженным взглядом. От него жутко разило перегаром и мочой, и еще какой-то гадостью, какую и определить было невозможно. Как я могла раньше его не заметить? Он поднялся с топчана, на котором лежал, до этого времени, и уставился затуманенным взглядом на меня. На небритом осунувшемся лице сильно бросался в глаза широкий большой нос, маленькие мутные глазки, пытались сфокусироваться на мне. Они были неопределенного цвета, какие-то выцветшие, зато закисы в уголках блестели как вторые зрачки. Одним словом жуткое зрелище.

Он подошел к решетке, разделяющей наши камеры и начал сильно ее трясти. Откуда в этом... мужчине сколько силы? Вонь была непередаваема, я прикрыла нос тем шарфиком, с помощью которого пыталась прятаться, но толку от него было мало. Я пробовала медленно и глубоко дышать, чтобы не вырвать, но как-то слабо помогало. Пока он не двигался, от него не так сильно разило, а вот сейчас это было просто невыносимо. Я отошла в дальний уголок отвернулась к решетке, и пыталась ничего не замечать, но как видно это сильно обижало моего соседа, и он незамедлительно мне об этом сообщил. А такой брани не слышала никогда, смысла некоторых слов даже не понимала, хоть не раз раньше была свидетельницей подобных выражений. То, что я на него не обращаю внимания, еще больше разозлило мужчину. В мой адрес летело столько выражений, что можно было бы смело писать толковый словарь подобного лексикона. Я взяла стульчик и села у решетки, пытаюсь, от всего этого отстраниться.

Ближе к ночи его сморило и он, развалившись на своем топчане, уснул. Я так и не

ложилась на эти грязные подстилки, сидела в уголку, облокотившись на самое чистое, что здесь было — на железные решетки. Попа давно заныла на твердом стульчике, ноги занемели, но подниматься и расхаживаться и тем самым привлекать внимание бомжа я не хотела. Странно, а я уже даже смирилась с этой вонью, и почти не тошнит. Вот так люди ко всему привыкают. От этой мысли мне стало не по себе.

Ночью привезли трех проституток. И это был мой шанс, попросится в туалет, так как дежурный подошел достаточно близко, и мне не пришлось орать об этом на весь коридор. Я видела в глазах дежурного, не насмешку или похотливость, а сочувствие. Это был мужчина лет пятидесяти. Я его раньше не видела, скорее всего, пришел на ночное дежурство. Я бы никогда раньше так не поступила, но находясь в безвыходной ситуации, решила воспользоваться его добротой. Я шла впереди, как и положено под присмотром охраны, дежурный — на несколько шагов позади. Он не одел на меня наручники, и уже за это была ему благодарна. Я остановилась посреди коридора и обернулась, решив задать давно мучавший меня вопрос:

— Вы не знаете, почему меня задержали? — Он, идя сзади размеренным шагом и не ожидая от меня подобного, чуть не сбил меня, в последнюю минуту схватив за предплечья обеими руками, и остановился. И вместо злости я увидел в его глазах понимание и сочувствие.

— Девочка, ты так больше не останавливайся, а то упадем оба. — В его глазах зажглись искорки веселья. Он показался мне каким-то домашним, родным. Не имея с детства отца, точнее не зная его настоящего, я в каждом мужчине, проявившем хоть какую-то доброту ко мне, искала его черты. Думала, что давно переросла это, как видно нет.

Я сама не осознавала, как смотрела на него, но он почувствовал себя еще больше неловко. Это было видно по его глазам. Мужчина пытался не смотреть на меня — куда-то вверх, вниз, в сторону, но только не в мои глаза. Я уже думала, что не ответит, но он все же решился:

— Догадываюсь, но это не официальная версия. По официальной версии, ты подозреваемая в хищении крупной суммы денег, в фирме в которой на сегодняшний день еще числишься сотрудником. — Он примолк, давая мне время переварить информацию, а потом взглянул все же в мои глаза и продолжил: — Но я-то понимаю это не правда, да? — Я ничего не ответила, слезы навернулись на глаза, а я просто мотала головой из стороны в сторону, говоря жестами, что я этого не делала, так как горло сдавили спазмы рыдания. Совершенно посторонний человек, почему он мне верит?

— Меня посадят? — Ели смогла выдавить я.

— Ты здесь задержана на трое суток. Скорее всего, твой так сказать, бос, просто хочет поугаать, чтобы ты была более послушной.

— И что мне делать?

— Пока успокойся и выждать. С такими людьми напрямую не воюют. И если надумаешь в следующий раз убежать, то учитывай его возможности, и делай это более продумано.

— Откуда вы знаете? — Я была в шоке, неужели все здесь знают, что я домашняя зверушка, убежавшая от папика. Даже не знаю, что хуже — быть в глазах окружающих воровкой, или чье-то персональной шлюхой.

— Слухами земля полнится. Пойдем.

Спустя пять минут, когда я вернулась в камеру, там стоял невыносимый галдеж. Их

крики разносились на все отделение, и чем ближе я подходила, тем больше закладывало мои уши. Проститутки устроили разборки, ругались между собой — делили территорию. Потом сцепились с бомжем. И в этой схватке я даже не знала кто кого. Они знали такие лексические закувыки, что даже бомж был в ступоре.

Я толком не спала уже двое суток. В голове каша, не лучше той, которую нам давали кушать, а тело зудит и чешется во всех метах, от невозможности помыться. Проституток выпустили на следующее утро, за них договорился какой-то Владлен, они всю ночь пугали им дежурного. Бомж, как оказалось, загремел сюда на 15 суток, так что лицезреть и нюхать мне его еще долго, да и после такого количества времени, мое невымытое тело пахло наверное тоже, не очень приятно. С каждой минутой находясь здесь я все больше и больше ненавидела мое персональное «чмо». Хотя, после двух суток лекций по нецензурной лексике, у меня на языке крутилось намного красочней выражение в его адрес.

Через два дня, ближе к обеду, меня выпустили, так и не объяснив, по какому поводу была задержана. Я сама по себе не конфликтный человек, но после всего, что со мной незаслуженно произошло орала как резаная, что буду жаловаться. Мне уже не было страшно, что меня опять закроют, об этом просто не думала. Я хотела вылить свою боль, свой гнев, накопившийся во мне за все это время.

После моих криков и истерик, дежурный, что сопровождал меня к выходу, резко поменял свой путь и повел меня к тому самому кабинету, куда меня сразу же привезли. Он постучал в дверь и после басистого «можно» втолкнул меня в кабинет. За столом сидел тот самый «беременный» мужчина с двумя большими звездочками на пагонах. Он посмотрел вопросительно за мою спину и ему тут же ответил дежурный, объясняя наш не плановый визит.

— Гражданка Кривенко возмущена своим задержанием, угрожает, что будет жаловаться. — А когда вообще вошел дежурный? Я думала, что он меня втолкнул, как в клетку со львом на растерзание, а нет же, и сам зашел. Но не на долго, после легкого кивка начальства, он тут же скрылся за дверью.

— Маргарита, если я не ошибаюсь? — Я кивнула головой. Этот мужчина почему-то у меня вызывал страх.

— Так вот, уважаемая Маргарита, вы знаете, сколько на нашем отделе висит глухарей, то есть не раскрытых дел? — Я молчала, а он всматривался в мои глаза, как хищник, пытаюсь загипнотизировать и съесть. Ну, съесть это смешно звучит, а вот страх перед ним у меня был самый настоящий и уж не как не смешной. Чей-то взгляд он мне напоминал. Этот взгляд уверенности в себе и вседозволенности, я видела еще в одних глазах. Черных как ночь. Из двух бед лучше выбрать знакомую. И после этого понимания, весь мой пыл ушел в никуда.

А мужчина все же мне объяснил, что сострять под меня какой-то глухарь — нечего делать. Но поскольку я приглянулась многоуважаемому Николаю Петровичу он готов меня выпустить. И очень настоятельно рекомендует не злить этого хорошего человека. О том, что меня задержали, вообще безосновательно не было речи. Была просьба задержать, и если бы не дали отбой, чтобы оправдать свои неправомерные действия, мне бы просто пришили «левое» дело. От возмущения хотелось орать, выть, и на хрен перевернуть весь этот кабинет верх дном, но я сдержала себя и спокойно вышла из этого, напрочь корумпированого помещения.

А на улице меня уже ждал знакомый БМВ. И почему он постоянно сам за рулем? Так любит водить, Или не любит лишних свидетелей? Скорее второе, чем первое, как мне

подсказывает не малый опыт общения с ним.

Несколько месяцев назад, он мне казался обычным мужчиной, наемным работником, хоть и на высокой должности. Кто же тогда знал, настолько длинные у него руки, и насколько огромное эго?

Я не стала возмущаться и убегать, не было никакого смысла, просто села в машину, но это не означало, что я смирилась со своей участью. Нет. Просто в определенных ситуациях нужно немножко затаиться и выждать.

Он не сказал ни слова, не злорадствовал. Даже обычного приветствия не было, мы просто поехали от этого злосчастного места.

Я много передумала за эти два дня. Первое время хотела убить, уничтожить, сделать больно хоть бы словами, раз никак по-другому не могу. А остыв, поняла, что месть блюдо холодное, и стоит все же подождать.

Он отвез меня к себе. Я не возмущалась, мне все равно где мыться. Лишь бы смыть с себя всю эту гадость. Так бы и с души, как с тела, соскрести весь этот слой грязи, что я там получила. Я стояла под душем полная противоречивых мыслей.

Чего он от меня хочет? Зачем я ему, просто не понимала. У меня ничего нет. Внешне я не уродина, но и не сногшибательная красавица. Чем я могла его зацепить? Тем, что не дала там у озера? Так я уже и сама не раз об этом пожалела. И не по тому, что жалела о потерянном удовольствии, просто быть чьей-то мишенью очень больно и жуть как неприятно. Его же интерес ко мне не вечный. Может, стоит потерпеть и он перегорит. С его-то привычным образом жизни он не сможет увлекаться одной мной долгое время. Скоро я ему просто надоем.

Боже о чем я рассуждаю? Еще бы месяц назад мне кто б сказал, что я буду что-то терпеть против своей воли, я бы просто засмеялась ему в лицо. Я никогда не терпела, мне просто легче было развернуться и уйти, а там гори оно все синим пламенем. Я могла пойти на уступку, по просьбе человека, который мне не безразличен, могла даже стерпеть тот секс, который мне не очень нравился, потому что духовно с Владом было очень хорошо. Но вот так, чтобы по моему телу и чувству гордости топтался совершенно посторонний мне человек, к которому я испытываю ненависть, и просто презираю, этого быть раньше просто не могло. Как жизнь оборачивается.

Выйдя из ванной, я увидела его в гостинной с бокалом коньяка в руках. Это было не шампанское, и второго бокала я не наблюдала, значит спить меня и трахнуть, он не наметен. Хотя на счет последнего быть уверенной я не могла. Тогда почему он пьет? Неужели нервы? Может, его мучает совесть, и он переживает по поводу случившегося? Может ему не чуждо хоть что-то человеческое? Хотя конечно нет. Опять я придумываю то, что хочу видеть, а не то, что есть на самом деле.

Я стояла в тех же вещах — измятой юбке и не свежей блузке, трусики решила снять, лучше быть без них, чем в грязных. Да и юбка была достаточно длинная и строгая, так, что срам был надежно прикрыт. Жуть как не хотелось натягивать на себя все эти грязные вещи, но притрагиваться к его халату, а тем более надевать его, мне было просто противно. Он посмотрел на меня, и бровь взметнулась вверх в немом вопросе. Я делала вид, что ничего не замечаю.

— Почему не одела халат и не поставила вещи в стирку?

— Не хочу задерживаться. — Он подошел ко мне на расстояние вытянутой руки, я же оставалась на месте. А смысл бегать, от него не убежать, я уже это проверила.

— А если я настаиваю? — Он провел ладошкой по моей щеке, большим пальцем прикасаясь к моей губе и чуть оттягивая. Темные глаза всматривались, казалось в самую душу. Это было очень эротично. И может не с ним и не здесь я бы это оценила, но после всего что случилось, я его воспринимала только как угрозу. И мне хотелось от него бежать..., бежать без оглядки.

— Тогда получишь бревно в постели, холодную куклу. — Я старалась говорить спокойно, хотя нервное напряжение зашкаливало. Я просто не вынесу еще и это, после всего, что случилось.

— Я очень в этом сомневаюсь. Может, проверим. — Его глаза сверкали, а губы растянулись в плутоватой улыбке. Очень красив, не спорю, но эта красота прячет слишком жестокое сердце. Он пытается со мной заигрывать? Не поздно ли?

— Нет! — Я хотела сказать спокойно, но вышло так, что просто прокричала свой протест.

И он отступил. Впервые, сколько я его знаю, он не пошел брать на пролом желаемое, а отступил. Я не верила в это когда садилась в его машину, не верила, когда он остановился около моего подъезда. И только зайдя в квартиру и убедившись, посмотрев в окно, что его машины и след простыл, я наконец-то поверила. Неужели он умеет идти на уступки? Неужели умеет кого-то слушать кроме себя?

НИКОЛАЙ

Я оставил ее там на трое суток. Со Степанычем все было оговорено и даже уже оплачено. Он советовал оставить ее на все пятнадцать, чтоб так сказать полностью прочувствовала все прелести тюремной жизни. Но я не согласился на это, и как оказалось, трое суток для меня было тоже много. Впервые я чувствовал себя виноватым, виноватым по отношению к ней. Нет, это не то чувство, когда сделал ошибку и понимаешь это. Тогда есть холодный расчет, ты понимаешь свой промах и исправляешь его. Без чувств, без эмоций, есть конечно, что-то внутри, что напоминает быть внимательней, но это не тот огонь который сжигал меня изнутри сейчас. Я не мог найти себе места все эти дни. Все мысли были только о ней. Злость бурлила всю ночь, после того как ушел с участка, хотелось отомстить наказать унижить, а потом пришло это жгущее чувство вины, и мне уже себя хотелось убить. Я глушил в себе это как мог. Днем работал непрерывно, вечером же пошел на спарринг бой по Дзюдо. Я давно уже там не был, как-то все было не до этого. Теперь же хотелось просто забыться. Отметелить кого-то и получить удары в ответ, пусть лучше болит снаружи, но не внутри. После этого, решил не возвращаться в пустую квартиру, где бы меня опять разрывали сомнения и чувства вины. Поехал в клуб. Жаль, что Наум уже месяц как в командировке в Киеве, не с кем и оттянуться. Как оказалось оттянуться я не хотел, я хотел нажраться, с чем и справился с большим успехом.

Уже не спасало напоминание о том, какая она сука, и как сильно меня подставила. Как не пытался злиться на нее и ненавидеть просто не мог. Неужели я настолько шибанутый придурок, что хочу ее даже после того, что она сделала. Хочу как женщину, хочу, чтобы была рядом. Знал, что подставила, знал, что нельзя верить, но не мог отпустить, хотел видеть около себя. Я раньше смеялся с таких простаков, их водят вокруг пальца, а они радостно виляют хвостом и пляшут под бабскую дудочку. А сейчас и сам как они. Нет, я не готов был плясать под ее дудку, скорее заставлю ее плясать под мою, но вот простить ту подставу уже как-то само собой случилось.

Я сидел у бара и смотрел на этих зазывно улыбающихся мне девок. Не спорю —

красивые и вульгарные до невозможности. Раньше мне это нравилось, заводило, что же сейчас не так. Нет физически ничего не изменилось, в меня встанет и я трахну кого-то из них, если до этого дойдет, но я почему-то не чувствовал в этом потребности. Не было азарта, не закипал так адреналин в крови как раньше. Что-то безвозвратно изменилось и мне это не нравилось. А сейчас встал и направился к выходу, я не настолько примитивен, чтобы тянуть кого-то в постель, доказывая себе то, что я уже и так понял.

Почему, что за вселенская несправедливость? Бабы толпами бегают за мной, не знаешь иногда, как отшить, а тут бац, понадобилась одна, и та выебывается. Почему, что во мне не так? Не тот подход? Раньше всем нравилось. Ну с ней конечно перегнул. Но это потом, сначала ведь все было нормально, я бы сказал даже правильно. В ресторан свозил, заигрывал, и она отвечала взаимностью. Чего было выпендриваться, хотела же секса, видел? Может, и не было бы всего этого, если бы не накалила меня так своими отказами. Уволил бы после подставы и забыл, а сейчас, в какую задницу затянул и себя и ее. И что главное, не хочу отпускать, хоть и понимаю, что после случившегося она меня просто не сможет простить. И даже не столько не хочу — не могу отпустить. Понимаю, что будет нелегко, но вот лучше она ненавидящая меня, но здесь со мной, чем она любящая другого и где-то далеко.

Утро было тяжелое, но, тем не менее, я пошел на работу, сидеть дома и сгрызать себя мыслями, было как-то не очень привлекательно.

Я забрал ее по истечению двух суток, просто не мог вытерпеть больше. Что было этому большей причиной, толи моя взывравшаяся совесть, толи нужда ее увидеть, даже не знаю. Она показалась мне убитой, растоптанной, без внутреннего огня, который меня так цеплял. Даже не спрашивала, куда я ее везу, а когда приехали ко мне, не возмутилась, молча пошла в ванную. Я не хотел этого сделать с ней. Пока она там была, я осушил два бокала коньяка. Когда же она вышла, гордая, неприступная, в помятой грязной одежде, но в своей, у меня отлегло от души. Она была все той же прежней, она не сдалась и не сдастся никогда. Раньше я хотел ее сломить, а теперь рад, что у меня это не получилось. Именно такую хочу ее видеть.

Я хотел ее прямо сейчас. Неприступную, гордую. Хотел покорять, ведь уже сам был покорен ею.

Когда она сказала «нет», я решил уступить, дать ей ту свободу, о которой она так мечтает. Не торопить, а с каждым днем по не многу завоевывать, как неприступную крепость. И я буду не я, если этого не сделаю.

РИТА

Я выходила на работу со страхом. Что делать, если все знают, где я провела эти два дня. Как смотреть людям в глаза. На меня действительно все посматривали, но как я позже поняла, поводом для этого были события двухдневной давности. Еще не все кости мне перемыли, еще не во всех подробностях обсудили, как я с шефом занималась сексом, на его столе прям посреди рабочего дня. Об инциденте с КПЗ никто не знал. Хоть за это ему спасибо.

День прошел как обычно, за ним следующий, и как-то так прошла неделя, а я и не заметила. Я была во всех на устах, но за счет того, что сидела не в одном из кабинетов, где стояло по несколько рабочих столов, а около двери шефа, не слышала большинства пересудов. Ромка по-прежнему со мной не общался, да я и не хотела. Что я ему скажу? О чем нам с ним говорить после случившегося? Сухое «Привет» и «Пока» меня вполне устраивали. Больше всего бесновалась Машка. Она цепляла меня на каждом шагу.

Что-то изменилось и в самом шефе. Он стал каким-то обходительным, что ли? Эта его неожиданная доброта и вежливость еще больше меня настораживали. Я ожидала бури после затишья. А может это затишье уже после бури? Лучше бы так. Он каждый раз уходя с работы спрашивал не подвести ли меня, и я постоянно отказывала, в страхе ожидая, что он настоит на своем. Но он уступал. И это заставляло постоянно быть начеку. Что он задумал?

Но спустя две недели я к этому потихоньку стала привыкать. Нет, я не соглашалась на его предложения, и даже дружески никогда ему не улыбнулась, я просто перестала ожидать подвоха. К хорошему привыкаешь быстро.

В офисе потихоньку страсти улеглись. Алиска, сотрудница из техотдела уходила в декрет и вместе с тем разводилась с мужем, так как ребенок был от любовника. Это была более шокирующая новость, притом свежая, и обо мне потихоньку стали все забывать. Только Машка ни как не могла оставить заезженную пластинку.

— Девушка, я спрашиваю Коля у себя? Вы работаете или мечтаете? Сидит здесь вместо мебели. — Я подняла глаза, около стола стояла все та же Мариночка, которую я не видела здесь около месяца.

— Вам назначено. — Официально спросила я

— Мне всегда здесь рады. Так что можете не сообщать ему, просто скажите на месте или нет. — Она выстукивала в нетерпении ноготком по столу, похоже, это ее вредная привычка, и с нетерпением ожидала моего ответа. И этот взгляд свысока, с каким-то превосходством, меня покорило. Как такие, могут кому-то нравиться? От куда мне знать? У богатых свои причуды.

Пока я нажимала на кнопку внутренней связи, за ней уже закрылась дверь в кабинет шефа.

Я была зла и расстроена, я была просто не в себе, и конечно причиной этому было хамское поведение этой наглой Марины. А почему же еще? У меня клокотало все внутри. Хотелось разбить что-то, кричать, и вместе с тем плакать. Я чувствовала себя преданной, что ли. Нет, это не может быть ревностью. Для этого надо любить, а я его ненавижу. Внутри чувствовалось, какое-то несоответствие этому слову.

Что тогда значат все эти уступки, ежедневные предложения подвести с работы? Это было что-то сродни ухаживанию. Нет, я не обольщалась по этому поводу, просто было приятно осознавать, что он наконец-то стал относиться ко мне как к человеку. А где-то глубоко внутри грела душу мысль, что я возможно для него что-то значу. Неужели что-то изменилось за эти несколько недель? Не могла же я так быстро перестать его ненавидеть, сменить гнев на милость, после всего, что он мне сделал. А как же чувство гордости, как обещание отомстить? Нет, я его по-прежнему ненавижу, и меня расстроило сейчас только хамское поведение его Марины.

Выходя на кухню, сделать кофе шефу и его Мариночке, я и не заметила, что Маша тоже пошла за мной следом. Она взяла чашку и стала за мной около кофе аппарата.

— А я ведь предупреждала, что ты быстро ему надоешь. — Я сделала вид, что не услышала.

Зная о Машкином ко мне отношении и увидев, что она пошла за мной следом, к нам подтянулись любопытные слушатели, а любопытными у нас были все. Резко всем захотелось кофе.

— Слышишь, курица, что перышки то опустила? Наигрался он уже тобой. — Машка перешла на тяжелую артиллерию, начала хамить, видя, что ее злорадство не приносит результата. Хотелось меня зацепить и в ход пошли все методы.

— Чего сорвалась, Маша? Завидуешь, что за все время так и не смогла хоть чем-то заинтересовать шефа? — Мне уже не было никакого смысла скрытничать. Все давно обо всем знали, точнее, знали то, что видел Роман. И соответственно предположили, что у нас и сейчас с ним такие же отношения. А приход Марины, соответственно, измена со стороны шефа. Хотя, сильным мира сего такое простительно. И хоть у нас и не било никаких отношений, я почему-то себя чувствовала преданной. Поэтому Машкины слова больно резали по живому.

— Да чему тут завидовать? Об меня хоть ноги не обтерли, а тебя поимели на столе, как шлюху и бросили. Как оно, а, когда он у тебя на глазах водит других? Вот сейчас занесешь кофе, а он уже на том же столе имеет Мариночку. — Она говорила громко, ее слышали все. А мне действительно не было чего ответить. Мне было так жалко себя, так хотелось убежать и спрятаться за мамину юбку. И услышать ее ласковое «все будет хорошо». Но сейчас не время и не место расклеиваться. Нужно дать отпор, а потом можно плакать дома в ванной сколько влезет.

— Никак, мне все равно. А ты стань в очередь из желающих под него лечь, потом и сама узнаешь. Ой, извини, я забыла, ты давно там стоишь, только тебя почему-то всегда отбрасывают. Негожа ты для барской постели, что тут сделаешь. Смирись и завидуй молча. — Маша опешила. Я ее такую видела впервые. Глаза на выкате, лицо красное, а рот раскрывается и закрывается сам собой, не произнося ни звука. Мой кофе уже приготовился, я взяла чашки и ушла. Когда отошла уже на метров пять, Маша пришла в себя и рванулась вдогонку. В ее намерения явно не входили колкие фразы, она горела желанием физической расправы. И я была даже не против, так хотелось выпустить пар. И лучшего способа, чем отколошматить одну зазнавшуюся дрянью, просто не было. Выросшая во дворе, где было большинство мальчиков, я умела за себя постоять. Но кто-то дернул Машу за руку, кто-то преградил путь, и ей ни осталось ничего, кроме того, чтобы молча убивать меня взглядом в спину.

День был очень тяжелым, и я уже не могла дождаться его окончания. И как бы я не

хотела быстрее уйти домой, все же решила на несколько минут задержаться, чтобы не стыкаться ни с кем на выходе. Эти, у кого сочувствующие, у кого злорадные взгляды, к концу рабочего дня меня просто добились. Я сама не заметила, как слезы потекли по щекам. Как раз в это время открылась дверь кабинета шефа, и на пороге появился он. Я уставилась в одну точку, даже не заметив его, а вот он как раз наоборот, увидел все.

— Рита, по какому поводу слезы?

— Что? — я поморгала глазами и вытерла со щек влагу. Смотрела на него, еще, будучи где-то далеко в своих мыслях, в которых мне было так жалко саму себя.

— Плачешь почему? — Он зашел ко мне за стол, присел на корточки перед моим креслом. Посмотрел снизу вверх на мое лицо, взял его руками, и большими пальцами вытер слезы с моих щек. Это было так приятно и так трогательно, что меня прорвало еще больше. Кто бы мог подумать, что он будет не причиной моих слез, а утешением. От него я ни как не ожидала подобного. Ну если разобраться, причиной он был тоже.

— Ну чего ты? Успокойся. Никто не умер. — Он, то ли спрашивал, то ли утверждал. Я помотала головой, развеивая его сомнения. — Ну и ладно, а все остальное поправимо. Пойдем. — Николай поднял меня с кресла и повел к себе в кабинет. Сам сел на диван, а меня посадил к себе на колени. Я не возмущалась, мне с ним было, как-то на удивление, хорошо и уютно. Я прильнула к его груди, ища утешения, и он давал мне его. Заслонил меня от всего мира, гладил по спине, волосам. И потихоньку я перестала вздрагивать от рыданий. Его грубый голос, звучавший нежно над моим ухом сейчас был лучшей музыкой. Он что-то говорил, но я не разбирала слов, я в них не вслушивалась, я просто наслаждалась этим успокаивающим голосом.

Поглаживания стали более смелыми, руки то и дело гладили мою спину, задерживались на попе. Он уже ничего не говорил, просто нежно целовал ушко, опускаясь ниже на шею. Его легкая щетина приятно щекотала. И я не возмущалась, мне это нравилось. Он повернул меня к себе, расставляя мои коленки, по обеим сторонам его ног. Я оседлала его как лошадку, юбка поднялась на самые бедра, но меня сейчас это не волновало. Я спрятала лицо у него на груди и вдыхала такой приятный мужской аромат. Это была смесь духов и его кожи, самый неповторимый аромат, который я когда-либо вдыхала. Он как наркотик, которым нельзя надыхаться. Мои пальцы расстегнули пуговицы его рубашки, и я зарылась ногтями в эти курчавые черные волосы. Это было так не обычно, и вместе с тем так приятно. Он приподнял за подбородок мое лицо и впился в губы страстным поцелуем, на который я тут же ответила. Поцелуй перерос в жаждущий и уже ни он, ни я не могли оторваться друг от друга, как будто это и не поцелуй вовсе, а глоток воздуха, без которого не жить. Я сорвала с него рубашку, не заботясь о ее целостности, мне хотелось прижаться к нему ближе, почувствовать кожей кожу, и он как знал мои желания — снял с меня блузку и лифчик. Наши руки лихорадочно ощупывали друг друга, как слепые, желающие узнать обо всем и больше.

Он подтянул мою юбку на пояс и просто разорвал мешающие ему трусики. Накрыв рукой пылающий в жажде прикосновений самый тайный уголок моего тела, и улыбнулся мне в губы, почувствовав влагу. Я больше не могла ждать, ерзала, напрашиваясь на ласку. И он понял меня без слов, расстегнув ширинку, тут же насадил меня на себя.

С ним не может быть секса вялого, с ним нельзя отдаться наполовину. Он буря. Что в боли, что в наслаждении. Он взрывной и неутомимый. Он заставляет трепетать каждую клеточку тела. Зря я надеялась, что смогла бы отстраниться, я и быть холодной куклой, это не

про него. И он доказывал мне это, каждым своим толчком во мне, каждым стоном, сорвавшимся с моих губ. Я в порыве страсти рвала ногтями его кожу на плечах, ласкала грудь и тут же неистово к нему прижималась, насаживаясь на него все глубже, все сильнее. Я никогда не была такой дикой, и даже не знала, что могу быть такой. Но мне было этого мало, я прыгала на нем в ожидании чего-то. Чего-то необычного, от чего уже начинало закипать все внутри. Я к чему-то приближалась, к чему-то фееричному, но еще не знала к чему именно. И когда на меня нахлынула эта волна, показалось, что я просто взорвалась, а потом рассыпалась миллионами маленьких искорок, которые догорали во мне, вызывая легкие судороги удовольствия во всем теле.

Он остановился на мгновение, давая мне прийти в себя, а потом продолжил с удвоенной силой, от чего отголоски недавнего оргазма вспыхивали во мне снова и снова. Несколько бешеных ударов и рык у уха оповестили меня, что и он получил разрядку.

Что это было, я не знала. Зачем так поступила? Почему, вместо того, чтобы оттолкнуть его и уйти, я сама к нему потянулась? Что хотела этим доказать, что я ему нравлюсь и он ко мне не равнодушен? А так ли это? Что значит секс для мужчины? Ровным счетом — ничего. Так, снял напряжение и не больше. Зачем же я была столь глупой, чтобы, на столько раствориться в нем? От осознания всего, что натворила сейчас я как-то аж застыла. Это не укрылось от его внимания, потому как его «Что?» вывело меня из раздумий. Я подняла с его груди лицо и натолкнулась на вопросительный взгляд. Нужно было что-то ему ответить. Не говорить же всего, что я только что передумала, и я вцепилась за последнюю свою мысль:

— Я не хотела быть после нее. — Он сразу понял о ком я.

— У меня с ней ничего не было. Мы порвали отношения. — И мне от этих слов стало так приятно. Он продолжал поглаживать меня по голове спине рукам, зарывался в волосы и вдыхал их аромат. Сидя на нем, мне не хотелось думать о том, что это не правильно, что я обещала себе никогда его не прощать, за все то, что он со мной сделал. Хотелось насладиться этим моментом. Моментом уединения, и спокойствия, слияния душ и тел.

Сидя в машине и видя, как он заворачивает во двор элитного дома, я начинала злиться. Неужели все возвращается в самое начало. Неужели опять будет делать все как захочет, не спрашивая моего мнения. Я сидела в машине, не спеша выходить. Он стоял у открытой двери, хмуро глядя мне в лицо

— Что не так?

— Я хочу домой. К себе домой. — Я заглянула в его глаза, там читалось раздражение. Вот и пришел конец его терпимости — пронеслось у меня в голове. Но нет, он, молча закрыл дверцу, обошел машину и уже через несколько минут выруливал со двора. Я получила свою маленькую победу, пока ничтожно малую, но все же. Мне нужно было время, подумать о случившемся.

НИКОЛАЙ

Мое терпение было на грани. Сколько времени ходить как евнух. Видеть, хотеть иметь возможность получить, но не трогать. Я обещал себе дать ей время, и я давал ей его. Но сколько же этого времени ей нужно. Неужели она не видит, как доводит меня? Может сделать, как тогда, только без появления Ромы, конечно. Завести, соблазнить и отиметь. И я бы так и сделал, если бы был уверен, что она после этого не выкинет что-нибудь. Не хочется потом ее искать по всей Украине. И даже не столько не хочется, сколько боюсь, что не найду.

Марина пришла так не вовремя. Хотя если говорить о Марине, ее приход всегда не

вовремя. Осточертела она мне окончательно. Эта мания величия и подражание очередному своему кумиру меня просто выводят из себя. Чего только стоит ее постоянная трескотня. Неужели она думает, что чем больше слов в минуту скажет, тем интересней будет ее слушать. Но как оказалось, в этот раз, Марина пришла как раз вовремя.

Хорошая штука ревность, больно колит, когда противник, и выгодно играет на руку, когда союзник. Одним махом убил двух зайцев. И Марину отшил, а то жуть как надоела, и Ритку заставил ревновать. Хотя вид ее слез резанул по душе. Никогда раньше не трогали женские слезы. Раздражали очень, но что бы цеплять за душу — такого не было. Старею, что ли?

Такая трогательная и нежная в моих руках. Такая беззащитная. Эти дорожки слез на щеках, которые хотелось осушить поцелуями, и я не сдержался. Хотел дать время, хотел терпеть сколько потребуется, но не смог. Она была в подавленном состоянии, хотела утешения, и я не смог сдержаться. Да, благородность и я — это вещи не совместимые. Да и о какой благородности речь, когда я, сколько времени, дико хочу эту женщину?

А она, однако, огонь. С такой страстью отдавалась. Не наиграно, и не развратно, как проститутка. Она была самой собой, открытой, нежной, где-то требовательной, где-то жертвенной. Не зря я все же ждал сколько времени. Ожидания окупились сполна.

РИТА

Я провела бессонную ночь. Было так трудно прийти к какому-то решению. Я предала саму себя. Все слова и проклятия, все обещания отомстить были в пустую. Неужели я столь безвольная? Почему не смогла остановиться? Почему отдалась с такой страстью? Меня ведь никто не принуждал. Да он опытный мужчина, но ведь и себя я глупышкой не считала, как видимо зря. Где была моя голова, когда я так охотно раздвигала перед ним ноги?

Утро было тяжелым. Из-за недосыпания я была жуть как раздражительна. И когда он пришел улыбающийся и довольный жизнью, меня это добило еще больше. Это только я себя накручиваю, нервничаю, переживаю, а он получил удовольствие и ходит, радуется. Где-то на подсознании я понимала, что мои обиды просто чушь, но ничего не могла с собой сделать. Я злилась и его приветливые слова и улыбки еще больше меня накручивали. Он что думает, если раз дала слабинку значит все забыто?

Молча злилась весь день. И даже Машка, видя это, меня не цепляла. Работа конечно в какой-то степени отвлекла, но именно по поводу этой самой работы мне приходилось время от времени стыкаться с объектом своего раздражения. Он меня бесил, нервировал, просто выводил из себя. Я была зла, но только на кого больше, на него или же на себя даже не знала. Ведь меня в этот раз никто не принуждал, никто не настаивал. Да он был инициатором, но я ведь могла сказать «нет». Когда он в те разы принуждал, мне было не так гадостно на душе. Тогда было легче снять груз ответственности, очистить свою совесть, что ли, сказав самой себе, что мне не под силу было что либо изменить. Сейчас же я чувствовала себя предательницей по отношению к самой себе. После всего, что он со мною сделал, унизил, растоптал, — добровольно отдалась ему. Да и не просто отдалась, а со всей страстью. Чего же я после этого стою. Да ничего я не стою. Ничего во мне не осталось — ни гордости, ни самоуважения.

С работы я уходила позже всех. Когда Николай уходя, остановился около моего стола и предложил подвести домой, я отказалась, сославшись на не законченные дела. Он принял отказ и пошел на выход, хоть явно не поверил моим словам. Кому же, как не ему знать есть ли у меня дела и сколько их. Я нервничала, под его скептическим взглядом, перекладывая папки со стопки в стопку. Он ушел. Выждав двадцать минут, я решила, что опасность миновала и можно спускаться. Как видно зря.

Половина наших сотрудников еще не разъехались по домам. Маша с Викой, молоденькой стажеркой, которая явно попала под дурное влияние, сидели на скамейке под тенью акации, с чего-то громко смеясь. Такое ощущение, что этот смех был больше на показ чем в радость. К ним быстро приближалась Марина. Та самая Марина. А она что здесь делает? Прям, общество отвергнутых поклонниц шефа. Может и мне к ним присоединится, когда он потеряет ко мне интерес? Сергей с Виктором из службы безопасности, курили около своих машин, о чем-то переговариваясь. Девочки из бухгалтерии толпились на остановке. Ни за что не поверю, что за двадцать минут не было ни одной нужной маршрутки. Чего они все ожидали?

Идя к той же остановки под прицельными взглядами всех случайно задержавшихся, я заметила черный БМВ, припаркованный не на своем прежнем месте. За темными

стеклами, не было понятно, есть ли кто в салоне, да я и не присматривалась. Подходя ближе, я увидела, что Николай вышел с машины и пройдя к пассажирскому месту, открыл дверь. Я находилась всего в нескольких метрах около него, а он стоял у открытой дверцы, жестом приглашая сесть. Мне стало как-то не по себе. И пройти мимо ни удобно и садиться, не особо хотелось. А потом стукнула мысль. Что если сзади приближается та же Марина, и все эти почести для нее. Я машинально оглянулась, да нет, никого не было. Были, все те, кого я до этого заметила, кто с любопытством, кто со злобой смотрели на нас. Но никто не подходил сюда, значит, все же меня он ожидает.

Я струсилась, и села к нему в машину, не хотелось устраивать сцен, ведь он не отступит, я знала. А после всех тех сплетен, что ходили по офису, раздувать еще какой-то слух не хотелось. Для них всех я была любовницей шефа, пусть так и дальше думают. Я вспомнила вчерашнюю сцену и поняла, что не так уж и сильно они заблуждаются в своих предположениях.

— Зачем было это все.

— Просто хотел подвести. — Он вырулил на трассу, и набрал скорость.

— Мне кажется, я ясно дала понять, что мне это не нужно.

— Когда именно? — Он взглянул на меня мимолетом, оторвавшись от дороги. — Сегодня, когда отказалась со мной подъехать, или вчера, когда страстно отвечала мне.

— Это удар ниже пояса. — Задохнулась я.

— Почему же удар? Мы взрослые люди, давай будем называть вещи своими именами. Я тебя хочу, ты меня хочешь, — я фыркнула, на такое умозаключение, — ладно, пусть не хочешь, но я не вызываю у тебя брезгливость. И вчера тебе, как и мне было очень даже хорошо. Почему же тогда делать вид, что ничего не было?

— Потому что я так хочу. Потому, что это было моей огромнейшей ошибкой. Я не должна была этого делать, и уже сотню раз об этом пожалела.

Он свернул на обочину и притормозил. Повернулся и смотрел на меня в упор некоторое время, я же продолжала смотреть вперед, не видя ничего.

— Что не так Рита? Что сейчас не так? Я тебя не принуждал, ни чем не обидел, ни унизил. И удовольствие ты получила не меньше меня, что же теперь не так? — Он смотрел на меня, ожидая ответа, а я не знала, что сказать. Вернее ответов у меня было тысячу, и все их он прекрасно знал, чего же тогда ломает комедию? Коротка же у него память. Так легко растоптал мою жизнь, а теперь делает вид, что ничего особенного не случилось.

— Все не так. Я хочу об этом забыть, вычеркнуть из памяти, сделать вид, что ничего не было. — Я так и не взглянула на него, вглядываясь куда-то вдаль. Не хотела встречаться с этим пронизывающим взглядом темно-карих глаз. Он еще какое-то время смотрел на меня, потом завел машину и вырулил на дорогу.

Мы приехали в японский ресторан. Меня приятно поразило это, неужели узнал, что я не равнодушна к суши? Но я тут же себя остудила. Вряд ли он мог что-то знать, скорее совпадение. На мой вопрос — зачем это все? — он ответил, что голоден как волк. Глядя на рис, скрюченный в водорослях с кусочками рыбы, я недоумевала — чем же волку здесь поживиться?

Хоть я и не была особо голодна, но от любимого блюда не могла отказаться. Заказала порцию рол и уже с аппетитом ее доедала, когда заметила, что он без интереса водит палочками по тарелке и смотрит на меня. Его порция была не тронута. Нет тронута, поковырялся он там изрядно, мясо искал, что ли, но вот съедено ничего не было. Неужели,

как и Ромка, пошел ради меня на такие жертвы? Это что ухаживание?

При воспоминании о Ромке стало ужасно неприятно. Все настроение, которое незаметно для меня поднялось, тут же упало. С Ромой мне было так легко, никогда не было неловких молчаний, не было сжатости и скованности. Я могла быть самой собой. Я не винила Рому за то, что отвернулся от меня, и не считала предателем, за то, что распускал слухи. Виной всему была только я. Я и мужчина, сидящий напротив.

Николай подвез меня домой и не напрашивался зайти. А я уже готовила громкую речь возмущений, рассчитывая, что он потребует своеобразную уплату, за столь щедрый жест, как сводить меня в любимый ресторан. Я взялась за ручку на двери собираясь выйти с машины, когда он окликнул. Оглянувшись, напоролась на страстный поцелуй. Я не отвечала, боролась с собой, но не отвечала. Он, не добившись ответа, отпустил.

РИТА

Выходя из офиса и видя, что Николай, как всегда, дожидается меня у машины, я задумалась: а на сколько времени его еще хватит? Он последние полтора месяца упорно за мной ухаживает, если можно так сказать. Я уже забыла, когда в последний раз готовила ужин. К такому и привыкнуть не долго. Только было у меня чувство, что привыкать к этому не стоит. Я не могла с ним расслабиться, все время на взводе, ожидая удара в спину.

Смотрела в его искрящиеся глаза, и мне хотелось в них утонуть, раствориться. Я отворачивала голову, чувствуя его смазанный поцелуй в щеку, а потом приходила в пустую квартиру и горела внутри, желая продолжения, казня себя за то, что отталкиваю. А на второй день все повторялось с завидным постоянством. Когда мы выйдем с этого круга? Я не могу довериться, после всего, что он сделал, не могу пойти на встречу, и вместе с тем не могу выбросить его из головы. Он вклинился в мою жизнь, насильно, дерзко, не спрашивая разрешения, не оставляя права на выбор. Заполнил все мои мысли, ворвался в мои сны. Буря противоречивых чувств съедала меня изнутри. Хотелось его страсти, его ласки, его пылких поцелуев и всего, что он готов был мне дать, и вместе с тем боялась своих чувств. Боялась довериться, и ошибиться еще раз. Он страшен в гневе. Может просто убежать куда-то далеко и забыть все это? А смогу ли?

Я не хотела влюбляться, привязываться. Он не постоянен. И со мной носится до сих пор, наверное, только по тому, что еще окончательно не покорил. А что будет дальше? Выбросит как очередную Мариночку? Почему все так сложно и так много «если бы да кабы»? Почему у всех так просто, а у меня не как у людей?

После очередного рабочего дня, он не повез меня в ресторан поужинать, сразу направился ко мне домой. К чему бы это? Может, у него запланирована какая-то поздняя деловая встреча, или свидание, что более вероятно. Он взрослый мужчина, надоело наверное играть со мной в детский сад. И от этой мысли больно кольнуло в груди. Что я за человек, и отдаться не могу и отпустить больно?

Когда я выходила с машины, привычно отстранившись от его поцелуя, он не сдержался:

— Может, пригласишь на ужин, я голоден как волк. — Он натянуто мне улыбнулся.

— Я целыми днями на работе, у меня мышь в холодильнике повесилась.

— А если просто на чашечку кофе?

— Я кофе не пью и дома не держу.

— Я согласен на чай! Или ты его тоже не пьешь? — От его улыбки не осталось и следа.

Я молчала, не зная как еще отказать. Ведь и так все ясно.

— Рита, почему ты так со мной? Почему я смог простить и забыть твое воровство и подставу? Смог оставить все это в прошлом. Почему же ты не можешь? Неужели тебе так сложно пойти мне на встречу? Даже не нужно идти, я иду, ты просто дверь передо мной не закрывай. — Он смотрел на меня, а я не знала, куда деть глаза. Почему-то чувствовала себя виноватой. Да и что ответить? Я сама себе задавала не раз эти вопросы и не находила ответов.

— Я знаю, что много натворил, что сделал тебе больно и не только физически. Я осознаю это и хочу искупить свою вину. — За столь громкими и красочными словами о

закрытой двери, я совсем не обратила внимания на его слова о воровстве и подставе. Так он все еще считает, что это сделала я? Что заслужено меня наказывал за те поступки? Во мне вскипел праведный гнев.

— Не нужно было меня прощать. Я не просила и просить прощения за то, чего не совершала, не собираюсь. Ты просишь сейчас тебе поверить, а ты тогда мне поверил? Разобрался во всем? Или же побежал быстрее наказывать, весьма приятным для тебя образом, как я припоминаю? А преступник дальше сидит в твоём офисе и радуется безнаказанности. Ведь виновные уже наказаны. Ты и сейчас меня прощаешь, но мне не веришь, за то хочешь, чтобы я доверилась тебе. После всего, что ты со мною сделал? Я у тебя всегда буду виновной. Стоит кому-то что-то шепнуть в мою сторону, и ты поверишь безоговорочно. И опять будешь наказывать?! — Он всматривался мне в глаза, как будто искал что-то и молчал. Меня же прорвало. Все то, что мучило эти полтора месяца, все о чем я даже запрещала себе думать нахлынуло вместе.

— Зачем было меня так унижать перед Ромой? Ты выставил меня шлюхой, которую можно поиметь прямо на рабочем столе, в перерывах между сделками.

— Я тебя предупреждал по поводу Романа. — Он вспыхнул, было видно, что пытался сдержаться. Эта тема как видно была ему особо не приятна.

— Кто ты мне такой чтобы предупреждать, приказывать, наказывать? Кто тебе дал право рушить мою жизнь?

— Рита не зли меня, я хочу забыть все, что было у тебя с Ромой.

— А там нечего забывать. Может, и было бы что-то хорошее, если бы не вклинился ты.

— Секс для тебя это ничего? — Он смотрел на меня с яростью и какой-то обидой, что ли? — Ты моя, понимаешь моя! И не спрашивай, кто так решил. Я так решил! А своим я не согласен ни с кем делится. И скажи спасибо, что после того как он от тебя вышел я ему челюсть не сломал. — Я смотрела на него огромными глазами и не верила тому, что слышу. Только что просил все забыть, эти полтора месяца вел себя как паинька, а сейчас опять приказывает, требует, сметая все на своем пути. Он неисправим. И почему мне это как-то даже нравится? Я ждала все это время какого-то взрыва всплеска, не верила, что он вдруг стал идеальным, и не понимала, что сама не хочу его идеального. Хочу того, который прижимал меня в танце, того, кто ласкал меня рукой у озера. Дерзкого, в какой-то степени наглого, именно того, кто будоражил мою кровь, но не монстра, что наказывал и унижал.

— У меня с Ромой не было секса. Все, что я говорила, было только для того, чтобы сделать тебе больнее. Ты этого тогда заслуживал.

— А сейчас не заслуживаю?

— Я не знаю, какой ты сейчас. Мне кажется это очередная маска. Пытаешься быть другим, не таким как на самом деле.

— И какой же я на самом деле?

— Не знаю. Я тебя совершенно не знаю. — Я смотрела на него и понимала, что говорю самую настоящую правду. Я его совершенно не знала.

— Я хочу все исправить. Хочу, чтобы ты меня узнала. Хочу узнать тебя.

— Как? Пойдешь и прикажешь всем сотрудникам не думать обо мне как о последней шлюхе? Или может, по мановению волшебной палочки, сотрешь из моей памяти те двое суток, что я провела в КПЗ? Или я, каким-то чудом, перестану вздрагивать от мысли о том унижении, что было у тебя в кабинете?

— Давай вычеркнем прошлое и попробуем начать все с начала.

— Моя жизнь не тетрадка, чтобы черкать сколько влезет. — Он молчал.

— Зачем тебе я, скажи? У тебя есть девочки покруче, и от них отбоя нет. Взять бы к примеру ту же самую Марину. — Мое напоминание о его бывшей, вызвало оскомину на лице. — Что во мне, тебя так привлекло? То, что я не упала ниц перед таким обаятельным и неповторимым тобой? Так ты только скажи, я сыграю достойно эту роль. Ты потом успокоишь свое эго быстро забудешь обо мне, и дашь наконец нормально жить. — Я помолчала минуту, а он не спешил меня перебивать. Глубоко внутри я не хотела, чтобы он меня сейчас отпустил, и оставил. Слово «оставил» даже мылено причиняло какую-то непонятную боль. Но и забыть все его поступки я не могла. Хотелось высказаться, акцентировать внимание на всем том что меня в нем бесит, чтобы хоть чуть-чуть изменился. Совсем другой он мне не нужен, но и с той жестокостью, что была я мириться просто не смогу.

— Ты сейчас такой добрый, обходительный, нежный, одним словом — идеальный. Но ведь я знаю, каким еще ты можешь быть. Я не золотая и когда-то по какому-то поводу тебя разозлю. И где я потом окажусь? На цепи в каком-то подвале, или в очередном КПЗ? А может, дашь меня во временное пользование какому-то маньяку, чтобы я на собственной шкуре прочувствовала, насколько ты лучше, чем он? — Меня прорвало. Я говорила обо всем наболевшем, о том, в чем даже сама себе еще не успела признаться. Слова сливались у фразы, и боль просто выливалась из меня. И почему-то становилось легче.

Он продолжал молчать. Обхватив руками руль, смотрел себе пол ноги. Мне казалось, что я сейчас вижу его настоящего. Без лоска и напыщенности, не созданный раскаивающийся образ, а именно его. Душу, в которой мается столько сомнений. Не грозный начальник и покоритель мира, а простой человек, со своими страхами и переживаниями.

— Я не знаю, что в тебе есть такого особенного. Ты думаешь, я себе не задавал этот вопрос? — Он повернул голову и посмотрел мне в глаза. Не просто в глаза — заглянул в саму душу. — Задавал и не раз. Я тебя расценивал со всех сторон. Пытался найти что-то такое, чтобы меня от тебя оттолкнуло. Не смог понимаешь? Не знаю почему, но меня к тебе тянет. — В его взгляде было столько муки. Это признание давалось с трудом. Он не привык таким образом выяснять отношения. В прошлом все заканчивалось в постели, а разговоры были только о том, что хочет в подарок очередная куколка.

— Я не буду ничего обещать, знаю только одно, что не смогу никогда тебя отпустить.

Я, молча вышла из машины, он не стал задерживать. Не знала, что ему сказать. Признаться, что и меня к нему тянет, сказать, что и сама хочу, чтобы не отпускал? А это так? Он просто вошел в мою жизнь и заполнил ее собой. А я так яростно этому сопротивлялась, что не было времени даже осмыслить, а может мне это действительно нужно. Может, я хочу, чтобы он был рядом, такой, которым он был этот последний месяц. Может, стоит попробовать, дать ему шанс? Дать шанс нам?

НИКОЛАЙ

Ее слова о невиновности меня заели. Что если это правда. Что если я действительно без причины все это время ее винил и наказывал. Об этом не хотелось даже думать. Но я уже далеко не маленький ребенок, и прятать голову в песок не мой путь. Вызвав на следующий день Сергея с Виктором из службы безопасности, я им коротко изложил свои сомнения.

Олег лежал на полу в луже собственной крови, ею же периодически и харкал. В зрелище было мало приятного, но лично я от этого получал огромное удовольствие. Час назад, заходя в его съемную киевскую квартиру, я не ставил себе за цель так зверски его избивать, но он, можно сказать, напросился.

Вычислить его было делом не из легких. Прятался от кредиторов, поэтому квартиры снимал посуточно, каждый раз меняя районы проживания. С помощью Степаныча, его знакомых, и их информаторов, мне все-таки удалось его найти.

Заходил в квартиру я один, открыв дверь ключом, который с радостью дала предприимчивая хозяйка за не большое вознаграждение. Олег сидел на кухне, успокаивая нервы дешевой бутылкой водки. Он был как раз в том состоянии, когда координация движений еще не нарушена, а язык уже основательно развязался. Мой приход сначала вызвал у него испуг, а потом, видя, что я один, он слегка расслабился.

— О Боже! Какими судьбами? Если вспомнил, что я тебе еще что-то должен, то ты слегка опоздал. Я гол как сокол. — Его жуткий обреченный смех разнесся по всей небольшой, заваленной хламом кухне.

— Я по другому вопросу. Мы с тобой разрывали наше сотрудничество на определенных условиях. Свои я выполнил, а вот ты схитрил. Помнится мне, ты обещал определенную информацию, а что в итоге я имею? Подставу. Не хорошо как-то получается, не находишь?

— Так ты расстроился из-за своей секретуточки? — Он заржал, чем еще на шаг сократил расстояние между своим носом и моим кулаком. — Что уволил телочку, не достаточно хорошо объездив, а теперь переживаешь, что возможно зря и уволил, еще бы покатался? — Он прервал свою глубокомысленную речь, чтобы вновь поржать, а я держался с последних сил — не врезать бы раньше времени. Не стоило прерывать его речь, если уж так потянуло на откровение. — Так вот знай — зря! Телочка то твоя была не виновата, меня попросили на нее указать. Даже бесплатно программу слили, только чтобы на нее указал, как на предателя.

— Кто?

— А-па-па! А вот дальше как в компьютерных играх. — Он покрутил пальцем вокруг воображаемой оси, показывая, что владея информацией, будет водить меня вокруг пальца. Глаза уже с трудом фокусируясь на мне, то и дело прятались под отяжелевшими веками. — Интересно услышать продолжение — плати! — И после этого пришел конец моей железной воле сдерживать себя. Его пьяная харя наконец-то налетела на мой кулак, а потом еще раз и еще...

И глядя на него сейчас, лежащего в луже собственной крови, я снова задал тот же вопрос.

— Кто?

— Твоя секретарша. — Он выплюнул эти слова вместе с очередной порцией крови, сочащейся из разбитого рта.

— Не правильный ответ. — Я наклонился, чтобы поднять его и в очередной раз познакомить с твердостью своего кулака.

— Правильный, правильный. Это другая секретарша. — Его слова были с трудом

различимы среди всего этого бульканья и плевания. Но я услышал. Этого было достаточно. В этот раз он не врал. В таком состоянии не врут.

РИТА

В очередной раз после кафе, куда мы по привычке заехали после работы на ужин, он подвез меня домой. А когда наклонился поцеловать, я не отстранилась, а нежно ответила на поцелуй.

— Может, зайдешь на кофе?

— А ты же его не любишь, и у тебя его дома не водится? — Подразнил он.

— Сегодня прикупила. — Глазами показала на сумочку, куда бросила банку, выходя из супермаркета. — Не заставляй меня пожалеть о своем предложении. — Я наиграно надула губы, но под этой наигранностью пряталась моя неуверенность. А вдруг откажет? И почему меня сейчас это так пугало?

— Все-все иду. С твоих рук даже яд выпью. — Он искренне улыбался и кажется, был по-настоящему доволен.

— Яд не дам, но на вкусный кофе не рассчитывай. Я его не люблю, и готовить не умею. Так что если не понравится, кривись незаметно, а то обижусь.

— Так уж и быть, проведу мастер класс по приготовлению этого напитка. — Он обхватил меня за талию и мы подшучивая поднялись ко мне в квартиру.

Кофе в его приготовлении оказался действительно вкусным. Хотя я и не люблю этот напиток, но он меня своей работой просто покорила, и не попробовать дело рук его я не могла.

Уже собираясь уходить — кофе давно допит, да и поздно достаточно, он спросил, то ли в шутку, то ли в серьез:

— Ты меня в постель конечно не пригласишь? — в этом был весь он. Задавать столь шокирующие вопросы в лоб. И ведь не шутил, смотрел с надеждой, что не прогоню.

— Какой ты догадливый!

— Так уж и быть, останусь опять голодным.

— Мне показалось, ты сегодня достаточно плотно поужинал.

— Вот смотрю на тебя и осознаю, что до одури голодный. И будь на то моя воля, ужинал бы всю ночь, а потом до обеда завтракал... — Николай мечтательно закатил глаза и тут же облизнулся как хитрый кот. Ни как не ожидала увидеть такое от него. А как вызывающе и эротично это выглядело. Он что меня соблазняет? И я готова была признать — это у него хорошо получалось. Кровь закипала в моих венах, и горячее возбуждение расплзлось внизу живота.

— А поцелуй на прощание я заслужил? — Как хорошо, что он об этом сам заговорил, ведь я готова была сама, бросится на него. Никогда не была столь развратной, почему он на меня так действует?

Подошла и привстала на пальчики, дотягиваясь до его губ поцелуем. В ответ он меня сгреб в охапку, прижал к ближайшей стене и впился с такой страстью, что голова пошла кругом. Я растворилась в этом поцелуе. Он сминал мои губы, врвался языком в рот и творил там невообразимые вещи. Я отвечала, выгибаясь в его руках, терлась о его тело, напрашивалась на ласки его рук, которые исследовали все мои жаждущие места. Я не могла ждать, хотела большего. Хотела ощутить в себе его внушительную твердость, которая сейчас впиралась в мой живот. То самое место зудело, и просило ласки, и он как знал это, пробравшись рукой в трусики, начал выделять там невообразимые вещи. Это мне ужасно

нравилось, но не давало удовлетворения, а только разжигало жажду. Мои руки блуждали по его телу: то врываясь в его густую шевелюру и дергая ее, то чертя багровые полосы на его груди, спине, плечах. Я никогда не была столь развратной, а сейчас в нетерпении расстегала его ремень, но он не поддавался. Не желая больше терять время, расстегнула змейку и полезла рукой к нему в боксеры. И только дотянувшись, обхватила руками эту гордую выпуклость, как он тут же оторвался от меня. Он взял мои руки за запястья и прижал к своей груди. Мы оба тяжело дышали, оба были возбуждены до предела, и я совсем не понимала, чего же он медлит.

— Нам нужно остыть.

— Я сейчас хочу не этого.

— Я знаю, чего ты хочешь, но не желаю, чтобы ты потом меня за это ненавидела.

— Какая тебе разница, что будет потом?

— Я устал дважды наступать на одни и те же грабли. Остынь. Завтра поговорим. — Он быстро развернулся и ушел, громко хлопнув дверью. А я стояла растерянная, неудовлетворенная и злая.

НИКОЛАЙ

Что за женщина? Она намерено сводит меня с ума. То подпускает, отдается со всей страстью, а потом говорит, что это ее самая ужасная ошибка. Теперь опять готова была отдаться. И я ели устоял, чтобы не воспользоваться этим. Не хочется ходить по кругу. Опять видеть обижено-осуждающий взгляд, чувствовать отстраненность. Как выйти с этого круга? Встретить утро вместе с ней, не дать ей время на размышления, чтобы она в очередной раз за ночь пририсовала мне рога и сделала монстром в своем воображении. И угораздил же меня черт увлечься такой девушкой. Или это не просто увлечение? Я увлекался и раньше, но чтобы вот так крышу сносило от одного взгляда — так никогда. С ней очень сложно, с ней просто невозможно, и вместе с тем я схожу с ума от одной мысли, что она будет не со мной. Что кто-то другой посмеет к ней прикоснуться, что на чьи-то чужие ласки она будет так же страстно отвечать.

РИТА

Утро не принесло ничего хорошего. Всю ночь провела в размышлениях, и лишь перед утром уснула. Он что, меня уже не хочет? Сколько времени ухаживал, сам говорил, что ко мне тянет, сам поцеловать попросил, что же тогда? Может это такая своеобразная месть, за то, что столько времени мозги выносила? Что ж у него получилось. Мне больно. Я зла на саму себя, что отвечала на его ласки. Я ведь с самого начала знала, что он мне не пара, что не подхожу под его идеал. Зачем же было увлекаться до такой степени, чтобы сейчас его отказ был столь неприятен? Куча вопросов и ни одного ответа.

За окном было пасмурно. Погода как нельзя точно соответствовала моему душевному состоянию. Знойная жара августа хоть на день прервалась моросющим дождем. Как-то даже не по-летнему. Обычно набежали тучи, пролился ливень, а через часик, даже лужу не встретишь. Одним словом — лето. Сегодня же затянуло не по сезону. Дождь то спускался сильнее, то прекращался, судя по тучам, такая погода обещала затянуться на несколько дней. А я хотела на выходных сходить с Катькиной семьей на море. Что ж, судя по тучам — накрылось мое море.

Заходя в офис, я не обнаружила Машу на своем месте. Странно она обычно приходила чуть раньше меня. Присмотревшись, увидела ее сумочку, раскрытый зонтик, стоявший в уголке для просушки. Значит Машка уже здесь, где же она пропадает с самого утра? Но

задумываться над этим вопросом долго не стала. Не увидать Машу с утра и не получить очередную порцию ее призрачного — велика потеря!

Судя по голосам из кабинета шефа, у него там была какая-то встреча. Я взглянула на часы, то ли я сегодня припозднилась, то ли все остальные пришли очень рано. Как оказалось такая погода действует на меня не лучшим образом, и опоздала я сегодня на хороших пятнадцать минут. Хоть бы не подумал, что я решила воспользоваться положением.

Через десять минут из кабинета шефа выскочила Маша. На ней лица не было. Нос красный, распухший, под глазами размазана тушь.

— Маша, что-то случилось? — И дернул же меня кто-то посочувствовать.

— Да, ты случилась! Если бы не ты, ничего бы этого не было. Это все из-за тебя. Из-за тебя, дрянь ты такая. Нужно было не подставлять, а прикопать тебя по-тихому где-то в леске. — После каждой ее фразы у меня расширялись глаза все больше и больше. Что она несет?

Из кабинета на шум вышел Николай. Маша за своей тирадой этого не услышала.

— И что в этот раз я сделала?

— Ты жизнь мою разрушила, этого мало? Что он в тебе нашел? Ни ума, ни фантазии. Маленькая серенькая мышка, а корчишь из себя не понятно что. Где он и где ты? — Она глазами указала в потолок и в пол, оценивая визуальную нашу с Николаем разницу. — Ты же даже не знаешь как себя в обществе вести, с тобой и на люди выйти стыдно. — Она смотрела на меня с презрением, а я даже не понимала смысла всей этой тирады.

— Ты все высказала Маша? Иди, собирай вещи, у тебя не так уж много времени, если не хочешь, чтобы весь офис видел задержание. — Она застыла от слов Николая. В глазах появилось все тот же обреченный взгляд. Уходя, еще раз взглянула на меня с ненавистью.

Я так и стояла в растерянности. Ничего себе утречко выдалось. Я смотрела на мужчину перед собой, а у самой уже начинали трястись руки.

— Что это было?

— Нашлась виновная в той подставе. — Ему не нужно было говорить о какой именно подставе идет речь.

— И ты ее так же наказал? — Я не знаю, почему это ляпнула. Кому хотела сделать больнее ему или себе? Потому что сердце от одной только мысли о подобном сжалось в тугую комок. Он не разозлился, подошел, обнял мое лицо ладонями и вытер слезы на щеках, и не заметила, когда они выступили.

— Таким образом, я наказывал только тебя. — Он улыбнулся, но в этой улыбке было больше грусти чем веселья. — Прости меня. — Он наклонился и прижался губами к моим волосам, вдыхая их запах и лаская меня своим дыханием.

День прошел как чумной. Я была слишком ошарашена Машкиным поступком и ее словам. Тогда я только слушала, а сейчас прокручивала каждую фразу и наконец-то все осмысливала. От куда в ней столько ненависти ко мне. Я ведь, по сути, ей ничего не сделала. Неужели из-за мужчины стоит идти на подобное? Слово «прикопать» у меня крутилось в голове целый день. Она готова была меня убить. И ведь даже не ради Николая, а ради тех благ, которые он мог бы ей дать. И скажи она мне это, каких то, два месяца назад, я бы ушла с ее пути, не задумываясь, а вот сейчас была готова бороться. Я готова за него бороться. Ха! Куда девалась моя гордость? После всех унижений и обид я все же хочу быть с ним. Хочу попробовать. Потому что вот оно, мое счастье, дотянись рукой и потрогаешь. Потому что сердце разрывается, когда представляю, что его не будет рядом.

Он снова зашел после работы ко мне на кофе. Снова готовил его сам, и мы пили, но молча. Не было шуток и заигрываний. Была какая-то необходимость побыть вдвоем. Не разговаривать, не шутить, просто находится близко друг от друга, чувствовать дыхание напротив, и глядеть в эти темные завораживающие глаза.

Кофе давно допит, а мы сидим и молчим. Возможно, даже думаем об одном и том же, но оба молчим. И это молчание не угнетает, мне хорошо молчать с ним вдвоем. Я не чувствую необходимости затыкать пустой болтовней это пространство. Он поднялся, протянул мне руку и повел в спальню. Это было так естественно, так правильно. Я была готова к этому, давно готова и наконец-то решилась. Без взглядов назад, без сомнений и сожалений. Все это спокойствие и умиротворенность закончились на пороге спальни.

Мы так и не дошли до кровати. Стена около двери ему больше приглянулась. Зажатая между твердой стеной и не менее твердым и горячим мужчиной, я просто плавилась от удовольствия. Он покрывал сначала губы, а потом и все мое лицо, шею страстными поцелуями. Меня закручивал этот омут удовольствия, и я мечтала, что бы он не останавливался. Сколько ненужных вещей, эти тряпки просто мешали к нему прикоснуться, почувствовать кожей кожу. Я срывала в порыве страсти его рубашку, не заботясь о ее целостности. Пуговицы рассыпались по полу, и я не знала от моей или блузки или от его рубашки. Да и не важно это, главное что его кожа сейчас чуть ближе к моей. Когда я наконец-то коснулась грудью его груди, почувствовала полный восторг. Хотелось тереться о него вечно, чтобы эти черные курчавые волосы, щекотали мои соски, чтобы горячая кожа обжигала мою... Мои юбка вместе с трусиками были сброшены вниз, а ноги закинута на его бедра. Я с ума сходила от его трений и имитации секса. Хотелось почувствовать его в себе, заполнить эту внутреннюю пустоту. Я врывалась руками в черные густые пряди его волос, и не знаю, то ли ласкала их, то ли дергала от нетерпения. Хотелось всего и побольше, хотелось его и побыстрее.

— Ну же...

— Что ну? — Он целовал мою шею, и я почувствовала, как он улыбнулся.

— Не издевайся. Я хочу тебя. Сейчас. — Слова срывались то ли с хрипом, то ли со стоном. А через мгновение я услышала лучший звук, который только могла сейчас услышать — звук расстёгивающейся ширинки. Он больше не медлил, и на месте его ласкающих пальцев, я почувствовала горячую набухшую плоть.

Меня пронзила сногшибательная волна удовольствия, когда он заполнил меня собой. В живот давила непривычная боль. Каждое его движение отдавало удовольствием, приправленным легкой болью. Сильные руки сжимали мои бедра, и он все быстрее и сильнее врывался в меня. Боль отступила, а дикая потребность в удовольствии, которое мог дать мне только он, разрывала меня изнутри. Я рвалась и стонала в его руках как раненое животное, требуя удовольствия, и он давал мне его. Я больше не могла сдерживать эту лаву в крови, зарывшись руками в его волосы, взорвалась, рассыпавшись мириадой звезд. Мой пронзительный визг слился с его рычанием.

Мы еще какое-то время приходили в себя, оставшись на том же месте и в той же позе. Я так и не расцепляла ног, обхвативших его бедра.

— В следующий раз обязательно сделаем это в постели. — Он проговорил это в мои волосы, неся меня на кровать. А у меня хватило сил, только на уставшую улыбку.

Когда в очередной раз перед сексом к его руке зашуршала фольга, я улыбнулась

— Не поздноато ли ты об этом вспомнил?

— Надеюсь, что нет. — Его серьезность сразу сменилась улыбкой. — Все те разы, как-то не до этого было.

— И я надеюсь. — Сквозь затуманенный страстью мозг, мелькнула какая-то мысль, что-то серьезное, но все тут же улетело, оставляя после себя какой-то не понятный тревожный след.

— Мы столько времени потратили на пустые ухаживания. Нужно наверстать упущенное.

— Они были пустые?

— Сейчас я покажу тебе, насколько пустые, и как много ты потеряла.

И он показал и не один раз.

— А ты купалась во время дождя? — Мы пили утренний кофе. Оба молчали. Каждый по своему анализировал вчерашние события. Или может мне так казалось. По крайней мере, я ни о чем ином и думать не могла. Все реала правильно ли поступила.

И как может быть в одном человеке столько сомнений? Не сделала — сомневаюсь, сделала — тоже сомневаюсь. Всю жизнь, глядя на маму, ее поведение и жертвенность по отношению ко мне, пытаюсь жить правильно, не разочаровать, не посрамить своими поступками. Контролирую каждое слово, каждый поступок. А лучшего контролера, чем собственная совесть и обостренное чувство вины и придумать нельзя.

— Нет. А у тебя есть предложение? — Мысли и сомнения отошли на задний план.

— У мен всегда есть идеи и предложения, правда не все тебе понравятся, но все же. — Он хитро улыбнулся. И я даже не хотела знать обо всем, до чего додумается его слишком яркая фантазия. За прошедшую ночь он удивлял меня не раз, и я поняла, что в этом направлении я ему не соперник. — Но вернемся к купанию под дождем. Собирайся, через двадцать минут выезжаем.

Даже, невзирая на то, что на улице середина августа прохладный дождь заставлял слегка дрожать. Пока я добежала до машины, капли дождя попадающие за шиворот взбодрили лучше любого кофе. И уже сидя в машине, я смотрела на размеренную походку своего мужчины. Он шёл, не сгибая плечи, не наклоня голову, он даже не пытался ускориться. Просто шел и как будто наслаждался, а холодные капли, насквозь промочившие майку, его не волновали. Он получал от этого удовольствие.

Вода, стекающая по насквозь мокрым волосам, капала на шею. Тонкие струи заползали под майку, туда, где косые стрелы дождя еще не успели все замочить, оставляя тонкие мокрые полосы. По скулам стекали ручейки, несколько капель попало на губы, и он их слизнул. От этой картины я и сама облизала вдруг пересохшие губы.

Никогда не была столь падкой на красивое мужское тело, дурочкой. Меня больше отталкивал, чем возбуждал мужской стриптиз, но в его исполнении я бы это посмотрела и желательно с продолжением. Да и чего греха таить даже готова была бы заплатить за подобное представление. Боже, Рита, до чего ты дошла? Смотришь на мужчину и пускаешь слюни.

Где-то внутри зашевелилось что-то сродни удовольствию — это все мое. Я смотрела на него взглядом голодного хищника. Руки аж зачесались. Мне уже не страшен был дождь. Хотела открыть машину и пойти на встречу. Что сделать? Потрогать, пощупать, облизать. Вон ту струйку, что бежит по правой скуле я бы точно слизала языком, останавливаясь в уголке губ...

Я все же заставила себя отвернуться — не видеть на него и не сходить с ума.

— Ты на меня так смотрела, что я готов прямо сейчас, схватить тебя, развернуться и пойти назад в постель. — он сел в машину весь мокрый, хитро мне улыбаясь, а я как провинившаяся школьница, засмушалась. Меня бросило в жар от его слов, и сейчас бы с радостью вышла под дождь, чтобы немного остыть.

— Ты так мило краснеешь. — И не знаю сколько бы он еще с меня так издевался, если бы я не взяла себя в руки.

— Все, хватит меня смущать! Ты хотел ехать купаться под дождем. И я хочу на это посмотреть.

— Не я а мы. Мы будем купаться. Вдвоем. — И почему он так улыбается. Это не улыбка, а провокация, и мне даже стыдно признаться, на какие поступки она меня провоцировала.

— Нет, я на это не подписывалась. — У меня самой уже губы растянулись в ответной улыбке, хотя пыталась говорить серьезно. — На тебя смотреть буду, а сама в холодную воду не полеку. — Честно призналась я.

— Посмотрим. — И что значит это его «посмотрим»? — Он слегка приподнял левую бровь и уже не улыбался — ухмылялся. И чего эта ухмылка меня раньше выводила из себя, злила, а сейчас так будоражит кровь?

— Я говорю нет, значит нет! — Глупость какую-то несу, особенно если учесть, что при этом всем улыбаюсь на все 32. Но решила добавить более веский аргумент. — Я даже купальник не одела, чтобы не соблазниться.

Он ни чего не сказал, но по-прежнему улыбался. И ведь даже не спорил, а я видела, что со мной не согласен. И как тут доказывать свое мнение, когда с тобой даже не спорят?

Мы ехали достаточно долго. Куда именно он меня вез, я точно не знала. Шел дождь — мягкий, морозящий. То приостанавливался, то снова спускался. Мелкие капли воды били по лобовому стеклу, оставляя ручейки следов, стекая на капот. За стеклом был самый обычный летний пейзаж, но он меня завораживал. На скошенных полях разрасталась зеленая трава. Капли дождя, казалось, оживляли все присушенное и спекшееся от обжигающего летнего солнца. Все живое тянулось вверх, впитывая в себя эту влагу, впитывая в себя саму жизнь.

Я и не заметила, как мы свернули за небольшим прибрежным городком. Впереди и сбоку равнина, а внизу шумит прибой. Мы ехали над обрывом, это было одновременно и страшно и захватывающе. Он свернул к обрыву и спустя каких-то пять минут виляния по змеевидной дороге мы выехали к морю. Вид был завораживающий — тихое море, с легкими набегаящими на берег волнами, а по всей поверхности сплошная легкая рябь, от падающих крапинок воды.

— Пошли купаться! — Николай уже снимал через голову футболку, открывая моему взгляду рельефные мышцы. Никогда не присматривалась, как смотрятся ребра накачанного мужчины, когда он поднимает руки вверх. Оказывается красиво. Да что там красиво — сногшибательно! И почему столько разговором о прессе? Тут есть на что посмотреть с любого ракурса.

Я невольно закусила нижнюю губу, когда его руки опустились на пряжку ремня. А когда в расстегнутой ширинке джинсов показалась черная ткань трусов, мои глаза только туда и смотрели. Как издали слышала смешок, взглянула ему в глаза и увидела искорки веселья.

Еще раз поражаюсь, почему меня раньше так раздражало его подшучивание надо мной? Сейчас меня это цепляло, заводило, заставляло краснеть от смущения. И мне это определенно нравилось.

— Я не пойду. Я лучше здесь посижу, посмотрю. — Его взгляд, слегка осуждающий, заставлял меня оправдываться. — Я же говорила, что даже купальник не взяла.

— А кто сказал, что он тебе понадобится? — Я какое-то время соображала, что он хочет этим сказать. Все-таки вид его раздевающегося губительно подействовал на мои мозги. Когда же дошло, я аж рот открыла от возмущения. Но так и не успела ничего сказать — Николай наклонился и впился в мои губы поцелуем. Это не был долгий поцелуй, но страсти в нем от этого было не меньше. Ощущение такое, что он хочет меня поглотить, всю

без остатка. И я сама готова была раствориться в нем.

Его руки залезли мне под майку, и я не успела опомниться, как майка оказалась снята. Лифчик полетел где-то на заднее сидение. Я даже не успела возмутиться, а потом уже и не хотела, поскольку его губы и руки вытворяли с моим телом очень приятные вещи, и голое тело получало от этого всего на много больше удовольствия, чем одетое.

И куда девается мой здравый смысл в эти моменты? Почему я с ним теряю всякое представление о стыде и скромности? Мои джинсы уже были приспущены. Я не знала, как Коля собирается здесь этим заниматься, я даже не задавалась этим вопросом. Для меня было главное, чтобы он не останавливался.

Но он остановился. Открыл дверце и вышел с машины. Я уже хотела возмутиться, но когда увидела, что он абсолютно голый обходит машину и направляется ко мне — заулыбалась. Его вид наполнял меня трепетом предвкушения, а сам смысл, что он голый среди дня щеголяет по пляжу, вызывал улыбку.

Когда дверь открылась, и он обхватил мои икры, стягивая штанины, я не возмущалась. И когда залез рукой в трусики, лаская бедра и самую чувствительную точку моего тела, я была просто в восторге. Позволила ему стащить с меня трусики, и уже отодвигалась вглубь машины, чтобы он мог присоединиться ко мне, но он схватил меня за те же самые икры и потянул к себе. Прохладные капли, попадая на открытую кожу, вызывали вздрагивания, и я запищала от неожиданности.

— Пошли купаться! — С этими словами он выдернул меня с машины, подхватывая руками под попу. Я обхватила его за шею и повисла на крепких мужских бедрах.

— Нет! Ты что делаешь? Отпусти! — я пищала и дергалась, пытаюсь вырваться. Но куда уж мне против этой груды мышц.

— Ритуль, я же говорил, мы идем купаться. — Его это веселило! Я же кипела праведным гневом.

— Ты же... Я думала...

— Что ты думала? — Да он сейчас заржет! Хотелось стукнуть его чем-то.

— Коля, так не честно! — Я хлопнула его ладошкой по плечу. Так хотелось угреть хорошенечко и сбить эту раздражающую меня радость. И еще не так давно я восхищалась его вот этой улыбкой? Да быть такого не может!

— То что ты думала, кошечка, мы сделаем в море.

— Что? Ты с ума сошел? Я туда не полезу.

— А тебя никто и не спрашивает.

— Я голая!

— Я знаю. — Ну что ему ответить на все это? Достучаться до здравого ума явно не получится, оставался только один вариант — молча отбиваться и попытаться улизнуть в спасительное пространство машины. А там уже и одеться можно.

Ему надоело отбиваться от моих рук и пытаться удержать меня в такой позе. Голые и мокрые тела постоянно скользили друг об друга, и мен приходилось постоянно подбрасывать выше. Да и от того что я вертелась как уж пытаюсь от него ускользнуть ему легче не становилось. Коля поставил меня на песок, и я уже обрадовалась, что меня, наконец-таки услышали, но нет. Он чуть наклонился и забросил меня животом себе на плечо.

И так, торча попой кверху, и ощущая на этой самой попе прохладные капли дождя, я была доставлена в воду.

Коля приспустил меня ногами вниз, давая потереться о свое тело, которое я вам скажу, было в полной боевой готовности. И только из-за одного этого трения, я была готова забыть тот метод, каким он меня непосредственно транспортировал в это самое море.

А вода оказалась на удивление теплой. И сидеть в ней по самую шею было гораздо приятней, чем находится на прохладном дожде. Но меня это волновало ровно до тех пор, пока Коля не приступил к выполнению своего обещания. А именно — заняться «этим» в море. И я даже не успела толком возмутиться тем, что он притащил меня сюда совершенно голую, и не бай Бог кто-то появится на пустынном берегу, а мы здесь — в чем мать родила.

Теплая ласкающая вода моря, прохладные капельки дождя и горячий мужчина, врывающийся в меня на безумной скорости. Ощущение ни с чем несравнимое. А еще где-то внутри шевельнулась мысль — а вдруг кто увидит? И она не столько пугает, столько еще больше будоражит кровь. Когда я успела стать такой? Даже не знаю, каким словом себя описать. Толи бесстыдная, толи распущенная. А может живая?

Когда мы опомнились, дождь временно прекратился, а на берегу, около нашей машины стоял еще один внедорожник. И вот тут ко мне вернулись и моя скромность и чувство стыда и злость на Николая, что он так опрометчиво забросил меня в воду голышом. А в голове крутился один и тот же вопрос: «Как в таком виде выйти с воды?».

— Там случайно нет детей? А то будет как-то не очень. — Он подплыл сзади и прижал меня спиной к своей груди, я даже не заметила когда отплыла.

— Что ты собираешься сделать? — Но он ничего не ответил, отплывая от меня к берегу. Он плыл, пока вода не дошла до пояса, а потом поднялся в полный рост и без грамма стеснения пошел к берегу. Не на корячках полз в мелководье, чтобы хоть как-то прикрыть свою наготу, не зажимался, не прикрывался руками, просто шел. Не ускоряя шаг, но и не медлил. Спокойно, как вроде каждый день щеголяет голышом перед случайными прохожими.

На берегу стояли два парня и девушка. Несколько минут назад прекратился дождь и они вышли из машины. Мне с воды было видно, как парни увидев Николая голышом, заулыбались, и наверное, разразились бы смехом, если бы увидели его зажатость или стеснение, а так, спустя какое-то мгновение, просто развернулись в другую сторону. Девушка же пыталась прятать глаза и даже, кажется, покраснела, мне плохо было видно это с воды, но все же незаметно посматривала в его сторону.

— Во шлюха! Тебе своих двух мало? Нечего на моего пялится! — Я не стала орать подобного, просто пробубнила себе это под нос.

Николай быстро одел трусы и уже с развернутым полотенцем направился в мою сторону.

Я выходила из воды в багровом цвете, под пристальные взгляды недалеко стоящих парней.

— Мне так нравится твой румянец. — Он обнимал меня закутанную в полотенце и нагло ухмылялся.

— А тебе, я так понимаю, чувство стыда не ведомо.

— Чего стыдится? Ты думаешь, они никогда не видели голого мужика? Или стоило посинеть в воде, в надежде, что они уедут? — Я даже не знала, что на это ответить. Меня жутко раздражали те взгляды, что тайком бросала на него присутствующая здесь барышня. Николай проследил мой взгляд.

— Да ты у меня ревнивая, кошечка! — Он завпечатлил на кончике моего носа поцелуй и

крепче обняв, повел к машине.

Наконец-то за все это последнее время я ни о чем не волновалась. Причина всех моих переживаний и волнений была сейчас здесь со мной, и он дарил мне так же волнения, но очень приятные. С ним не бывает скучно никогда. Он буря, которая не оставляет меня равнодушной, как в гневе так и в удовольствии.

В последнее время мы ночевали у меняю. Я расширила запас продуктов, так как покушать хотелось иногда после бурной ночи. Да и завтракать Николай привык основательно. С того памятного дня Маши в Офисе больше не видела. Николая не спрашивала, не хотелось ворошить не приятные воспоминания. Все как-то утряслось само собой, и я не хотела ничего ворошить. Я была просто счастлива и наслаждалась этим. Осталось одно но. Что-то терзало меня внутри, что-то что я упустила, обошла вниманием. Что-то важное, что напрочь вылетело из головы.

И это важное, вспомнилось как нельзя не вовремя. При разрывании в очередной раз блестящей фольги на презервативе, меня осенило воспоминание. У меня же задержка! Я даже не знала, на сколько — никогда за этим тщательно не следила. Примерно знала даты, они всегда шли с опозданием на недельку, а учитывая стресс последних месяцев, и не удивительно, что задержка увеличилась. Хоть бы это была единственная причина. Да и не было у меня больше никаких признаков — ни головокружений, ни тошноты по утрам. Вполне здоровая и чувствовала себя отлично. Так что, зря скорее всего, себя накручиваю.

Я не хотела беременности, просто не готова была к этому. Да и он был не готов. У нас только все начало налаживаться, не хотелось это портить. Интересно сколько женщин вот так к нему приходило и говорило «Милый я беременна! Женись.»? Мужчины боятся слова «Женитьба». И Николай не исключение. Да и я не готова к подобному шагу. Учитывая его характер и собственнические замашки, давать ему неограниченные возможности на владения мной? Нет уж, увольте. Сегодня же надо заехать за тестом и развеять наконец-то все страхи.

И мы заехали. Я не хотела, что бы он знал о моих подозрениях, да и зачем, скорее всего я себя накручиваю, поэтому соврала про боль в горле. Уже подъезжая к подъезду, Николай сообщил:

— Ритуль, я сегодня не зайду. Там Наум из командировки вернулся. Нам нужно встретится, переговорить.

— Хорошо. — Конечно ничего хорошего я не испытывала, но дела есть дела. — А почему раньше не сказал? Я бы сколько продуктов на ужин не брала.

— Не хотел тебя расстраивать. — Он говорил и как бы чувствовал за собой вину. Меня это насторожило.

— А сейчас я, по-твоему, не расстроюсь?

— Сейчас я поеду, и не буду видеть твое недовольное лицо всю дорогу. — Я открыла рот в немом возмущении, а он нагло улыбался мне на все тридцать два.

— Ну все Ритуль, не обижайся. Мне реально с ним нужно переговорить. — Он нежно коснулся моих губ поцелуем, и все обиды и возмущения исчезли бесследно.

Около полуночи раздался телефонный звонок. Я взяла трубку, даже не глядя на экран. Так поздно мог звонить только он.

— Привет солнце, ты уже освободился?

— Твое солнце сейчас очень занято, и явно не тобой. Хочешь посмотреть, приезжай к нему. — В трубке послышались гудки. Меня обдало холодом. Говорил женский голос, и мне показался он знаком. Я перепроверила номер, с какого был произведен звонок — это был номер Николая.

Сердце колотило, отдавая ударами в ушах. Руки тряслись от волнения, а я ходила по комнате, взад-вперед не зная, что делать. Через несколько минут, успокоившись хоть немного, я решила и вызвала такси. Глупо закрывать глаза и прятать голову в песок, стоит все же посмотреть правде в глаза. Я так и пробегала с краю в край по квартире дожидаясь такси, не соизволив даже переодеться. В цветастой атласной маечке и шортиках я так и села в машину. Водитель если даже и взглянул на меня как на девушку слегка «того», то я этого не заметила. Все мои мысли были о нем. Пока я ехала перед глазами были сцены одна развратней другой. Я ведь знала каким бабником он был и глупая надеялась, что не окажусь очередной обманутой, а буду той единственной.

Я молча зашла в фойе. Швейцар, видя мой внешний вид и душевное состояние, не решился со мной спорить и пропустил без слов. Может здесь, еще сыграло и распоряжение Николая всегда без вопросов пропускать меня к нему. Мне было сейчас это не важно.

После третьего звонка мне открыла дверь девушка. Я ее раньше с Николаем не видела, но ведь это не показатель. Сколько я его знаю — четыре месяца, и уже за это время насмотрелась на энное количество девиц. До этого он ведь тоже имел бурную личную жизнь.

— Девушка, а где пицца? Или вы не... ик. — Она пьяно улыбнулась и попыталась сфокусировать расплывающийся взгляд, сначала на мне, а потом на моих пустых руках. Ища взглядом коробку с пиццей, которую они видимо заказали.

Я ее оттолкнула, что оказалось не сложно сделать, и прошла внутрь. В гостиной на диване, около столика с выпивкой сидел Николай с Мариной на руках. Так вот чей голос мне показался знакомым в телефоне. Это она мне звонила, хотела наглядно показать свой триумф и мое падение. Напротив них расположился Наум Павлович, и это видимо с его коленок соскочила та курица, что открывала мне дверь. Мне они сейчас были не интересны.

Я смотрела на Николая. Марина, выкручиваясь на его коленях, пыталась притиснуть голову моего мужчины к своему выпирающему декольте. Моего? Нет уже не моего мужчины. А был ли он когда-то мой? Я всматривалась в его глаза, пытаюсь увидеть там того мужчину, который еще несколько часов назад страстно целовал мои губы.

Его взгляд расплывался. Он смотрел на меня и не узнавал, а потом, пьяно моргнув несколько раз, расплылся в улыбке. Марина, сидящая на его коленях, единственная из этой компании была самая трезвая.

— Кажется кто-то пришел без приглашения. — Она громко рассмеялась и обхватив голову Николая присосалась к нему глубоким поцелуем. Он сразу попытался поднять руки, толи чтобы ее оттолкнуть, как мне хотелось думать, толи чтобы прижать посильней, но они его уже не слушались, и безвольно опустились вдоль тела. Марину это нисколько не волновало, она прижала его к спинке дивана и устроила показательно длинный поцелуй в засос. Я так поняла лично для меня.

Не стала досматривать это шоу до конца, развернулась и просто выбежала из квартиры. Глаза залиты слезами ничего не видели. Я не знаю, сколько кварталов, и в каком направлении пробежала по ночной Одессе, когда выдохлась из сил и прижалась спиной к холодной стене. Понимание ситуации, в которой я оказалась, накатило на меня лавиной. Я, почти голая, по среди ночи, бегаю по незнакомым улицам, в огромном городе — хуже просто не придумаешь. Взяв себя в руки, попыталась выйти на более-менее оживленную дорогу и поймать такси.

Через сорок минут я звонила в дверь единственному человеку на всем белом свете,

которому могла бы довериться, и который всегда готов был меня поддержать.

Катя открыла дверь, сонно потирая глаза, и уже готова была взорваться на позднего визитера, но увидев меня и мое состояние, ничего не спросив, провела в гостиную. Я, молча села на кресло, а она расстелила диван.

— Выпить хочешь? — Единственное что она спросила. Я мотнула головой, так как каждое слово тонуло во всхлипах и рыданиях.

Не смотря на полное бессилие и усталость, я половину ночи проворочалась без сна. Голова шла кругом от нескончаемых мыслей, перед глазами стояли картины одна другой хуже. Слезы сами лились на подушку, а я уставилась взглядом в одну точку на потолке, ничего не замечая. Буйный всплеск прошел, осталась боль, безумно режущая все внутри. Казалось, что кто-то вырвал с меня живьем душу, и в одночасье лишили меня всякого смысла жизни. Мир разрушился, рассыпался на маленькие осколки, которые собрать и склеить просто невозможно.

Почему его предательство так больно ранило? Ведь еще три месяца назад, я знала, что он не для меня и всячески пыталась его избегать. Он человек другого круга, с совсем иными представлениями об отношениях между мужчиной и женщиной. Может для него это нормально, может он это даже изменой не считает?

Что это такое, я пытаюсь найти ему оправдание? Почему, даже после того как глазами видела всю ужасную правду, сердце просто не хочет в это верить? Может действительно счастлива только та женщина, которая ничего не знает о своем мужчине? Неужели мужчины все гуляют, просто одни женщины об этом знают и страдают, а другие счастливы в своем неведении?

Утром я все рассказала Кате. Она сама съездила ко мне на квартиру, собрала мои вещи и ключ оставила у соседки. Я не выходила на работу. На телефон поступало множество звонков, но ни одного от него. А я глупая держала телефон около себя в надежде, что он позвонит и извинится. А я бы простила? Не знаю...

Первые сутки я планировала игнорить все звонки, а на третьи уже мечтала увидеть на светящемся табло знакомое «ЧМО». Я его так и не переименовала в своей телефонной книге, все не было когда, да и весело как-то было. А вот сейчас это обращение ему подходило как нельзя лучше.

Сердце разрывалось от боли. Хотелось выть, кричать, рвать на себе волосы. Хотелось вытащить из груди ту часть себя, что так щемит и выбросить ее куда-нибудь подальше. Лучше я никогда бы в жизни не чувствовала ничего вообще, нежели потом переживать такую боль. Я только сейчас поняла, что я действительно его полюбила. Полюбила только для того, чтобы потом умирать от этой боли. На телефон поступали звонки только с работы и от мамы. А я не могла ни с кем говорить. Хотелось услышать только его. Пусть бы позвонил, придумал какое-то оправдание и показал этим, что я ему не безразлична. Я не знаю поверила бы или нет, простила бы? Но так хотелось знать, что этот последний месяц был важен и для него тоже, что он не просто игрался со мной, как с очередной своей девочкой. Вспоминались слова сказанные тогда в машине, о том что запала в душу. И я ему тогда верила. Неужели то была игра, или может успел за этот месяц поостыть ко мне?

Когда зазвенела опять знакомая мелодия вызова, я сорвавшись побежала к телефону. На дисплее высветился номер офиса. Боль разочарования резанула с новой силой, схватив телефон швырнула его в открытое окно. Полет с девятого этажа не давал никакой надежды на его сохранность. И уже через десять минут я рыдала из-за своего глупого импульсивного

поступка. И вовсе не потому, что мне было жалко телефона, я боялась, что если он все же решится позвонить, то не сможет ко мне дозвониться. Катька не давала мне все это время его самой набрать, взывая к моей гордости и чувству собственного достоинства. И только воспоминание о том, как я маленькая глупышка бегая за отцом, и умоляю его вернуться, а он разворачивается и все равно уходит, меня остановили от очередного подобного поступка. Я больше ни перед одним мужчиной не буду унижаться, и просить его ко мне вернуться. Никогда.

Спустя трое суток моей подруге все же удалось собрать как-то меня в кучку. Нет, боль не прошла, просто она все же достучалась к моей гордости.

Катька как-то объяснялась с моей мамой. Не знаю, что она ей говорила, но мама перестала наяривать, умению Катьки убеждать можно просто позавидовать.

Больше я ждать не могла. Призрачная надежда сгорела вместе с частью моей души. Там поселилась полная апатия и безразличие ко всему, что меня окружало. Нужно было что-то менять. И кардинально. Поменять место жительства, окружающих — все, чтобы ничего не напоминало о нем. Может тогда, со временем эта боль немножко утихнет.

Возвращаться в родной город к маме в таком состоянии я просто не имела права убивать ее своим видом. Хотелось полностью поменять окружение, не видеть ни одного знакомого — не вспоминать. Но я ни о чем другом и думать не могла.

Выбор пал на Измаил — город, в котором провела студенческие годы. Город, в который в свое время так не хотела уезжать и к которому за пять лет учебы прикипела душой.

Я сняла квартиру и уже неделю бегала на собеседования по поиску работы. Купила новый телефон и симку, куда вбила только два номера — мамы и Катьки. Маме я так и не решилась ничего рассказать, ссылалась на вечную занятость. Она думала, что я все также живу в Одессе и у меня все хорошо. Я когда-нибудь позже ей все обязательно расскажу, когда сама обо всем этом смогу говорить и не вздрагивать от рыданий, когда пройдет боль и чувство безумной потери хоть немного поутихнет. Ей с ее больным сердцем не нужны лишние волнения.

НИКОЛАЙ

Наум после обеда позвонил и сообщил, что хотел бы встретиться. Я предложил заглянуть ко мне. Нам многое нужно было обсудить лично, да и поболтать с другом за бутылочкой пива хотелось. Интересно будет посмотреть на его реакцию, когда я сообщу о своих отношениях с Ритой. Помнится он переживал, что мне придется увольнять ее после того как с ней пересплю, чтобы не мозолила глаза и не преследовала на каждом углу. Знал бы он, что с ней все вышло ровно наоборот. Я сейчас ради нее сам готов уволиться с собственной фирмы, как бы абсурдно это не звучало.

Я бы предложил Ритке посидеть с нами, и даже мысли не было, что она нам помешает в чисто мужской компании, но зная Наума, я передумал. У нас с ней все так призрачно и непонятно в отношениях, я побоялся, что Наум с его характером сболтнет чего лишнего, и она обидится. Боялся спугнуть удачу. Я вообще много чего начал бояться после того как она появилась в моей жизни. Правду говорят, когда нечего терять ты отчаянный и смелый, а когда есть, сотни раз подумаешь, прежде чем совершить тот или иной поступок. А на сегодняшний день у меня была Ритка и я боялся ее потерять больше всего на свете. Как не стыдно мне взрослому мужику в этом признаваться, но я реально боялся ее потерять. Где-то внутри пришло осознание, что это она — женщина, ради которой можно свернуть горы.

Он пришел не один. Увидеть Марину с ним я как-то не ожидал, мы с ней все между

собой решили достаточно давно. С ними была еще одна девушка, ее он представил как Анну. Все они были уже слегка навеселе. Наум скорее всего рассчитывал сделать мне приятный сюрприз, захватив с собой мою пассию, но не увидев вдохновения на моем лице понял свой промах. Выставлять Марину за дверь было как-то неудобно, разговор с другом по душам накрылся медным тазом, настроение у меня упало, и соответственно градус раздражительности поднялся.

— Обязательно было за собой шлях тащить? — Я не стеснялся в выражениях. Барышни обидятся и уйдут — ну что ж, я к этому и стремился. Но Марина обижаться не планировала, как буд-то я говорил не о ней. Она зазывно улыбалась, как будто услышала комплимент, а не унижительную фразу в свой адрес.

Наум понял, что его сюрприз меня не обрадовал, попытался забрать девушек и уйти, сославшись на свое обещание сводить их в клуб. Но тут встряла Марина, настаивая выпить хоть по рюмке коньяка за встречу, а потом сразу же уехать. Она взяла бутылку коньяка из рук Наума и пошла на кухню за бокалами. Марина бывала здесь не раз, и знала, где находится посуда. Глядя ей в спину я до жути злился и не только од того, что она здесь находится. Меня сейчас раздражали ее замашки хозяйки. Хотелось видеть на ее месте совсем другую девушку.

И почему я до сих пор не предложил Ритке переехать ко мне? Наверное, потому, что боялся отказа, боялся спугнуть такие хрупкие отношения своей несдержанностью.

Марина разложила уже наполненные бокалы тут же в гостиной на стеклянном журнальном столике, притащив с холодильника сыр на закуску. Я, скрипя зубами, смолчал, чтобы не высказаться на тему: кто она здесь такая и какого хрена лазит в моем холодильнике?

Резко выпил, крепкий алкоголь обжег горло, со стуком поставил бокал на столик и выжидающе уставился на Наума. Марина тут же разлила спиртное повторно, предлагая выпить еще по одному. Я готов был выпить пол бутылки с горла, лишь бы спровадить их отсюда. Эту рюмку я выпил с такой же скоростью, как и первую, показывая этим свое нетерпение.

Но, уже ставя рюмку, и выпрямляясь в стоячее положение, меня немного пошатнуло. Ощущение было необычное. Даже не состояние опьянение, а какая-то необычная слабость. Да я никогда так быстро и не пьянел. В глазах слегка потемнело, руки и ноги налились свинцом. Я не без помощи Марины приземлился пятой точкой на диван и пытался прийти в себя, но этого не получалось. Меня до жути клонило в сон. Марина села на мои колени, а у меня не было сил даже сбросить ее с себя. Наум с подозрением на нас посматривал. Спасибо ему уже за то, что не пошел на ее уговоры и не оставил нас вдвоем. Я реально ели держался в сознании.

И тут я увидел ее. Мое спасение! Мне как-то даже легче стало от одного ее присутствия. Почему она стоит такая расстроенная, в глазах столько боли? Хотелось подняться и утешить, но тело меня не слушало. Мне кто-то ее заслонил, надо мной повисло чье-то лицо размытым пятном, мои губы кто-то облизывал слюнявым поцелуем, но все это было не важно, я хотел видеть ее. Я попытался оттолкнуть эту слюнявую гадость, которая впиалась в меня с силой пиявки, но руки не слушались. Мне не хватало сил даже хоть как-то пошевелиться. И тут глаза заволокло пеленой, и мир потух.

Очнулся я в реанимации, на пятые сутки. Вспомнить события того вечера получилось с трудом. Сидевший рядом Наум по ходу моих воспоминаний заполнял отсутствующие

пробелы. Он же и рассказал, что когда Марина все-таки отцепилась от меня со своими поцелуями, он увидел, что я отрубился. Когда тормошение и несколько пощечин не привели меня в чувство, вызвал скорую. И уже в больнице определили, что в моей крови лошадиная доза клафелина.

Марину арестовали. Отнекиваться у нее не получилось, Наум все-таки мужик с головой, сразу понял, что к чему. А дозу она случайно переборщила, так как раньше никогда этого не делала и хотела, чтоб наверняка. Когда мне подали телефон, я тут же набрал Риту, номер был в не зоне доступа. На работе все это время она не появлялась. Я понимал, что достучаться до нее будет сложно, но как оказалось найти ее еще сложнее.

К вечеру я всеми правдами и не правдами выписался с больницы. На квартире ее не было, все вещи пропали. Соседка сказала, что забрала все вещи и вместе с тем отдала ей ключ не сама Рита, а совсем другая девушка. По описаниям скорее всего это была Катерина. Но сама Катя отказалась со мной разговаривать, а когда я ее подсторожил у подъезда, сделала вид, что меня не узнает и молча направилась по своим делам. Я как дурак, шел рядом с ней и задавал вопросы, на которые даже не реагировали. Такое ощущение, что разговаривал со стеной. Я мог нажать на нее, но не хотелось прессовать Риткину лучшую подругу.

Придумав несуществующую проблему позвонил ее маме, но как оказалось та в полной уверенности, что дочь жиивет в Одессе, работает секретарем в очень хорошей фирме и у нее все замечательно. Новый номер телефона посторонним людям она не захотела дать. Но тут уже дело техники. Поковырившись несколько минут в данных телефонной компании, узнал, с каких номеров в последнее время звонили ее матери. Я нашел с десятка два номеров. Общительная, однако, оказалась моя будущая теща! Пробив все номера, зарегистрированными оказались большинство, а обзванивая остальных, отшил еще несколько. Остались два неопределенных номера, и оба абонента совершали звонки и к Катерине и к Риткиной матери. Один с абонентов не отвечал, но находился в Одессе, другой был временно недоступен.

Мне пришлось изрядно помотаться, чтобы найти хозяина, не отвечающего номера. Ей оказалась женщина кардиотерапевт, с очень насыщенным графиком. Я мотался за ней по всему городу, пока нашел и выяснил, что это не тот человек, который мне нужен. Надежды рушились одна за другой. Меня охватывала какая-то паника.

Я уже искал ее раз, догонял, не давая улизнуть. Тоже нервничал, но тогда больше злился, психовал, по тому что было не по-моему. Я и только я должен все контролировать. Сейчас же у меня было просто отчаяние. Я не мог даже представить себе как я буду жить если ее так и не найду. По ночам снились ужасные сны, что встречаю ее через несколько лет с мужем ребенком — счастливую. Я после таких снов просыпался в холодном поту и готов был рвать на себе волосы от безысходности. Мне не хватало запаха ее волос и ощущения этого гладкого шелка на своих руках.

Мне стал чудиться ее голос. Недавно проезжая около парка с открытым окном, я услышал ее голос. Резко ударил по тормозам, выслушивая речь из отборных матов, от ехавшего сзади водителя. Я вернулся, чтобы убить час времени, петляя по всему парку и всматриваясь в лица всех находящихся здесь девушек ее возраста.

Последний номер был в не зоны уже больше недели. И я не находил места себе все это время. А я ведь не верил раньше, что из-за какой-то бабы можно так изводиться, считал это фигней для слишком романтических барышень и для тюфяков.

Я чувствовал, что Катерина знает, где ее подруга, но держит это за семью замками. Скорее всего, Рита ей рассказала больше, чем я бы хотел, о наших с ней отношениях.

Я уже успел перепроверить всех пассажиров поездов, самолетов, которые только отправлялись последние две недели в любых направлениях. Понимал, что это глупо, что она вряд ли рискнет оставлять мне такой след, если решила скрыться, но не мог сидеть и ничего не делать. Она не пользовалась кредиткой, нигде официально не светила своими документами — просто исчезла. Идти на крайности и светить ее фото в средствах массовой информации я решил только в крайнем случае. Она мне это потом вряд ли простит, но сейчас был вопрос не об этом. Главное найти, а потом у меня будет вся жизнь, чтобы вымалывать прощение.

У меня еще осталась зацепка с тем последним телефонным номером. Не было никаких сил ждать, когда же он включится. Спустя еще неделю этого безумия, я наконец-то дождался — абонент появился в сети. И я тут же сорвался с места.

Я так соскучилась по маме. Хотелось услышать родной голос, и в то же время я боялась с ней говорить. Она меня ведь чувствует. Как скрыть от нее душевные страдания, в которых я сейчас тону?

Но больше оттягивать разговор с ней я не могла. Еще денек-другой и она устроит переполох. Еще чего доброго, заявится на место моей бывшей работы. С ее сердцем она просто этого не выдержит. Нужно будет потом как-то обосновать мой уход с работы и переезд в другой город. Но это потом, сейчас нужно взять себя в руки, и сделать так, чтобы мама на том конце провода ничего не заподозрила.

— Привет мам! — Я пыталась говорить радостно, но понимала, что получается слишком наиграно — фальшивлю. — Как у тебя дела?

— Привет, солнышко! Давно тебя не слышала. Заваливают работой? Сидела бы ты лучше здесь, хоть и зарплата поменьше, зато и свободней бы была. И всегда у меня на глазах.

— Мам, все нормально. — Мое натянутое настроение она почувствовала, но подумала, что виной этому усталость. — Ты с этой постоянной занятостью никогда замуж не выйдешь. Так и будешь в девках ходить до старости. Не дашь мне внуков понячить. — Пошла новая песня о старом. И в первый раз я была довольна, что она затронула эту тему. Она могла говорить об этом без усталости, сама задавая мне вопросы и сама же на них отвечая. Меня раньше напрягала эта попытка сбегать от меня с рук или как она говорит «Пристроить, что бы я за тебя не волновалась». Как на мой взгляд отдавая дочь замуж нужно волноваться еще больше. Кто его знает, какой человек рядом? Эта мысль больно кольнула в груди. Я уже поверила, а сейчас собираю осколки разбитого сердца. Мама мое молчание приняла по-своему.

— Опять дуешься? Я же добра тебе желаю. Не у всех ведь как у меня бывает. Кто-то живет счастливо и до самой старости. Боятся волка в лес не ходить.

— Да не обижаюсь я на тебя. Но где же женихов этих найти? Не повешу я ведь себе табличку на грудь «Требуется муж».

— Да потому, что занята ты постоянно, потому и некогда знакомится с молодыми людьми. Вот я говорю, сидела бы ты здесь, и я была бы спокойна, и времени свободного, было бы больше. А ты поехала за длинным рублем.

— Мама, за длинным рублем ездят за границу, а я всего лишь поехала в другой город.

— Но я вижу тебя так редко, как будто ты действительно за границей. — Вот на все у нее есть свой аргумент. Попробуй что-нибудь докажи. — Тут тебе недавно мужчина какой-то звонил. Сказал, что с банка. Предлагал какой-то кредит взять и просил твой мобильный. Не дала я ему твой номер. Знаю я их кредиты. Возьмешь, а потом за всю жизнь не рассчитаешься. Ты же недавно номер поменяла. Может потому и поменяла, что доставали тебя этим?

— Для таких звонков есть черный список. А телефон я действительно разбила. — О том, что можно было восстановить симку, я маме, разумеется, не сказала. От мысли, что меня искал какой-то мужчина, сердце забило с удвоенной скоростью. Что ж я глупая так реагирую, на любую мелочь. Надежда, что он будет меня искать, не покидала. И знала же, что это глупо, что пытаюсь увидеть то, что хочу, а не то, что есть на самом деле. Не могла не

думать о нем. Ненавидела и все равно скучала. Я даже не знаю, как правильно это назвать. То, что внутри все переворачивается от одной мысли о нем. Хочется лететь к нему и в то же время бежать в противоположную сторону, чем подальше. Как далеко нужно уехать, чтобы эта нить, привязывающая мое сердце к нему, наконец таки разорвалась. Чтобы не было так больно дышать, чтобы мир вокруг заиграл снова красками, и дни не тянулись унылыми серой чередой.

— Ну ладно мам, спокойной ночи, а то мне завтра рано на работу.

— Спокойной ночи доченька! Не бери ты мои глупые слова близко к сердцу. Я ведь просто переживаю за тебя.

— Хорошо мам. Спокойной ночи. — Я положила трубку и скрутилась на полу в безмолвном рыдании. Никогда не думала, что душевная боль может перерасти у физическую. А у меня сейчас ведь так горело все внутри, в горле стоял комок, а грудь, казалось, разорвется от этой щемящей боли. Я терла грудь руками, а хотелось разорвать кофту и ногтями скрести, и вырвать то, что уже, больше трех недель, не дает мне жить.

Я головой понимала, что это, скорее всего, звонил действительно сотрудник банка. Я ведь когда искала деньги маме на операцию, какие только инстанции не оббегала, где только не пыталась одолжить, а сердце хотело верить, что это он. Боже, сколько во мне глупости? Даже после всего, что он сделал, что я увидела своими глазами, так хочу ему верить. Что случилось со мной за последние два месяца? От куда взялась эта глупая влюбленная дурра, без капли гордости и самоуважения? Мне так хотелось набрать его номер, который я знала наизусть, но я сдержалась. Не зря же я уехала, не зря обрезала все пути назад. Зачем ковырять рану, которая еще не зажила? Да и заживет ли когда-нибудь?

Не знаю, сколько времени так лежала на полу, а потом все же пришлось взять себя в руки. Я снова отключила телефон, избегая искушения позвонить ему.

Глава 27

Давно свыклась с мыслью, что в каждом мужчине искала его черты. У кого-то — фигура, у кого-то — походка, а кто-то взглянул именно так как он. Сколько времени это будет продолжаться? Когда я научусь жить, отбросив прошлое?

Вот и сейчас, проходя около любимого, еще с времен учебы, кафе, я увидела знакомый БМВ. Такой же, но скорее всего другой. Просто мое воображение подбрасывает мне то, что я хочу видеть. Я ели сдержала себя, чтобы не обойти машину и не посмотреть номера. Закрыла на минуту глаза и попыталась успокоиться. Не оборачиваясь, направилась в кафе, за утренней дозой кофеина. В последнее время был жуткий упадок сил, и я просто не могла без утреннего кофе — засыпала на ходу.

Уже взявшись за ручку черт меня дернул обернуться. С машины выходил мужчина, такой же рослый и широкоплечий, как Николай. На глаза непроизвольно набежали слезы, они не стекали на щеки, а просто туманили взгляд. Черт лица мужчины я не видела. В этом сладком неведении, но полна надежд и мечтаний, я так и стояла, держась за ручку двери. Люди изнутри выходили, и мне пришлось отойти, вместе с открывшейся дверцей. Я на минуту потеряла из виду мой личный мираж, а когда развернулась обратно, глаза уставились в распахнутый ворот рубашки. Я помнила этот цвет кожи, ее гладкость и жесткие курчавые волосы, что прятались чуть ниже, и если расстегнуть третью пуговицу их можно увидеть. В нос ударил до боли знакомый и родной запах. Запах кожи любимого мужчины вместе с его духами. Этого просто не могло быть. Неужели это последняя стадия и мне пора лечиться.

Нужно было закрыть глаза, отвернуться, уйти, убежать, но я не смогла. Я как в

замедленных кадрах фильма постепенно поднимала глаза. Ворот рубашки — кадык, который двинулся, нервно сглатывая, неужели волнуется? Когда глаза дошли до подбородка, в глаза бросилась недельная щетина, никогда не видела его не бритым, на столько. Это было так... волнующе. Хотелось запустить пальцы и поскрести этого черного ежика. Губы, сжатые в тонкую полосу — они такие только когда он злится или волнуется. Его волнение и растерянность я видела только раз — там, в машине, когда он признавался, что никогда меня не отпустит, но отпустил, и даже сам оттолкнул. Сердце снова резанула острая боль.

А потом глаза. Эти темные глубокие зеркала души. Они были чуть прищурены, как будто пытались что-то угадать. Я тонула в этих глазах. Так хотелось просто смотреть в них и ни о чем не думать, ничего не помнить. Просто вычеркнуть эти три недели бесконечных мук и жить дальше. Лишь бы он был рядом. Лишь бы видеть эти глаза, чувствовать его дыхание где-то в области шеи, ощущать его руки на своем затылке, когда он медленно перебирает пряди моих волос. И какое еще нужно счастье? Так хотелось прижаться к нему и не отпускать.

Но память предательница подбросила картинки Марины на его коленях, их поцелуй. Я не смогу превратиться в пустышку, позволяющую ему все, ради коротких мгновений счастья, когда он рядом. Меня чуть не убила одна его измена, и я ели поднялась на ноги, так и не сумев до конца себя собрать. После второй я просто не выживу.

Его пальцы коснулись моей щеки и растерли влагу, а я ведь и не знала, что плачу все это время.

— Прости. — Он дернулся в мою сторону, но тут же отступил. Пальцы так и гладили мою щеку, и от их прикосновения я чувствовала покалывание. Я подняла свою руку и так зарылась пальцами в его щетину, это было даже приятней, чем я себе представляла. Еще мгновение, еще чуть-чуть насладиться тем, что он рядом. Запомнить его таким, и отложить это глубоко в памяти как драгоценность.

— Не могу. — Я оторвала свою руку от его подбородка и нежно, но настойчиво убрала его руку со своей щеки.

Я оттолкнулась от него, развернулась и пошла, не сказав больше ни слова. Как больно все снова вспоминать. Как хочется перестать чувствовать. Так прекрасно любить, но на много хуже потом медленно умирать от боли предательства. Я не с тех женщин, которые могут мириться с постоянными изменами, находя себе развлечение на стороне. Меня неверность убивает и никогда я не смогу относиться к этому спокойно. Может, разве когда-то очерствее душой? Да и зачем мне тогда такая душа?

Я шла быстро, не видя ничего вокруг, только стук сердца в ушах, казалось, разобьет сейчас перепонки, и прохладный ветер охлаждал мокрые дорожки на щеках. Он шел сзади, я знала. Не слышала, но чувствовала. Я остановилась. Он рядом. Не оборачиваясь к нему, спросила:

— Зачем это все? Ты же видишь, мне больно, зачем мучаешь еще сильнее? Мне плохо без тебя, но и с таким тобой я просто не смогу. Отпусти. Дай пережить это все и забыть. Я не одна из твоих девочек, я не смогу с этим мириться.

— Когда-то один придурок был слеп в своей ярости и наказал не виновную. А потом сотни раз пожалел о случившемся. Не повторяй его ошибки. Дай мне шанс объясниться. — Его голос был тихим, в нем чувствовалась боль.

Он только что назвал себя придурком? Я не ослышалась?

Я медленно повернула голову в его сторону.

— Я не изменял тебе. И прошу дать мне шанс доказать это. Если после всего ты по-прежнему захочешь уехать от меня — отпущу. — Сколько раз я видела в фильмах, что от недосказанности и от необоснованных обид рушатся семьи, и думала, что никогда не буду настолько глупой, чтобы оказаться на их месте. И вот сейчас делая шаг ему на встречу, я попыталась быть не глупой. Надеюсь, что не пожалею об этом.

НИКОЛАЙ

Видеть ее после долгой разлуки и не сорваться с места, а медленно подходить, чтобы не спугнуть, было для меня пыткой. Так хотелось прижать к груди с такой силой, чтобы не было сил вздохнуть и вместе с тем, мечтал сдувать пылинки с ее тела. Она мое все, такая трепетная и нежная и вместе с тем, бойкая и остра на язык. Боль в ее глазах отражалась в моем сердце.

И эта маленькая лгунья хотела уйти от меня и даже не планировала сообщать о беременности?

Ее беременность это вообще другой разговор. Никогда не хотел детей, ну не было у меня такого желания. Сообщи мне одна из бывших, что ждет ребенка, был бы только один ответ — «сколько нужно на аборт?». А с ней как-то даже мысли подобной не возникло. Почувствовал радость и что-то сродни облегчению. И я даже не знаю, чему больше радовался, будущему рождению своего ребенка, или же тому, что наконец-то привязал ее к себе навсегда. Больше никаких побегов только здесь, только со мной — навеки.

Поглаживая рукой огромный живот, я смотрела вниз на разбросанные бумаги. Вот как можно быть настолько неуклюжей? И это все нужно было бы как-то поднять, а я уже устала по десять раз на дню собирать упущенные мною же бумаги. Хотя собирала я их редко, постоянно под боком находился кто-то желающий помочь. В большинстве случаев это была новая секретарша, которая пришла на Машкино место.

Он нашел, действительно виновную, в том происшествии, и ей оказалась Маша. Я часто задаюсь вопросом, а узнал бы он тогда, что виновная Маша, наказал бы так же? Я даже Николаю как-то задала этот вопрос. А он посмотрел на меня как-то странно, как будто засомневался в моих умственных способностях.

Стою и смотрю, и не от куда ждать помощи. Да и не удивительно, кто будет шастать просто так, по кабинету директора, особенно когда его самого здесь нет. Можно было бы кого-то позвать, да как-то неудобно — не инвалид ведь. И как бы долго и умоляюще я не смотрела на эти бумаги, сами по себе они собираться все же не хотели. Вздохнув с чувством вселенской несправедливости и поддержав рукой живот, я все же наклонилась в позу рака и стала собирать по одному листику.

Сзади отворилась дверь, кто-то вошел, дверь тут же закрылась на щелчок. Не успела я подняться, как ощутила крепкую мужскую руку на своей торчащей в гору пятой точке.

— Коля, я сейчас упаду. — Но он не спешил отойти. Обхватил меня двумя руками за бедра и потерся об мою не скромно торчащую кверху попу своим уже сильно возбужденным пахом.

— Давай подойдем к дивану, и ты покрепче обопрешься. — Он помог мне разогнуться и уже подталкивал в сказанном направлении.

— Ты вообще стыд потерял? — Моему возмущению не было предела. Сколько ж можно? Пора было бы уговорить несколько свои аппетиты. Хотя если честно, на сами аппетиты я не жаловалась, но учитывая мою слегка изменившуюся форму, стоило бы отказаться от экспериментов в рабочем кабинете. Как-то не удобно закрываться на пол часа, а потом ходить покрасневшейся перед коллегами. Ведь не маленькие дети — понимают причину.

— У меня его отродясь не было. — Я чувствовала, что он улыбается, щекоча поцелуем мою шею.

— Коля! — Хоть бери да ножкой возмущенно притопни.

— Ты просто не ставай больше так, а то я как животное — живу инстинктами. — Он для наглядности крепко сжал мою попу.

— А твой инстинкт не говорит тебе оберегать беременную жену?

— Мой инстинкт говорит мне — «бери, пока есть шанс, а то потом неизвестно когда дадут мне насладиться, этим лакомым кусочком, два орущих комочка».

— И кто же это еще два месяца назад радостно плясал со мной на руках прям в кабинете УЗИ, од того что у него будет сразу два мужика в доме?

— Два мужика это хорошо, но пустая холодная постель это ооочень плохо.

— Я уже дала свое согласие на няню, чего ты еще хочешь? — Я обреченно вздохнула. Мне нелегко далось это решение. Доверить кому-то чужому своих маленьких ангелочков?

Но я понимала правоту слов Николая, одной с двумя детьми справиться очень сложно. Я хочу сама растить и воспитывать своих детей, а няня как помощница, а не замена мамы. Моя мама дала мне безоблачное детство, я для своих детей сделаю не меньше, и надеюсь играть эту роль мне не понадобится. Николай будет реальным и хорошим папой, а не моей выдуманной сказкой на ночь.

— Тебя хочу. У меня как у животного, перед возможной голодовкой увеличивается аппетит. — Он уже целенаправленно подводил меня к дивану, и вот эти поцелуи в ушко просто не давали мне, сказать ему «нет». И надо же было его назвать в порыве страсти животным. Теперь все свое нетерпение списывает на животные инстинкты.

Больше книг на сайте - Knigolub.net